

А. РОМАШОВ

- ЛЕСНЫЕ
ВСАДНИКИ
- КОНДРАТИЙ
РУС

А. ДОМНИН

- ПОХОД
НА ЮГРУ

Выпуск 41—42

**ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973**

**БИБЛИОТЕКА
И ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

А. РОМАШОВ

- ЛЕСНЫЕ
ВСАДНИКИ
- КОНДРАТИЙ
РУС

•
А. ДОМНИН

- ПОХОД
НА ЮГРУ

В этом выпуске «Библиотеки путешествий и приключений» мы предлагаем читателям исторические повести пермских писателей Андрея Ромашова и Алексея Домнина.

Повесть А. Ромашова «Лесные всадники» рассказывает о давних событиях истории Прикамья. Тысячу лет назад великая река Кама так же несла свои воды среди могучих суровых лесов. Но жили на ее берегах другие люди — далекие предки современных манси и венгров.

Беспрерывные набеги врагов заставили племя лесных всадников покинуть родину. Они ушли, но не покинулись врагам.

Вторая повесть — «Кондратий Рус» — рассказывает о первых русских переселенцах в Прикамье. Они жили на новой родине, не зная языка и обычаев своих соседей — коренных обитателей сурового лесного края. И тем не менее трудовые люди всегда находили общий язык, сообща, помогая друг другу, боролись с трудностями.

В основу повести А. Домнина «Поход на Югру» лег рассказ Новгородской летописи об одном из первых походов новгородцев на Урал «за серебром и соболем» в 1193 году.

О сказочных богатствах Урала на Востоке и Западе рассказывали легенды. Там, дескать, белки падают с неба дождем и соболя стелются черной метелью, там у ног плосколицых югорских идолов лежат горы серебра знаменитой хорасанской чеканки. Издавна манили к себе русских немеренные уральские земли: одних — богатствами, других — волей. Но долог и труден путь к Каменному поясу «через леса, пропасти и снега...»

А. РОМАШОВ • ЛЕСНЫЕ ВСАДНИКИ

*Набегали с юга волны,
Уносили не валежник,
Не песок и не коренья —
Угры воинов теряли,
Племя Всадников слабело...*

1. КУЗНЕЦ ШАВЕРШОЛ

Только в конце болота, у небольшой каменной горы, Шавершол разыскал красную воду.

— Там, где красная вода, там и железная земля, — говорил ему отец.

Юноша снял кожаную рубашу и поглядел на небо. Оно голубое и огромное, это весеннее небо. Красное солнце горело там ярким негаснущим огнем.

Род их, род крепкогрудых кузнецов, поклонялся огню. Шавершол приносил ему в жертву луч-

шие куски мяса. Он любил буйного и веселого покровителя рода. Огонь освещал и согревал юрту, отгонял в белом лесу холод от охотников, выжимал из сырого мяса кровь. Огонь отделял землю от железного камня, а железный камень делал податливым и послушным. Огонь помогал крепкогрудым ковать узкие и тонкие мечи острее болотной осоки. Они одни знали тайну железной земли, которую побеждал только огонь. Умирающие оставляли ее живым, и род их, род крепкогрудых кузнецов, всегда был сильным и богатым.

Шавершол взялся за клевец, но вспомнил наказ женщин и стал выбирать из болота железную краску. Он выжимал ее досуха в кулаке и складывал в широкие переметные сумы рыхлые темно-красные кусочки охры, похожие на затвердевшую кровь раненой лошади. Женщины вскипятят железную краску с овечьим салом и выкрасят щеки на празднике солнца.

С горы наблюдал за ним медведь-пестун. Зверю надоело глядеть на качающегося в болоте человека. Он захватил в лапы камень и столкнул его с горы. Тяжелый камень буткнулся в красное болото у ног Шавершола, осыпав его брызгами. Кузнец, отскочив, больно ударился плечом о сук и поглядел наверх. Там на задних лапах стоял молодой медведь и мотал черной короткоухой башкой. Злость на медведя-обидчика была сильнее боли в плече. Она подступала к горлу, душила кузнеца, как холодная петля волосяного аркана. Он стонал и дрожал от злости, потом закричал, громко и воинственно, и полез в гору. Подошвы его яловых ичиг давно стали гладкими, как речная галька. Шавершол падал и поднимался, хватался за вереск и мелкие елки, ломал их, вырывал с корнем. Зверь, покачиваясь, спокойно глядел на него. Он первый раз видел человека и не считал его сильнее себя. Шавершол лез прямо на медведя, громко кричал и ругался. Он дразнил зверя, и зверь рассердился — засопел, зафыркал, поднял толстые мохнатые лапы и пошел на него.

Но человек был хитрее.

Человек дождался разъяренного зверя, отскочил в сторону и оказался с поднятым клевцом за спиной обманутого медведя. Медведь заревел от обиды и повернулся, но удар страшной силы пробил ему башку. Пестун застонал, как человек, и стал медленно оседать к земле. Шавершол ударил его еще раз и бил долго, пока не погасли подобрешшие перед смертью маленькие глаза обидчика.

Человек победил зверя. Он поставил ногу на спину умирающему врагу и закричал. Победный крик его подхватил ушастый филин и понес лесом дальше, перекликаясь с братьями. Шавершол слушал свой убегающий вдаль голос и радовался победе над хозяином леса.

— Урга! Урга-а-а! — кричал весело и хвастливо огромный черный кузнец.

Его длинные тугие волосы прилипли к горячей шее, потная кожа блестела на солнце, как натертая трутом кость, а знак рода горел на груди красным огненным пятном. Он похож был сейчас на раскрашенного идола, но с живым счастливым лицом. Таких лиц не бывает у деревянных сумрачных богов.

Темная ночь приходит на смену светлому дню, радость сменяется горем. Шавершол не снял шкуры, не попробовал сладкого мяса молодого зверя. Заметив над городищем вождя дым от сторожевого костра, он стал быстро спускаться с горы. Дым над городищем — сигнал вождя, весть людям племени об опасности.

Спустившись с горы, кузнец надел рубаху, забросил на плечо переметные сумы с железной краской и побежал к лошади. Он оставил ее на сочной траве в редком ельнике перед болотом.

Заросшие желтым бесплодником зыбуны хватили его за ноги. Он падал, спотыкаясь о крепкие кочки, проваливался по пояс в замшелые ямы и, выползая из них, хрипел, как загнанный зверь.

Выбравшись из болота, Шавершол отыскал в ельнике

своего Арагеца и вскочил в седло. Он погнал коня, не разбирая дороги, к родному селищу. Колкие лапы елок и сосен хлестали его по голове, острые сучья рвали на широких плечах горячую от пота рубаху. «Какие люди опять пришли на нашу землю? Кто привел их?» — думал Шавершол.

Разгоряченный конь вынес его из леса и остановился перед раскрытыми воротами селища, тяжело водя потемневшими боками.

Кругом было пусто и тихо. Низкие двери длинной и приземистой деревянной юрты завалены камнями. Загон раскрыт, сорванные ворота втоптыны скотом в жирную грязь. В черных ямах, где мужчины его рода отделяли железный камень от земли, потух веселый огонь.

Шавершол понял: сородичи увидели дым сторожевого костра и ушли в укрепленное городище вождя, забрав с собой скот и детей. Не заезжая на родное селище, он погнал коня дальше. Умный Арагез, чуя беду, быстрее стрелы летел знакомой лесной тропой.

Мелькали темные лапы елей и белые ноги одиноких берез. Взлетали с обиженным криком испуганные птицы, потревоженные звери уходили дальше в лес. Только большие дятлы-черняки упрямо стучали костяными носами и не думали улетать.

Быстрее ветра несясь глухим лесом длинноволосый всадник, склонившись к гриве коня. Блеснув, осталась позади речка, тропа побежала в гору.

Уставший конь храпел и гнул к земле тугую шею. На горе широколапые ели расступились, лес стал редеть, появились чернохвостые стрекотухи, запахло дымом и гарью.

2. ПЛЕМЯ ЛЕСНЫХ ВСАДНИКОВ

Вождь племени всадников седебородый Кардаш сидел на ковре перед идолом. Он глядел на серебряное лицо бога,

на его тонкие красные руки. Старый вождь не молился, он ждал маленького шамана и думал.

Тяжело быть вождем слабеющего племени, видеть и молчать. Старые боги, боги типчаковой степи, мстят за измену, а новые слабы и ленивы. Куда вести племя? Впереди глухие темные леса, позади враги. Давно ли помолодевшая земля надела зеленую шубу, а болгары уже два раза поднимались по Великой Голубой реке до города угров.

Кардаш десять раз ударил сухими ладонями перед лицом идола и сказал ему:

— Сколько не стало в моем племени воинов!

Старый вождь думал о своем народе, глядел на крепкие сосновые стены, завешанные шкурами и оружием. Деревянный дом вождя построен из толстых потемневших от времени бревен, но многое в нем осталось от степной юрты. Земляной пол покрыт мягкими коврами и теплыми шкурами, посередине жилища каменный очаг с большим медным котлом.

Кардаш услышал смердящий запах плохо выделанных овчин и оглянулся. У дверей стоял маленький шаман в старой овчинной рубахе и ждал приглашения. Вождь подвинулся и указал ему место на ковре, рядом с собой.

Шаман подошел, снял кожаный пояс с шумящими подвесками, сел и бросил горсть травы в жертвенную чашку, стоящую перед идолом. Из серебряной чашки поднялся крепкий запах сухих трав.

Вождь сказал маленькому шаману:

— Ты знаешь все... Говори.

Шаман молчал. Глаза его были прикрыты вспухшими веками, он глубоко и часто дышал, вбирая запахи любимой степи. Большое дело требует мудрых слов, а мудрые слова не живут в торопливой душе.

Седой вождь ждал, слушал звонкий голос любимой дочери Илонки. За спиной, в другой половине дома, работали женщины и пели...

Шаман открыл глаза, поглядел на вождя и спросил:

— Кто мы?

— Воины и охотники, — ответил ему старый Кардаш.

— Где наша родина?

— Мой отец и отец моего отца жили здесь со своим народом, — ответил шаман седой вождь.

— Нет, вождь Кардаш. Мы скотоводы. Мы пришли сюда из степей. Тогда у племени всадников скота было больше, чем ночью звезд на этом холодном и чужом небе...

— Ты не любишь певца Оскора, а повторяешь за ним его песни, шаман Урбек.

— Песни Оскора — наша память о далеком. Певец сам виноват в своем горе. Он давно уже не приносит жертвы вечным и великим в мою юрту. Боги мстят ему. Они гонят певца по земле, как ветер гонит сухой лист.

— Певца Оскора давно нет в племени, шаман Урбек. Где он? Ты спрашивал своих богов?

— Оскор ушел к чужим людям.

Вождь качает седой головой и тихо говорит себе и шаману:

— Больной человек не поет песен. От слабеющего народа уходит певец... Ты спрашивал, шаман Урбек, своих богов, что нам делать? Куда идти моему народу?

Шаман бросил в жертвенную чашку сухой травы и сказал:

— Слушай меня долго, вождь Кардаш, слушай и думай... Это было давно... Еще не родился поседевший ворон, который прилетает к моей юрте клевать жертвенное мясо. Угры имели тогда больше скота, чем волос на этой медвежьей шкуре. Народ не знал горя и не боялся голода в длинные снежные зимы. Люди рождались в степи, жили в степи и умирали в степи. Но пришли в типчаковую степь с южной стороны орды диких и смелых людей. Их большеголовый вождь ел сырое мясо и пил кровь врагов. Семь наших племен выбрали себе вождя, поставили юрты на колеса и ушли на закат. Семь племен остались в родной степи платить дань хану пришельцев. Но чужой хан был

ненасытнее огня. Таяли, как снег под солнцем, наши стада, гибли наши люди и умирали дети, не научившись еще ходить. Тогда мудрейшие выбрали Большого шамана и потянулись, как гуси, на север. Большой шаман уводил свой народ от диких и жадных пришельцев. Умирали отцы, рождались дети, и дети становились отцами, а племена все шли, шли и шли. Лучших лошадей и коров угры отдавали своим богам, и боги любили их. Типчаковая степь раздвигала леса и шла вместе с нашим народом на север. Но люди спешили уйти от опасности и обогнали степь. Большой шаман боялся, что враги догонят их, и повел народ угров дальше, в темные и глухие леса Великой Голубой реки. Только твое племя, Кардаш, осталось на краю степи, не пошло за Большим шаманом. Это было племя гордых смелых воинов. Они выбрали своего вождя из рода черных орлов и стали жить по заветам своих отцов: учили молодых храбрости и пасли скот... Вырастали, падали на землю и умирали деревья. На месте одной упавшей светлой сосны выросло десять черных елей. Отцы наших отцов видели, как отступала степь, но не пошли за ней. Они привыкли к лесу, жили в деревянных юртах, сеяли ячмень, охотились и ловили красную рыбу. И твой отец, вождь Кардаш, уже не помнил сладкого запаха степных трав...

Шаман замолчал; молчал и старый вождь, думая о судьбе своего племени. Он гордился своим народом и жалел его. Ему было приятно слушать рассказ о мужестве предков и горько видеть племя всадников слабеющим под ударами врагов. Он видел, как гибли в частых сражениях лучшие воины. Враги отнимали силу у племени, сырые леса и болота отнимали силу у женщин. Но может ли он, седой старый вождь, вести свой народ по незнакомым и трудным дорогам? Куда приведут эти дороги? И вспомнил старый Кардаш светлый летний день, когда он стал вождем племени всадников. Тогда он был молодым и сильным, но послушал шамана и старейшин. Они называли его вели-

ким вождем великого народа, и он верил им. Ведь они построили ему высокую сосновую юрту, постлали на земляной пол красные ковры и мягкие шкуры, повесили на белые еще стены деревянной юрты дорогое оружие. Он ел из серебряных чаш свежее мясо и пил из красивых узкогорлых кувшинов крепкое кобылье молоко и старый мед, пахнувший лесными травами. Народ дивился богатству своего вождя и верил ему. Сейчас Кардаш знает: старейшины обманули его. Привыкшие к лени и сытости, они боялись незнакомых дорог...

Поют женщины за стеной, шумит весенний ветер на улице, и клонится от тягостных дум седая голова старого Кардаша.

Шаман потянулся за поясом. Звон бронзовых подвесок заглушил песню женщин и вспугнул думы. Вождь спросил гостя:

— Ты все сказал, шаман Урбек?

— Я говорил с мудрым...

— Ты не сказал, куда и кому вести наш народ?

— Сильные без родины гибнут, слабые становятся рабами, вождь Кардаш. Надо идти в степи.

— Наши степи — не наши. Там враги. Ты знаешь, шаман Урбек.

— У нас есть серебро и скот.

— Если отдашь врагу лошадь, он возьмет весь табун. Если отдашь рабыню, он возьмет и дочь.

— У вождя не возьмут табун, у вождя не возьмут дочь. Вождь останется вождем и в племени данников.

Старый Кардаш вскочил и закричал на шамана:

— Племя всадников никому не станет платить дани! Мой народ не пойдет в пасть зверю!

Гневом налились помолодевшие глаза вождя, рука его потянулась к ножу. Маленький шаман отполз за идола и оттуда глядел, как мучают старого Кардаша древние боги типчаковой степи.

Неслышно открылась дверь, обитая медвежьими шку-

рами, и шаман увидел Оскора. Певец стоял с обнаженным мечом, в разорванной одежде. По грязному лицу его катились крупные бусины пота, спутанные волосы смокли и прилипли ко лбу.

Гнев старого Кардаша, как крупный летний дождь, быстро проходил. Он увидел Оскора и улыбнулся.

Оскор подошел к нему. Вождь и певец ударили друг друга по плечу.

— Будь здоровым и сильным, вождь Кардаш!

— Будь здоровым и сильным, певец Оскор!

Вождь сел, усадил рядом с собой гостя и спросил:

— Ты привез недобрые вести?

— Ты угадал, вождь Кардаш, — ответил ему певец. — Однорукий военачальник опять привел булгар на твою землю. Три десятка лодок к вечеру будут у города. Я сам видел, как они повернули от Великой Голубой реки. Они плывут по родному Меркашеру к нам...

Шаман выполз из-за идола. Оскор увидел его и громко засмеялся.

— Ты смеешься над нашим горем, бродячий пес! — кричал на него шаман, вскакивая на ноги.

— Я смеюсь над тобой, брат шкала.

Маленький шаман завизжал от злости и выбежал на улицу.

3. ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Звеня и стуча оружием, заходили в большую юрту воины из рода вождя. Кто предлагал старому Кардашу строить завалы у речки и не пускать булгар на берег, кто советовал уходить в лес. Но большинство молчало, слушая слова мудрых. А сторожевой костер все рос, дым от него поднимался выше священной лиственницы и нес людям племени весть об опасности.

Ближайшие к городищу роды уже покидали свои селища, воины спасали детей и женщин, гнали под защиту валов и рвов испуганный скот. Ожили, заговорили лесные дороги. Застучали по ним степные телеги на высоких скрипучих колесах. Заржали тонконогие лошади под грузными и крепкими всадниками. Разбуженные шумом, ночные хищники уходили дальше в лес, в темные и глухие урочища.

Шел род за родом, вливались в раскрытые бревенчатые ворота телеги и скот и растекались по широкому городищу. Последним вошел в город вождя род крепкогрудых кузнецов, хранителей тайны железной земли. Мужчины поставили телеги кругом, женщины начали разжигать родовой костер, подростки загоняли скот в высокие крытые загоны.

Окруженный глухими лесами и мертвыми болотами тихий город вождя стал многолюдным и шумным. Плакали дети, кричали и ругались женщины, отгоняя воющих собак от костров.

В больших черных котлах женщины варили берестяную смолу и бросали на жадные языки огня жирные куски кровавого мяса. Покусывая жертвенное мясо, огонь шипел и разрастался. Плясали перед ним, раскрасив щеки и грудь железной краской, черноволосые девушки в мягких кожаных юбках. Подражая отцам, пели у огня песню победы маленькие сыновья угров.

Суровые воины прощались с родичами, надевали кожаные шлемы, брали клееные луки и уходили к племенному костру на жертвенный обряд. Пятнадцать десятков мужчин взяли боевое оружие. Среди них были совсем еще юные, недавно получившие из рук старейшины тонкий кривой меч, были и старые — ровесники седого Кардаша. И старые и молодые воины знали: болгар придет в пять раз больше, и каждый готовился быть сильнее пяти врагов.

Маленький шаман сидел перед живым огнем большого племенного костра и бросал в него сухую степную траву.

Красноволосый скуластый раб шамана держал за крепкую ременную веревку белую лошадь. Она билась и храпела, предчувствуя смерть.

Собравшиеся воины окружили костер и запели песню победы. Шаман вскочил и воткнул широкий нож в шею коня. Белый конь рванулся, осел на передние ноги и рухнул на землю. Маленький шаман завыл и запрыгал перед упавшей лошадей, звеня бронзовыми колокольчиками и железными подвесками. Старейшины подхватили его клич, и еще полдесятка белых лошадей забились в смертных судорогах. Но ни одна капля жертвенной крови не упала на землю, ее выпили священный огонь и воины.

Напившись горячей крови, воины качались и прыгали перед огнем, потрясая оружием. Они призывали богов своих быть милостивыми к их племени:

Добрый отец огонь!
Ты на небе и на земле,
Ты веселый и сильный,
Ты ненасытный и злой.
Порази врагов в сердце,
Порази врагов в голову,
Сожги одежду и тело
Врагов твоего народа...

Вождь Кардаш стоял на коленях перед огнем и жадно пил из серебряной чаши кровь любимой лошади. Каждый глоток крови, сладкой и горячей, прибавлял силы рукам и возвращал мужество его старому сердцу.

— Булгары!

— Булгары пришли! — закричали сторожевые воины с южного вала.

Их крик подхватили женщины и понесли его к восточным воротам, от рода к роду, от костра к костру.

— Булгары!

— Булгары! — кричали дети и, обгоняя собак, бежали к племенному костру.

Старый вождь услышал крики детей и женщин, вылил

остатки крови на огонь и поднялся. По его знаку воины из рода быстроногих побежали к восточному валу. С ними ушел и певец Оскор, их брат и сородич, носивший, по обычаю предков, на железной цепочке знак рода быстроногих — бронзовый подвесок с изображением головы дзура, быстрого, как ветер, степного козла.

Оставшихся воинов вождь повел к южному валу, защищавшему город со стороны речки.

Поднявшись на вал до крепко вкопанных надолб, воины увидели булгар. Они были уже на середине пологой горы, подступающей к городищу. Вождь угров поднял большой костяной лук и выстрелил в переднего булгарского воина. Тот, взмахнув щитом, свалился в траву и покатился вниз. На булгар посыпались тонкие и длинные стрелы с черными хвостами из конского волоса.

Враги остановились и окружили своего однорукого предводителя. Он что-то кричал им и показывал длинным славянским мечом на город. Булгары разошлись от него на две стороны и снова полезли вперед, прикрываясь круглыми щитами. Сверху казалось, будто движется на угров большая хищная птица с блестящими крыльями. Ключом птицы был однорукий военачальник с длинным мечом.

Чернохвостые стрелы угров клали на землю передние ряды булгар. Но те упрямо лезли вперед, размахивали кривыми мечами и выли:

— Али-ла! Али-ла-а-а-а...

Кардаш видел злые лица врагов, блестящие, как медные днища кувшинов, слышал незнакомые слова...

Вот передние ряды булгар встали один к одному, сложив крылья большой птице, и побежали на приступ. Задние ряды легли на землю и взялись за луки. Их белохвостые стрелы пробивали насквозь стоявших на валу угорских воинов. Первым упал с вала и покатился вниз, ломая концы стрел, брат Шавершола, старейшина рода крепкогрудых. Потом один за другим скатились с вала еще десять угорских воинов.

Угры теряли людей, но не мужество. Их чернохвостые стрелы сыпались на болгар частым дождем. Булгары дрогнули и покатались назад, оставляя на пути раненых и убитых.

Старый Кардаш вытер глаза, залитые соленым потом, отбросил лук и стал наблюдать за остановившимися на середине горы булгарами. Десять их воинов побежали в сторону правой руки, десять — в сторону левой. Кардаш понял: враги хотели узнать, как укреплено городище с боков. Он спокойно глядел на военную хитрость врагов: по крутым бокам городища не мог подняться ни зверь, ни человек. У болгар крыльев нет...

Дочь принесла ему воды в узкогорлом серебряном кувшине. Он пил родниковую воду и думал, что воины отдохнут, что враги не скоро снова пойдут на приступ. Враги будут ждать посланных на разведку воинов. Но старый вождь ошибся: однорукий военачальник взмахнул длинным мечом и опять повел болгар на приступ. Огромная, поблескивающая железным оперением птица опять поползла в гору.

Угры подняли луки. Но навстречу одной чернохвостой стреле летело полдюжину болгарских. На этот раз враги подошли к валу. Защитники города стали сбрасывать на них камни, скатывать тяжелые бревна и обливать кипящей смолой. Булгарские воины дико выли от ран и ожогов, но упрямо лезли вперед по деревянным лестницам и шестам, рубили ступени в крепком каменном валу. В нескольких местах их островерхие рыжие шапки показались над валом. Враги встретились лицом к лицу. Угры взяли за тонкие мечи, острые, как жало осы.

Черный дым от горевших лестниц и бревен закрывал жестокую сечу, душил воинов гарью и смрадом жженого мяса. Только слышался рев и стон озверевших от крови людей, звон и лязг каленого железа.

Поредели защитники города, как зубы старого волка, но мужество не оставило живых. Один угорский воин драл-

ся против десяти булгар и, смертельно раненый, падал вместе с врагом, вцепившись зубами в его потное горло.

Булгары не могли сломить гордого племени всадников, дрогнули и покатались назад.

Старый Кардаш вырвал из ноги засевшую стрелу и огляделся. Позади мягко горели костры; перед ними, как тени предков, тихо покачивались женщины. Они варили сладкое мясо жертвенных лошадей, ждали воинов — жадных, живых...

Булгары уходили дальше полета стрелы, отдыхать, копить силы, чтобы снова идти на приступ. Вот сейчас они остановятся на середине горы, соберутся в круг, на военный совет. Но булгары не остановились. Булгары побежали дальше вниз, к своим лодкам.

Вождь угров боялся поверить в победу. Может, мстящие боги типчаковой степи помutilи уставший разум, может, старые глаза обманули его...

— Шавершол!

— Шавершол! — кричали на валу угры и показывали на всадника, мчавшегося с поднятым топором на булгар. Кардаш понял, от кого побежали булгарские воины, понял и пожалел молодого кузнеца...

Сотня шакалов сильнее матерого волка. Не спасет молодого кузнеца богатырская сила, не защитит тяжелый топор-клевец, насаженный еще отцом на крепкий березовый сук. Двадцать десятков булгар сильнее одного угра. Враги уже увидели, что бегут от одного всадника, повернули назад и закрыли со всех сторон богатыря.

Первыми скатились с вала воины из рода крепкогрудых, спеша на помощь сородичу и брату. За ними покатались остальные с боевым кличем племени.

— Урга! Урга-а-а...

Пять десятков угорских воинов бежали навстречу смерти. Они видели только клевец Шавершола, черной птицей мелькающий над головами врагов. Первые ряды булгар были смяты и втоптаны в землю. Но крепче вросшего в зем-

лю камня стоял на пути угров высокий военачальник болгар, окруженный щитами своих воинов.

Падали угры, умирало гордое племя всадников под ударами диких пришельцев. Но племя не погибло, Шавершол пробился на лошади к непобедимому военачальнику болгар и тяжелым клевцом расшиб его железный шлем. Однорукий рухнул, как подгнившее дерево; болгары завыли и бросились к своим лодкам. Но некому было догнать их...

Заходящее солнце пылало большим костром над черным лесом, на бледное небо ложились кровавые отсветы.

Два десятка смертельно уставших воинов стояли среди мертвых и умирающих. Они слушали, как шумит их родной Меркашер, убегая на восход, к Великой Голубой реке.

Спускались на землю вечерние сумерки, ложились серые тени на мягкий вереск, на измятую траву, на холодные лица воинов.

Настулили тишина и покой.

Вздрагивая синими и красными головками, поднимались смятые цветы. А к ним летели желтые пчелы за данью.

Успокоившиеся птицы искали в траве корм, а с неба следили за ними парящие коршуны.

Вышел из леса осторожный сохатый и долго чесал рога о старую сосну.

Шавершол нашел брата среди мертвых. Рядом с ним лежал старый Кардаш и тихо стонал. Шавершол поднял раненого вождя и понес в город.

4. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ВОЖДЯ

Печаль долго висела над племенем, как сизый бус над землей в мокрые осенние дни. Оскору казалось, будто сердце его наполнилось слезами всех женщин из рода черных орлов, печалью всех девушек из рода коршунов и суровой тоской оставшихся воинов из славного рода крепкогрудых.

Печаль гнала певца из городища на крутой берег Меркашера. Он садился там под старой сосной, перебирал тугие струны деревянного лебеда и рассказывал речке о большой печали гордого племени всадников. Он рассказывал тихой речке, что священный огонь родовых костров съел тела павших воинов, что души их поднялись с дымом костров к великим предкам, что быстрая птица вурсик хорошо знает дорогу в страну мертвых, с ней души воинов не заблудятся...

Приходили к нему, на крутой берег Меркашера, постаревшие от горя женщины, молчаливые воины и притихшие дети. Они слушали скорбный рассказ певца и чего-то ждали. Горе не могло убить в них звериного желания жизни. Люди хотели услышать песню о тепле и радости, песню о продолжении жизни.

Чаще других приходила на берег Меркашера дочь вождя Илонка. Девушка садилась рядом с певцом, обнимала его сильными и ласковыми руками. Она говорила, что будет хорошей женой, что родит ему сына, который станет вождем племени всадников.

Оскар слушал девушку и молчал. Быстроногие дзуры удачливые охотники, но у них мало скота, нет красных ковров.

— Почему ты молчишь? — спрашивала она Оскура. — Я умею шить крепкие и красивые рубахи из кожи теленка, вышивать семь черных всадников на жертвенном покрывале. Я лучше всех рисую священную птицу карсу, приносящую людям счастье. Смотри...

Она показывала Оскору наколотую на руке двухголовую синюю птицу с желтыми большими глазами.

— Я открою тебе, любимый, — говорила ему Илонка, — тайну священного рисунка женщин. Ты наколешь тонкими железными иглами на своем теле знаки Ош. И станешь сильнее болезней и смерти.

Слушая дочь вождя, Оскар забывал большую печаль своего народа. Ему становилось теплее. Он пел Илонке пес-

ни радости, подслушанные в солнечное утро у пробудившихся птиц. Громче звенел его семиструнный лебедь, быстрее текли серебристые волны Меркашера к Великой Голубой реке.

Илонка понимала песни Оскора, верила им и, счастливая, убегала в юрту отца. Певец оставался один с думами... Мужем Илонки будет самый богатый старейшина. Так хотят предки его народа, так скажет маленький шаман перед живым огнем племени... Оскор может говорить с вождем как друг. Но старый Кардаш скажет ему: «Давно души наших воинов поднялись с дымом жертвенных костров в страну теней. Давно высохли слезы у наших женщин. А родовые костры все еще горят в моем городе, люди не уходят на родные селища. Они ждут мое последнее слово. Помоги найти это слово, певец Оскор!»

А что он ответит старому вождю? Мудрое слово не родится, как песня. Его не подслушаешь у птиц или в поле у ветра.

— Оскор! Оскор!—кричал Вургаш, маленький сын брата, и бежал с горы к нему.

— Кто послал тебя, Вургаш? — спросил его Оскор.

— Я сам... Вождь собирает воинов племени на совет. Все большие мужчины идут к юрте вождя...

В городище старого Кардаша было печально и тихо, как в зимнюю ночь. Неподвижно сидели у родовых костров притихшие женщины, закрывшись черными платками из мягкой шерсти. Лица женщин были торжественны и спокойны. Дети не играли и не ссорились. Маленькие лежали на коленях у женщин в кожаных мешках-равдугах, ребятишки, что постарше, прятались в высокой траве. Одни только собаки бродили от костра к костру, покачивая колечками хвостов.

В городище Вургаш отстал и, как серая куропатка, нырнул в траву. Оскор пошел к высокой юрте старого вождя.

Четыре десятка угорских воинов, суровых и уставших от

горя, сидели на мягких медвежьих шкурах вокруг большого каменного очага. Они молчали, глядели на серебряное лицо бога и думали.

На красном ковре лежал раненый вождь. В ногах у него, спиной к очагу, стоял на коленях маленький шаман. Он стучал кулаком по брюху идола и уныло тянул:

Мы кормили тебя
Жирным мясом,
Мы поили тебя
Горячей кровью —
Сделай нас сильными,
Сделай нас мудрыми...

Воины не слушали причитаний шамана. Они ждали, когда заговорит старый Кардаш.

Раненый вождь с трудом поднялся, сел, навалившись широкой спиной на деревянное тело идола, и сказал воинам:

— Булгары вернутся. Они уведут наших женщин, детей и скот. Племя лесных всадников высохнет, как капли росы на солнце.

— Надо уходить, — сказал старейшина рода быстрогогих.

— Надо уходить, — сказал Шавершол.

— Надо уходить, — сказали воины из рода черных орлов.

Старый вождь спросил:

— Кто знает дорогу в неизвестную страну, где сочная и густая трава, где лес полон красного зверя и птицы, где речки богаты рыбой?

Ничего не сказал торопливый старейшина из рода быстрогогих. Не ответил вождю кузнец Шавершол. Молчали воины из рода черных орлов.

— Кто знает такую землю? — спрашивал старый вождь своих воинов. — Кто найдет новую родину, куда не дотянется длинный меч врагов племени?

Воины молчали. Трудно бороться с булгарами одному

воину против десяти, но еще труднее назвать невиданную никем счастливую землю.

Кто поведет обессиленное племя трудными, нехоженными дорогами? Кто знает волю богов?...

— Пусть говорит шаман Урбек, — сказал седой воин из рода коршунов. — Пусть он спросит великих предков...

Четыре десятка угорских воинов ударили о глиняный пол боевыми щитами в знак согласия.

Маленький шаман встал на ноги, поглядел на сумрачных воинов и затрясся. Он прыгал, стонал и выл, будто одержимый болотной хворью. Воины смотрели на священную пляску и терпеливо ждали, что скажут им великие предки. По худым щекам скачущего шамана стекал грязный пот, овчина на спине смокла и стала черной. Изнемогая от усталости, он упал на колени перед ярко горевшим очагом и закричал:

— В степь. Души предков зовут нас в степь!

Гордые и сильные воины плохо верили маленькому шаману. Он часто обманывал народ угров, боги редко говорили ему правду. Только большое горе заставило мужчин племени поклониться сыну шакала. Сильные надеются на силу, а слабые — на волю богов.

Но даже горе не отняло разума у воинов гордого племени всадников. Великие предки опять не сказали правды маленькому шаману. Великие предки не пошлют в степи свой народ. Разве не оттуда приходят враги угров?

Четыре десятка воинов молча сидели вокруг очага и смотрели с тяжелой обидой на серебряное лицо идола. Они думали о горькой судьбе своего племени, о детях и женщинах. Великие предки забыли их жертвы. Великие предки не видят и не слышат горя своего народа.

Старый Кардаш подал знак и заговорил:

— В глухих и темных лесах Великой Голубой реки живут угры, наши братья по крови. Мы были богатыми и сильными. Мы забыли о них. Слушайте, воины племени, мое последнее слово: идите к Большому шаману наших

братьев по крови, идите к хозяину Синея пещеры. Певец Оскор знает туда дорогу. С ним пойдет молодой, сильный и смелый воин. Они вернутся с мудрым словом Большого шамана и принесут нам спасение.

Слова вождя сняли с души воинов тяжесть незнания. После долгой и темной ночи наступил ясный день.

Посветлели лица угров, увереннее и крепче стали их голоса.

— Будь здоровым и сильным, мудрый вождь!

— Слава тебе, старый Кардаш!

5. К БОЛЬШОМУ ШАМАНУ

Зелеными лугами ехали на восток два всадника. Горячий летний лес то подступал к самой речке, загоня их в воду, то уходил далеко от берега к северу, и перед ними расстилались густые желтоголовые травы.

Уже солнце грело им спины, покотившись к закату, уже из лесу потянуло теплой сыростью, а они все еще не кормили лошадей. Послы старого Кардаша спешили к Великой Голубой реке, крепкие угорские кони бежали широкой рысью.

Молодой конь Оскора рвал на ходу хохлатый курослеп и высокий чеменник, белый жеребец Шавершола бежал ровно, только покачивал тугой шеей да косился на блестящую воду.

Не сбавляя ходкой рыси, кони стали подниматься в гору, выбирая открытые, не заросшие крепким вереском и ломкой ольхой прогалины.

На горе всадники остановились. Внизу, как широкий серебряный пояс, брошенный на траву, блестела большая река. Стремительная и беспокойная, она несла свои воды к югу, вгрызаясь на поворотах в крутые темные берега.

С реки дул свежий ветер и лизал щеки. Оскор любовал-

ся широкими просторами могучей реки, Шавершол выбрал место для ночлега.

— У старой сосны остановим коней. Ты видишь ее? — спросил он Оскора.

— Я вижу большую и вечно живую воду, вижу красные берега и дальний синий лес.

— Старая сосна под нами. Рядом сушняк, кругом густая трава. У лошадей будет ночью корм, у огня — пища...

— Ты хочешь переждать ночь у сосны?

— Коня наши устали. Им не переплыть Великую реку.

Всадники начали спускаться. Умный и осторожный Арагез шел под гору спокойно. Горячий конь Оскора приседал, крутился и бил копытами сухую крепкую землю.

У старой сосны угры спешили и привязали тянувшихся к воде лошадей. Оскор снял седло и ушел ломать сушняк на ночь, Шавершол стал разжигать костер.

Собрав в кучку сухую траву, он снял с шеи кожаный мешочек, в котором бережно хранил шерстяной трут, кусок каленого железа и белый кремневый камень. Резким ударом кузнец высек из белого камня длинную искру и сунул затлевший трут в сухую траву. С трута сбежали капельки искр — и вспыхнул веселый огонь, окутанный облачком дыма. Он быстро съедал тонкие стебли сухой травы, слабел и угасал. Но кузнец не дал ему умереть. Он кормил его покрасневшими лапами елок и ломкими прутьями луговой ольхи. Костер рос, становился сильным и ненасытным, с треском кусал толстые сучья.

Повеселели серые глаза Шавершола. Теперь не страшна им темная ночь, не опасен остроглазый и хитрый лесной зверь.

Пришел Оскор с черными сучьями сухой черемухи, постоял у веселого костра и сказал Шавершолу:

— Ржал чужой конь. Ниже нас по реке...

— Это стрекотала лесная пеструха, Оскор, или хитрый див заманивал в зыбуны наших лошадей.

— Я слышал, Шавершол. Это голос коня.

— Но кони нашего племени не заходят сюда, а чужие воины приходят на лодках. Тебя обманул хитрый див, Оскор.

Угры напоили отдохнувших коней и пустили их на густую траву. Оскор стреножил своего крепким ремнем, чтобы не ушел молодой конь с берегов Великой Голубой реки обратно, к родному табуну.

Одевались сизым туманом прибрежные лозняки. Вышла на охоту крупная щука, начали свои шумные перелеты свистухи и шилохвости. Оскор взял у Шавершоло топор-клевец, затесал старую сосну и стал вырезать острым ножом двух всадников и воду. Он умел вырезать на мягких лубняковых дощечках настоящих коней, красивых, быстрых, как степные дзуры. Но сейчас надо оставить только письмо — вырезать ножом знаки, которые расскажут сородичам, что два угра на лошадях переждали здесь ночь и переплыли Великую Голубую реку. Оскор выскоблил две глубокие бороздки поперек сосны и две вдоль, поменьше, под ними насек поперечные зарубки, обозначающие для любого угра воду. Выскобленные на старой сосне знаки он не успел натереть железной краской — спустилась с потемневшего неба на землю ночь.

Ночь была темной, она лежала на земле, как огромная черная шкура. Только чуть поблескивала река, да искрились на небе звезды. Поев крепкого вяленого мяса, у костра спокойно заснул Шавершол, положив на седло голову, укрывшись медвежьей шкурой. Кожаный шлем и меч лежали рядом, с правой руки, а лук и сагайдак со стрелами — с левой. Молодой кузнец всегда был воином.

Тяжелая сытость и тепло от костра клонили ко сну и певца Оскора, но он долго не мог уснуть. Волки рыскали рядом, а стреноженный конь — легкая добыча густогривому хищнику. Оскор несколько раз поднимался и уходил от костра в темноту смотреть лошадей. Кони шли к лесу, ему приходилось все дальше и дальше уходить от костра. Последний раз он ходил смотреть их в полночь, вернулся на-

пуганный и разбудил Шавершола. Тот вскочил, схватился за меч, но кругом было тихо и темно.

Оскор повел его к лесу. Они остановились около лошадей, и певец показал на белеющий вдаль костер.

— Видишь... Ржал чужой конь, а не хитрый див.

— Ты говорил правду, Оскор.

Они долго думали, кто пришел на их землю? Кто зажег огонь на берегу Великой реки?

Шавершол хотел ползти к чужому костру, но Оскор отговорил его — один всадник не страшен для племени. Взволнованные послы потушили свой костер и стали ждать утра.

Утром они набросили на спины отдохнувших лошадей высоколукие седла и поехали вдоль реки искать следы огня. Ночной огонь мог вызвать множество дум, даже испугать, но все-таки остаться для них загадкой. Они должны увидеть его пылающим рядом или взять в руки еще неостывшую мягкую золу.

Угры нашли в кустах тлеющий еще костер и следы человека, который провел около него беспокойную ночь. Чужой воин не ложился на траву, спал сидя и не ходил, а ползал за сушняком для огня, как зеленая ящерица.

— Здесь был человек, — сказал Шавершол. — Он был один и боялся нас.

— Мы найдем его. Наши кони легки, как птицы, и быстры, как дзуры.

— Скоро высохнет трава, Оскор, и мы потеряем его след. Легче найти куницу в лесу, чем одинокого всадника. Нас послал вождь к Большому шаману.

— Зачем приходил чужой воин на нашу землю? Зачем?

Шавершол снял меч, лук и сагайдак со стрелами, стащил с себя тяжелую кожаную рубаху, привязал все к седлу и повел Арагеза к воде. Оскор долго возился с тихо звенящим лебедем, привязывая его тонкими ремнями под гриву коню. Кузнец был уже далеко, а он только зашел в

реку и, крепко взявшись за железное стремя, поплыл рядом с конем к далекому берегу.

Вода пенилась, сердито шумела и тащила их вниз. Молодой конь давил ее грудь и вытягивал длинную морду, как бегущий по траве гусь. Плыли долго, а до берега все еще было далеко. Оскору казалось: река поборет его коня, утопит в буйных вырях и оружие и лебедя. Он отчаянно бил свободной рукой по вспененной воде, помогая плыть уставшему коню.

Могуча и упряма Великая Голубая река, неудержим ее бег. Но сильнее Великой реки два угорских воина. Их послал вождь и народ. Они едут к Большому шаману за Мудрым словом.

До берега оставалось не более десяти шагов. Оскор почувствовал под ногами твердую землю и отпустил стремя. Конь его весело заржал, оттолкнулся копытами от крепкого каменистого дна и выскочил из воды. Отряхнувшись по-собачьи, он побежал к Арагезу, мягко покачивая лоснящимся крупом.

Послы надели рубахи, отвязали от седел оружие и двинулись отлогим берегом вверх по реке. Они ехали широкой зеленой дорогой. Трава здесь доходила до самой воды. Пробиваясь сквозь крупный галечник, она застилала его мягким светло-зеленым ковром.

Начинался жаркий день, но утренняя свежесть еще не осела на землю. Покачиваясь в высоком седле, Шавершол глядел на выбежавшие из леса широкие дубки, темные и кривые, как старая черемуха, на большие камни, гладко облизанные водой, на лохматые корни вывороченных елей. Он хотел запомнить дорогу. Оскор ехал за ним, радовался ясному дню, встречая, как старых знакомых, и поседевшую ель, и молодую липу, пугливых прожорливых лисят.

Когда горячее солнце повисло над головой, угры остановились в неглубоком прохладном овраге и отпустили лошадей на траву.

Шавершол достал из переметной сумы вяленое мясо и

сухие ячменные лепешки, Оскор в кожаном мешке принес воду. Они быстро поели. Уставший от жары кузнец залег в густую траву спать, а Оскор взялся за своего лебедя. Он пощипывал тонкие железные струны и пел о том, что два угорских воина ехали зелеными лугами, ночевали на берегу Великой Голубой реки и видели ночью костер чужого воина. Вспомнил певец в своей бесконечной песне и о дочери вождя Илонке:

Черноглазая дочь вождя,
Длиннокосяя Илонка
Встала раньше солнца летнего,
Проводила певца до ворот.
Отдала ему карсу,
Птицу серебряную, и сказала:
«Привези из Синей пещеры
Мудрое слово шамана...»

Легко и мягко, как сытая рысь, идут отдохнувшие кони, едут на север два всадника вдоль Великой реки. Пересекают дорогу им заросшие серым ольховником светлые речки, разрезают зеленый берег крутые овраги, пахнувшие дудочником.

Незаметно подошла ночь, будто спустилась не с неба, а выползла из темного леса. Угры остановили коней, сняли седла и стали ждать утра.

Не разжигая огня, они долго ели крепкое мясо и запивали его водой из студеного родника.

— Не успеет вырасти луна, мы будем у Синей пещеры, — радовался Шавершол.

— Ты забыл. Впереди глухой страшный лес, где никогда не бывает солнца. Там всегда темно и сыро. Там не живут птицы, зверь редко заходит туда...

Не дослушав Оскора, Шавершол вскочил:

— Смотри, смотри, Оскор!

Кузнец показывал на маленький костер, поблескивающий в темноте, и стонал от злости.

— Угх, угх... проклятый. По следу идет.

Утренний свет убил огонь чужого костра и прогнал страх. Не отдохнувшие за ночь угорские послы молча заседлали коней и двинулись по заросшему редким ёрником берегу дальше.

Оба думали об одном: кто следит за ними? Степняк трус, он один не пойдет за двумя уграми, а угр не будет прятаться от своих соплеменников.

Новый день начинался ясный, но ветреный. Глухо шумел лес. Широкая вода Великой Голубой реки потемнела и сморщилась.

Тяжело на душе у послов, одолели их тревожные думы. Они не видели ни часто взлетающих к небу гусей, ни шныряющих в траве куропаток. Когда ленивые тетери поднимались с шумом перед мордами лошадей, всадники сердито хлестали их витыми нагайками. Шавершол сбил одну птицу на землю и даже не остановил своего Арагеза. Кони тоже чуяли неладное, отрывисто храпели и стригли ушами.

— Ночью я узнаю, кто идет за нами по следу, — сказал Шавершол Оскору.

Темная и ветреная ночь прошла, но Шавершол не узнал, кто следит за ними, хотя темнота скрывала человека, а ветер глушил шорох шагов. Кузнец несколько раз уходил в синюю тьму, но чужой воин затаился, как лесная пестрая кошка, сидел тихо и не разводил огня.

Едва забрезжил свет на восходе, угры были уже в седлах. Ехали молча. Только к середине дня Оскор, догнав Шавершола, спросил его:

— Где сейчас чужой воин? Идет за нами или ушел к своему племени?

— Я не знаю, и ты не знаешь, где он, — ответил ему Шавершол. — Идущий по следу хитрый, как степной карган. Нам надо обмануть его.

Кузнец рассказал Оскору, как можно выследить чужо-

го война. Только нужно спешиться одному, затаиться в яме и ждать... Угры хлестнули лошадей. Вытянувшиеся на скаку кони понеслись быстрес стрелы по мягкому и ровному берегу. Встречный ветер хлестал по лицу, из-под копыт лошадей с обиженным криком разлетались потревоженные птицы.

Когда уставшие кони пошли тише, Шавершол бросил повод Оскору, спрыгнул в траву и уполз в лес. Оскор поехал дальше один, держа на крепком ремennom поводу Арагеца. Конь без хозяина рвал из рук повод, тревожно ржал и озирался.

Только вечером остановился Оскор на отдых. Место было сухое, высокое. Рядом темнел лес, притихший к вечеру. Вскоре подошел Шавершол, усталый и злой.

— Ты не видел чужого война? — спросил его Оскор.

— Я не видел его. Идущий по следу вернулся к своему племени...

Они развели веселый костер, поели, отвязали от седел медвежьи шкуры и легли спать, успокоенные и сытые.

Спустилась на землю синяя ночь, теплая и живая. Оскор долго слушал вздохи реки, звонкие песни травяных кобылок и глядел на небо, низко спустившееся над костром.

Когда замолкли травяные кобылки, запели тихо и ласково мерцающие звезды. Он стал засыпать, но звезды вдруг зазвенели громко и тревожно, как порванные струны лебедя. Оскор открыл глаза, увидел над собой блеснувший в темноте нож и человека. Оскор схватил его за руку и закричал. Человек навалился на него, выдернул правую руку с ножом и замахнулся. Но ударить не успел.

Проснувшийся Шавершол спас Оскора. Он прыгнул врагу на спину, свалил его, придавил к земле и начал душиить. Враг стонал и выл, пытаясь освободить шею от крепких рук кузнеца. Когда тело чужого война ослабело и стало вялым, Шавершол поднял его над головой и ударил о землю. Чужой воин дернулся, как засыпающая рыба на

песке, и замер. Ночь надвинулась на него, стало тихо. Оскор и Шавершол наклонились над побежденным.

— Раб! — крикнули оба и отскочили.

У костра лежал раб маленького шамана. Куда он шел? Зачем преследовал послов племени? Никто не ответит уграм. Победители не узнают тайны побежденного. Он нем, душа раба поднялась в страну предков.

Когда успокоились, Оскор положил руку на плечо Шавершолу и сказал:

— Маленький шаман, этот сын шакала, послал раба убить нас.

Шавершол пнул раба загнутым носком ичига и засмеялся. Смеялся он громко, неудержимо, трясся от смеха и кричал:

— Раб лежит, раб не пойдет по нашему следу!

Глядя на Шавершолу, Оскор не выдержал, взвизгнул, как щенок от ласки хозяина, и тоже затрясся от смеха. Смеялись молодые угры, весело потрескивал костер, сердито кричали разбуженные совы в лесу, будто передразнивали плачущего ребенка.

Ночь прошла быстро. Не успели послы остыть после короткой схватки с рабом, уже забелел восход; от Великой реки потянуло холодом, наступило утро.

Холодный рассвет освежил раба, он застонал и пошевелился. Шавершол остался стеречь его, а Оскор, схватив кожаный мешок, побежал к реке. Он принес воды и вылил ее на оживающего раба. Раб открыл глаза и сел. Они подошли к нему.

Большой красноволосый раб маленького шамана глядел на них с удивлением, но без страха. Глаза его медленно оживали и прояснялись... Он вспомнил все и пополз на коленях, протягивая руки к небу и повторяя имя доброго духа Нуми.

Шавершол пнул его и закричал:

— Мы убьем тебя! Ты хотел убить послов племени!

— Меня послал шаман Урбек. Бойтесь его, угры. Я

знаю все. Он поклялся убить послов старого Кардаша и увести племя всадников в болгарские степи.

Молодые послы поверили рабу. Оскор считал маленького шамана тайным врагом племени и давно ненавидел его, а великан Шавершол был доверчив, как маленький ребенок.

— Расскажи все, и мы не убьем тебя, — сказал он рабу и сел.

Раб маленького шамана боязливо поглядел на них, как прижатый к земле зверь, и начал рассказывать:

— Я родился в земле Воть. Наши мужчины не были воинами. Они выжигали поляны в лесу и сеяли житарь. У моей сестры были синие и желтые бусы. Род наш платил дань болгарским воинам. Они приезжали к нам весной на маленьких злых лошадях, забирали меха, серебро, житарь и исчезали в лесу.

Булгарские воины увезли меня подростком в большой город и заставили тесать камни. Мы строили высокую каменную юрту Мул-шаману.

Людей было густо в каменном городе булгар, как мелкой рыбы в нересте. И каждый носил одежду своего племени, говорил словами своих предков. У каждого был свой шаман. Мой хозяин Мул-шаман был богатым, но жадным и злым. Он покупал много рабов и мало кормил их. Они бежали от него к родному народу, в леса и степи. Убежал и я, переплыл Великую Голубую реку и вошел в густой лес, сырой и темный.

День и ночь я шел в землю Воть, ел ягоды и сочные корни, убивал тяжелой палкой молодых птиц. Я потерял дорогу, потом силу и свалился на краю болота. Грыз меня лесной гнус и караулил трусливый зверь. Я умирал в чужом лесу, далеко от земли Воть. Шаман Урбек нашел меня, привез в город старого Кардаша и сказал: «Ты будешь моим рабом, Калмез...» Он обещал мне много серебра и десять коней, если племя всадников вернется в тилчак-вые степи...

— Племя всадников никогда не вернется в степи! — кричал Шавершол. — Шаман Урбек хочет вести наш народ в логово зверя.

— Я знаю, — сказал Оскор. — Сын шакала хочет нас сделать данниками болгар.

— Разве шаман угров — не угр?! — кричал на раба Шавершол. — Он говорит с нашими предками и ест мясо наших коров. Мы отдаем ему десятую лошадь в табуне!

Когда молодой кузнец успокоился и сел, раб ответил:

— Гордое племя всадников забывает богов типчаковой степи... Угры станут данниками болгар, но будут жить по заветам отцов, будут чтить своих старых богов. Так думает шаман Урбек. Он сказал мне: «Скоро старый вождь племени, упрямый Кардаш, уйдет в страну теней, послы не вернуться. Я поведу племя всадников в родные типчаковые степи...»

Угры долго сидели у потухшего костра; прижавшись к земле, лежал у их ног красноволосый раб. Что делать? Послушаться гневного сердца и повернуть коней? Но народ ждет их с мудрым словом Большого шамана...

— Ты хочешь жить, Калмез, и ты расскажешь правду вождю племени всадников, — сказал рабу Шавершол и вскочил в седло.

7: ХОЗЯИН СИНЕЙ ПЕЩЕРЫ

Когда спускалась на землю тьма и Синяя пещера становилась чернее ночи, Большой шаман поднимался с каменного стула. Привыкшие к темноте глаза его быстро находили пищу и воду, оставленную охотниками. Он долго жевал жилистое мясо сохатого, бросая по привычке лучшие куски своему богу.

Насытившись, старик брал в руки свитую из сыромятного ремня веревку.

Из темноты испуганно глядели на него серебрянные глаза Великого Нуми-Торума, круглые и холодные.

— Ты обманул мой народ, Великий Нуми, — говорил старик богу и хлестал его по деревянной спине. — Люди приносят в жертву тебе последнее, а ты давно умер, как загнанный олень.

Отдохнув, старый шаман снова принимался бить великого бога предков. В высокой пещере гулко отдавались удары ременной веревки по деревянному телу идола.

— О-хо, — бормотал старик. — Ты погубил нас. Ты сделал манси трусливее ушана и слабее мыши.

Старик быстро уставал, падал и засыпал у ног избитого идола. Но спал он недолго.

Едва занималось утро, Большой шаман садился на вкопанный посреди пещеры камень и сидел так до темноты, безмолвный и неподвижный, как деревянный бог. Позади него стоял Великий Нуми с мертвыми серебрянными глазами. В густой тишине попискивали рекущие нетопыри и звонко бились о камни тяжелые капли воды.

Днем, когда солнце проникало в пещеру, освещая синие камни свода, приходили люди и приносили Великому Нуми-Торуму мясо, меха и серебро. Одни просили у бога удачливой охоты, другие — толстую красивую жену.

Двадцать раз земля надевала и снимала белую паницу, сильные старились, а слабые умирали, но никто не слышал голоса хозяина Синей пещеры. Большой шаман молчал. Когда-то и он пытался противиться воле богов, но не дело мудрого останавливать ветер. Что он мог сделать? Племенные вожди перестали быть воинами, старейшины не думали о своем роде. Люди давно привыкли к голоду и болезням. Они знали: так жили их отцы и так будут жить дети, бродя по темным сырým лесам, как худые тени умерших. Только в легендах да в песнях старики рассказывали о счастливых и храбрых предках, которые жили в степях, ели каждый день мясо и пили горячую кровь белых лошадей.

Когда приходили на родную землю чужие люди или умирал вождь одного из шести племен, Большой шаман зажигал жертвенный костер. Люди уныло качались над ним, бросали в огонь куски жирного мяса и просили:

Великий Нуми,
Дай нам вождя молодого...
Великий Нуми,
Спася нас...

Так было всегда. Но в это утро люди пришли не к Великому Нуми-Торуму, и пришли с радостью.

— Пайся! Пайся! — весело здоровались они с Большим шаманом, окружив его.

Шаман удивился, но промолчал. Сколько раз земля надела и снимала белую паницу, сильные на его глазах старились, слабые умирали, менялись вожди мансийских племен, приходили и уходили чужие люди, но болезни и голод оставались с его народом.

Мужчины вытолкнули вперед двух молодых охотников.

— Они видели! Они слышали...

Большой шаман поднял руку: пусть говорит молодой охотник. Один из охотников сел на каменный пол пещеры и заговорил:

— К тебе идут два воина. Один богатырь, он ведет с собой белого коня. Они в кожаных рубахах, у них черные волосы, как у нас.

— Скажи! Скажи! — кричали мужчины молодому охотнику.

— Мы видели их, когда гнали зверя. Они шли легко, как молодые олени. Они говорили понятными словами и вспоминали хозяина Синей пещеры...

Молодой охотник кончил рассказ. Большой шаман поднялся с каменного стула и начал разжигать жертвенный костер. Он вспомнил далекое детство, когда был ростом не выше болотной травы. Отец рассказывал ему о племени всадников, о гордом и сильном народе, который остался на краю степи. Если бы старый шаман был моложе и глупее,

рассказ молодых охотников мог сделать его счастливым. Он увидит сегодня братьев по крови, сильных, гордых, неукротимых, как огонь, непохожих на его бедный больной народ. Но старое сердце, уставшее от горя, не верит радостям.

Большой шаман разжег жертвенный костер и сел на свой каменный стул. Остальные расселись вокруг разгорающегося огня и притихли. Они могли сидеть так долго, пока не придут в пещеру два незнакомых воина, у которых черные волосы и которые говорят понятными, родными словами. О чем думают они, о чем будут думать их дети, сидя вот так, в полусне, перед огнем жертвенного костра или чувала? Как не любил Большой шаман их такими — притихшими, маленькими, будто неживыми!

Вечером в пещеру вошли два больших воина в длинных кожаных рубахах. На широких поясах висели у них мечи, за спиной чернели хвосты стрел. Воины остановились у входа. Большой шаман ждал, пока глаза их привыкнут к мраку, а уши — к глухой тишине.

— Пайся! — поздоровались воины и пошли к костру.

— Пайся, пайся, — ответили им манси-охотники и уползли в темноту, освободив место перед хозяином Синей пещеры.

— Нас послали вождь и народ. — Так начал говорить богатырь. — Мы пришли к тебе как братья по крови за помощью. Скажи нам мудрое слово и спаси племя всадников.

Большой шаман глядел на послов и покачивал головой.

— Мы жили на краю степи, — продолжал богатырь. — Пасли коней и скот, охотились и сеяли ячмень. Наши женщины пели песни, а дети смеялись. Мы были богатыми и сильными, и враги знали это. Они захотели отнять у нас скот, серебро и песни, сделать нас данниками. Мы встречали врагов тучами стрел, запищали высокий город вождя острыми мечами и кипящей смолой. Но они приходили на нашу землю снова и снова, неустанные и упрямые, как

волны Великой Голубой реки. В частых сражениях гибли наши воины, умирали дети, не успевшие вырасти, и слабели от горя женщины. Когда осталось в племени сорок воинов, вождь Кардаш послал нас к тебе. Скажи мудрое слово, спаси племя всадников!

Большой шаман радовался и скорбел, слушая послов. Слова послов согрели радостью и гордостью его старое сердце. Они были для него живой славой предков. Он искал для братьев в согретом сердце мудрое слово и не находил его...

Послы ждали ответа.

Большой шаман встал, и манси первый раз услышали голос хозяина Синей пещеры.

— Идите по нашей земле, — сказал он угорским послам, — идите по нашим лесам, которым нет края и нет конца. Идите и смотрите, как живут ваши братья... Вождь Сопр покажет вам тайные тропы.

Из темноты выполз к костру старик в длинной меховой рубахе. На узком ремennem поясе висел у него кривой нож в серебряной оправе, с плеч спускались старые лисьи хвосты.

— Ты поведешь нас к вождю? — спросил Оскор у старика.

— Я сам вождь, — ответил старик.

— Он! Он! — заговорили манси, окружив их. — Сопр — вождь племени. Он берет с нас десятую часть охотничьей добычи.

Удивленные послы подошли ближе к старику. Он угрюмо глядел на них впалыми глазами и надувал отвисшие щеки. Вождь мансийского племени был похож на сердитую старуху.

— Я сам вождь, — еще раз повторил старик.

Он выбрал из кучи сваленного оружия свой лук и вышел из пещеры.

Послы поклонились Большому шаману и пошли за старым вождем.

8. НЕЗНАКОМЫЕ БРАТЬЯ

Сопр вел их звериной тропой, поросшей упрямым багульником. С обеих сторон сторожил тропу древний лес, сырой и мрачный.

Сопр шел лениво, но бесшумно и осторожно, будто скрадывал зверя. Отмахиваясь обеими руками от наседавшего гнуса, шел за ним легкий и быстрый Оскор. Конь его пал. За Оскором Шавершол вел на длинном ремennom поводе своего Арагеза. Арагез тряс головой и припадал на разбитые ноги.

Они отошли недалеко от Синей пещеры, когда густая тьма поглотила тропу. Сопр сразу залег в небольшую яму, съежился, закрылся с головой своей длинной меховой рубахой и так пролежал до красной зари.

Быстро прошла короткая летняя ночь. Оскору показалось, что он не успел и заснуть, только забылся. Опираясь на большой вересковый лук, стоял над ними Сопр.

— Пора, рума, идти, — говорил он. — Скоро Сияющий выползет на небо.

Оскор разбудил Шавершола. Тот вскочил, покачался из стороны в сторону, прогоняя сон, и пошел к коню. Вернулся он с кожаным ведром и спросил Сопра:

— Где вода? Арагез хочет пить.

— Вода впереди, рума-друг, — ответил ему вождь. — Мы идем к светлой речке. Сам увидишь.

Сразу от костра тропа круто свернула, и они стали спускаться. Навстречу поднимался глухой шум воды. Лес начал редеть, не стало могучих елей с сизым мохом на широких лапах. Сменили их хилые тонкоствольные березы и кусты боязливой ольхи.

Тропа сбегала с отлогого берега к светлой речке и зарылась в песок. Сопр опустился на колени и жадно припал к воде. Он пил долго, но часто отрывался и пугливо оглядывался.

— Гех, гех, — кряхтел от удовольствия старик. — Мясная вода, рума. Лучше нет.

Сопр говорил правду, угры никогда не пили такой сладкой воды.

Оскор напился досыта и спросил мансийского вождя, какое имя у реки.

— Яйва, Мясная вода, — ответил ему вождь. — Так называли нашу речку люди за Голубой Камой. Она спасла их от голода и убила болезни.

Они пошли за быстро бегущей речкой каменистым берегом. Еле заметная тропа то круто поднималась вверх и долго тянулась вдоль красного обрывистого берега, то спускалась обратно к шумевшей воде. Часто попадались на пути им срые рога, большие и толстые, толще правой руки Шавершоло. Рога пробивали красный берег и висели над тропой, как гладкие кряжистые корни, чисто обмытые дождями. Шавершол пробовал их рубить клевцом и резать ножом, но большие рога были крепче железного камня.

Шумел лес, шумела речка, набегая на камни.

Еще раз спустилась на землю ночь. Старый вождь не ушел от теплого костра угров. Он ел с ними убитых по дороге глухарей и хвалил:

— Сладкая птица маншин. Гех, сладкая.

Шавершол спросил его:

— Твои люди видели зверя с большими рогами крепче железного камня?

— Кто видел, рума, кто нет, — ответил ему старик. — Земляной зверь, маа-мут мы зовем его, только в лунную ночь выходит из земли и пьет сладкую воду. Он раньше был Большим медведем, братом Торума, но захотел съесть луну и умер, стал земляным зверем.

— Вот она, — показал Сопр на луну, помолчав. — Лежит желтая на воде, свернувшись, как лиса... Земляной зверь хочет выпить всю воду в речке и съесть ее. Но Сияющий рано поднимается на небо и гонит его обратно. Маа-мут уходит в землю.

Утро было серое и ветреное. Сопр опять повел их вдоль речки. Потемневшая вода шумела и бросалась на прибрежные камни. Несколько раз принимался стучать по листьям крупный холодный дождь. У большого камня с высокими прямыми боками Сопр остановился и сказал:

— Тут будем сидеть.

Шавершол снял с седла переметные сумы и повел Арагеца к воде. Сопр постоял над Оскором, высекающим огонь, взял свой вересовый лук и ушел в лес. Он вернулся с раненой птицей, оторвал у птицы голову и вымазал теплой кровью серый бок камня.

Оскор сидел у веселого огня и слушал, как старый вождь уговаривает каменного духа:

Прими мое приношение,
Великий и Невидимый,
Помоги мне догнать сохатого,
У меня будет мясо.
Помоги мне убить медведя,
У меня будет праздник...

Сопр опалил на костре безголовую птицу, сунул ее в горячую золу и опять стал уговаривать духа:

Великий и Невидимый,
Я отдал тебе кровь
Птицы убитой...
Себе взял мясо,
Худое, нежирное...

Подошел Шавершол, послушал хитрые слова вождя и сел к костру. Он вспомнил маленького шамана, который так разговаривал с великими предками. Но жители страны теней не любили сына шакала, а войны племени всадников мало верили ему.

Налетевший ветер согнул желтое пламя костра и сразу стих. Посыпались с низкого неба тяжелые капли дождя. Сопр доел согревшуюся в золе птицу, поднялся и сказал уграм:

— Пошли, рума. Надо еще долго идти.

Они пересели в лодке-камье хмурую речку и пошли лесом. Тропа нырнула в хвойную чащу и скатилась в глубокий лог, заросший молодым ельником и кугой. Здесь было сыро и темно, как ночью.

Тропа долго выбиралась из крутого лога, обегая завалы, пробиваясь сквозь кугу и вереск. Выбежав, она потянулась, ровная, как пояс, среди высоких и прямых сосен.

Угры шли за Сопром, шли долго, слушая перестук черноперых лазунов и шум сосен. Медленно выползали из леса сумерки и ложились на ровную прямую дорогу.

Когда совсем стемнело, Оскор догнал мансийского вождя и спросил:

— Где город твоего народа, Сопр?

— Скоро, рума, скоро, — не останавливаясь, ответил ему старик.

Прошли два десятка шагов в густой темноте, залаяли собаки, крепко запахло дымом и рыбой. Лесная тропа привела к дверям островерхой деревянной юрты. Блеснул впереди неяркий огонь и пропал. Это Сопр поднял шкуры и зашел в жилище. Шавершол остался снимать седло с Арагеца, Оскор, согнувшись, полез за вождем.

Маленький огонек умирал в большом каменном чувале... В жилище вождя было темнее, чем в лесу, пахло гнилым мясом и прелой кожей. Сопр бросил слабеющему огню сухих веток и разбудил жен. Поднялись две женщины и долго качались над чувалом, надевая меховые рубахи. Оскор стоял у входа и ждал приглашения.

Сопр достал из темного угла медвежью шкуру, бросил ее к чувалу и позвал:

— Садись, рума, к огню.

Оскор сел на почетное место гостя. Рядом с ним молодая женщина сдирала с темного мяса кожу, отрезала куски и спускала их в закипевший котел. Молодая женщина была похожа на Илонку. У нее такие же длинные и черные волосы, только завязанные в тонкие косички. Приглядевшись, Оскор увидел на лице молодой жены Сопра рубцы и

пятна. Нет, Илонка не такая. Илонка, как ива после дождя, тонкая и чистая. Вполз в чум Шавершол и сел рядом с Оскором к чувалу. Сопр поставил перед ними две серебряные чаши, достал из котла острой палкой куски мяса гостям и сказал:

— Ешьте. Я вождь. В моем чуме нет голода.

Выл сердито ветер и хлестал дождем по крыше чума. Угры ели старое, кислое мясо и слушали, как рвутся в жилище вождя голодные и мокрые лесные духи. Сопр выбросил им кусок вареного мяса, завесил шкурами низкую дверь и заткнул окно. В чуме стало жарко, повис над чувалом от сырых кож и дыма смердящий дух, густой и тяжелый.

Угры отказались от мягкой постлани, легли спать к дверям.

Проснулся Оскор поздно. Тяжелые шкуры, прошитые толстыми белыми жилами, были подняты; через дверь и маленькое окно лился в чум утренний свет, на темном земляном полу лежали желтые пятна горячего солнца.

— Ешь, рума, мясо, — сказал Сопр, увидев вставшего гостя. — Твой богатырь ушел в лес искать белого коня.

Оскор наелся и хотел идти к Шавершолу, но Сопр остановил его.

— Не ходи, рума... Ты не видел моих стрел и железных ножей острее сколотого камня.

Почерневшие от дыма деревянные стены жилища были сплошь увешаны стрелами самых разных размеров, ножами и луками. Оскор увидел пучок длинных и толстых стрел, толще большого пальца, подошел и снял одну. Он поставил ее на хвост — и костяной широкий наконечник стрелы оказался против его глаз. Такую стрелу даже Шавершол не пошлет дальше десяти шагов.

— Мы ставим такие на большого зверя, — сказал ему Сопр. — Мы делаем западни, сгибаем вместо лука молодые ели и березы... Ты гляди, рума, другие. На зверя разного, на птицу.

Рядом висели стрелы поменьше, их железные накопечники были похожи на охотничьи ножи.

— Эти тоже для большого и сильного зверя, рума, а эти, гляди, для рыбы...

Он показал на тонкие длинные стрелы с широким ушком вместо хвоста, с рубчатыми костяными наконечниками.

— Мы стреляем рыбу, когда большая вода. Она ходит в осоке, как утка.

Понравились Оскору маленькие тонкие стрелы с шариком на конце. Он знал: такая стрела не портит шкурки, только глушит и сталкивает зверька с дерева.

Пучки стрел, деревянные и кожаные сагайдаки, ножи и хитрые петли были покрыты слоем сажи. Давно старый вождь повесил их на стены своего чума.

Сопр показывал гостю ножи в серебряной оправе, завернутые в шкуры болгарские чаши, тонкие, с четким рисунком.

— Это все мое, рума, — говорил ему вождь. — На берегу Голубой Камы стоят две моих камни и большая лодка. Я самый богатый в племени. Я могу купить белого коня.

Оскор понял хитрость Сопра. Вождь хочет купить Арагеца. Но разве отдаст Шавершол друга-коня за серебряную чашу, за пучок стрел, за кривой болгарский нож!

— Ты — рума. Ты можешь взять себе любую стрелу.

Оскор взял маленькую деревянную стрелу с костяным наконечником и сунул ее в свой сагайдак.

— Будь здоровым и сильным, друг Сопр, — сказал он вождю и вышел из чума.

Утро было теплое и светлое, пахло рыбой и дымом.

Оскор глядел на тихое стойбище братьев. Чум вождя стоял у самого леса, от него к Великой Голубой реке сбегало еще два десятка приземистых деревянных чумов. Все они были похожи на островерхий чум вождя. Квадратный сруб из неошкуренных бревен поднимался невысоко над землей, на срубе стояла, как степная юрта, крыша из тонких и длин-

ных жердей. В каждом чуме была низкая дверь, плотно завешанная шкурами; и маленькое окно для дыма. Низкие черные срубы с серыми крышами окружала высокая густая трава. Нигде не было видно загонов для скота или ям для варки железа. Только валялись головы и кости рыб. Их было так много, что даже собаки не подходили к ним. Оскор прошел через все стойбище братьев, до обрывистого берега Великой Голубой реки, и никто не вышел из чума, никто не остановил его. Люди сидели в чумах, у каменных чувалов. Вместе с дымом ползли оттуда запахи вареного мяса и рыбы.

Блестело горячее солнце, блестела река.

В такой день женщины из рода быстроногих дзуров поют веселые ласковые песни, а маленький Вургаш смеется. Оскор не понял, откуда пришла печаль. Но она была в его сердце. «Идите и смотрите», — сказал им Большой шаман братьев. Но глаза певца не видят радости, а уши его не слышат веселых песен.

Оскор ушел из стойбища в лес и долго трубил там, как сохатый весной, подавая знак Шавершолу. Игривые белки бросали в него шишками; радуясь теплomu дню, суетились и пели в зеленой хвое бойкие птицы.

Где-то недалеко проревел сохатый — и, раздвигая красногодные волчьи кусты, вышел Шавершол.

— Скоро Арагез обгонит любую лошадь в табуне, — сказал он Оскору и громко засмеялся.

Они вернулись к чуму вождя и увидели худых людей в грязных и рваных меховых рубахах. Среди них стоял важный Сопр, надувая отвисшие щеки. Люди просили у него рыболовную сеть и лодки-долбушки, обещая ему десятую часть улова. Сопр давал им сеть и не давал камыш-долбушки.

— Дай нам лодки, Сопр, — негромко просили они. — У нас только две камы.

— Рыба ушла из заливов на большую воду.

— Дай, Сопр. У нас нет рыбы. В наших чумах голод.

Вождь хмурился и недовольно мотал головой. Он просил за две камни и сеть половину пойманной рыбы. Они согласились отдать ему половину улова и потянулись один за другим, как ошипанные гуси, через стойбище к крутому берегу Великой Голубой реки.

Угры вышли из кустов и подошли к Сопру. Он стоял гордый и довольный: скоро опять в его чуме будет много свежей рыбы.

— Эти люди из твоего племени? — спросил Шавершол.

— Мои, мои, — замотал головой вождь. — Их пауль стоит у кривого залива. К ним надо идти день.

— У них нет своих лодок?

— Гех, гех, — засмеялся Сопр. — Отцы их все отдали предкам и Великому Торуму.

К послам подошел высокий худой охотник с длинными черными волосами. Они были перевязаны у него широким ремнем на затылке и лежали на спине как лошадиный хвост. Длинноволосый погладил сначала Шавершола по плечу, потом Оскора и сказал им:

— Я охотник Ласло. В моем чуме есть мясо для гостей. Угры пошли к нему.

— Почему ваши женщины не собирают ягоды и сочные корни? — спросил его Оскор.

— Они боятся, — ответил Ласло. — Великий Торум велит нам есть мясо и рыбу. У белых корней и лесных ягод нет теплой крови. Их не ест даже добрый Мир-Суснэ.

В чуме он кормил гостей свежим мясом и долго говорил, как наказал Великий Торум людей из соседнего племени. Они ели красные ягоды с волчьих кустов и умирали. Сейчас живут в их чумах лесные звери и ночные птицы.

А Шавершол рассказывал ему о племени всадников, о родном народе, который не знает голода даже в холодные снежные зимы.

— Мы закапываем весной в землю семена ячменя. Отжигаем осенью на костре их желтые стебли, выбиваем зерна, растираем между камней и печем лепешки...

— Знаю, знаю, рума-друг, — говорил Ласло Шавершолу. — За Голубой Камой тоже едят лепешки. Я видел сам.

Шавершол хотел спросить его, кто дал такое имя Великой Голубой реке, но не успел. Ласло повел их в соседние чумы и говорил всем:

— Они наши братья. Завтра мы покажем им праздник медведя.

Манси здоровались с гостями и угощали их жирным и мягким брюхом рыбы.

Спали угры в чуме Ласло. На другой день, вечером, к нему собрались мужчины и женщины, родившие двух сыновей, на медвежий праздник.

Ярко горел огонь в каменном чувале. В чуме стало жарко, люди сняли меховые рубахи, но обвязали руки шкурами и травой. Брат Великого Торума не любит голых рук.

Ласло надел рукавицы из медвежьих лап с черными загнутыми когтями и, качаясь, запел о Мир-Суснэ, всевидящем сыне Великого Нуми-Торума. Этой песней манси начинали все свои праздники.

За людьми смотрящий — Мир-Суснэ,

О-о! О-о! О-о!

Ты один не боишься темной ночи,

О-о! О-о! О-о!

На белом коне объезжаешь землю,

О-о! О-о! О-о!

Ты видишь и слышишь все,

Ты глаза и уши Великого Торума.

О-о! О-о! О-о!

Ласло кончил, Сопр отложил деревянную палочку, взял другую, и по знаку его запели все сидевшие в чуме. Они умоляли Мир-Суснэ быть добрым и зорким, хранить их скот и не пускать в степь болезни. Угры слушали братьев и удивлялись: у них нет скота, а они просят Мир-Суснэ беречь скот; живут в лесу, а просят не пускать болезни в степь...

Когда манси кончили петь о быстром, как ветер, и зорком, как птица, Мир-Суснэ и Сопр отложил еще одну

палочку, Ласло надел берестяную маску медведя, поднял когтистые лапы, раскрыл пасть и заревел. От дверей крался к нему с большим луком охотник. Они сошлись. Ласло-медведь старался зацепить охотника медвежьей лапой, а тот, бросив лук, плясал и вертелся вокруг него.

Охотник нырнул под медвежьи лапы и, выхватив костяной нож, всадил его в бок медведя. Ласло упал, дернулся, как умирающий зверь, и затих. Охотник поставил ему на спину ногу и закричал:

— Ты умер, брат Великого Торума, ты умер и не будешь нам мстить!

Сопр отложил еще одну палочку, мужчины и женщины запели о Нуми-Торуме, о великом и невидимом вожде духов. Они обещали ему седую куницу и черную лису, серебряные чаши и жирное мясо. Они называли его добрым и ласковым.

Таяла тихая песня в честь Великого Нуми-Торума, сначала засыпали старики и женщины, потом засыпали мужчины.

Сопр отложил пятую палочку и поднялся, покачиваясь от усталости.

— Мы пойдем в мой чум, — сказал он уграм, — и будем есть рыбу.

Угры вышли за ним из чума Ласло. Тихая ночь глядела на них с густо-синего неба множеством волчьих глаз, черный лес ближе подвинулся к стойбищу братьев и затаился... На Великую Голубую реку легла широкая лунная дорога. Она звала их домой, в юрту рода, на берег родного Меркашера. «Идите и смотрите», — сказал им в Синей пещере Большой шаман. Они видели многое в пауле братьев, но мало радости было в их чумах, невеселы были их песни и праздники...

В чуме вождя было темно, без пищи умирал в чувале огонь. Сопр бросил ему сухих веток и начал чистить большую, как березовый корень, щуку. Он опустил в котел рыбу, а отрезанную голову отдал Шавершолу.

— Возьми, рума. Зубы большой рыбы принесут тебе здоровье. Ты будешь колоть зубами щуки больное место на теле.

Шавершол отдал вождю за голову щуки чернохвостую стрелу с тонким железным наконечником и сказал:

— Завтра мы уходим, Сопр. Мы расскажем Большому шаману о твоём народе и вернемся в город старого Кардаша. От Синей пещеры до племени всадников надо долго идти... У Оскора пал конь, помоги нам найти другого коня.

— Я знаю, рума, всех охотников. Они приходят в наш пауль на праздник огня. У них есть лодки и нет коней. Отдай, рума, белого коня за мою лодку.

Шавершол знал: большая лодка Сопра лучше лошади. Они спустятся с Оскором на ней до родного Меркашера по Великой Голубой реке. Но ему жаль было Арагеца.

— Я ещё дам тебе, — уговаривал его хитрый мансийский вождь, — две серебряные чаши и кривой нож.

А Шавершол думал о старом Кардаше, о родном народе и глядел на молчавшего Оскора. Нельзя оставлять посла племени, нельзя бросать друга в беде.

— Бери, вождь Сопр, белого коня и дай нам лодку... Булгарские чаши и кривой нож пусть останутся в твоём чуме.

9 • СМЕРТЬ АРАГЕЦА

Утром Шавершол привел к чуму мансийского вождя своего Арагеца.

Сопр встречал белого коня в длинной оленьей парке, на голове у него была круглая шаманская шапка, на ногах — новые камусы из кожи молодого сохатого. Окружали его десять охотников с костяными луками предков.

— Возьми коня, Сопр, — сказал Шавершол, передавая ременный повод вождю.

— Я беру белого коня, ты берешь мою большую лодку. Мы вместе едем до речки Мясная вода. Оттуда я поведу тайной тропой тебя и Оскора к Большому шаману.

— Спешу, Сопр. Надо идти к лодке.

— Нет, нет, рума. Нельзя уезжать с праздника Великого Нуми-Торума. Гляди, рума Шавершол, наши женщины зажгли костер. Мы долго не приносили жертву Великому и Всевидающему. У нас не было белого коня.

Шавершол понял: Арагеца сегодня убьют широким ножом у большого костра. Горячая жалость обожгла сердце, рука потянулась к мечу... Он легко может отнять друга-коня: в племени хитрого Сопра мало настоящих воинов. Но что скажет Большой шаман, что скажут угры и старый Кардаш, если он обидит братьев? Он пришел сюда за мудрым словом, как друг. Нельзя послу нарушать закон дружбы, великий закон предков. Лучше закрыть глаза и уши, уйти из стойбища, не видеть приносящих жертву, не слышать сладкого мясного запаха.

Оскор стоял у дверей чума, готовый по знаку друга поднять меч на братьев. Но Шавершол только громко застонал и, качаясь, пошел в лес.

«Невидимая и быстрая птица вурсик принесла в клюве мудрость богатырю», — сказали бы старейшины племени всадников. Вождь хотел идти за Шавершолом, но Оскор остановил его:

— Не ходи, рума-друг. Богатырь не будет пить теплую кровь своего Арагеца.

— Гех... Он ищет себе беду, — заворчал Сопр и пошел к большому костру. Охотники повели за ним пугливо озирающегося Арагеца.

Оскор ждал, пока не скрылся Шавершол за волчьими кустами, потом спустился к костру, на праздник Нуми-Торума.

Сопр стоял на коленях перед ярко горящим огнем, как шаман Урбек. Вокруг высокого костра качались, взявшись за руки, охотники. Их было много, Оскор насчитал пят-

надцать десятков... Вдруг вождь вскочил на ноги и шагнул с поднятым ножом к белому коню, но ударить не успел. Арагез вырвал повод из рук охотников и заметался между горячим костром и крутым обрывом. Женщины закрыли руками черноволосые головы и упали на землю, мужчины звали на помощь доброго Мир-Суснэ. Когда Арагез, вытянувшись, понесся в гору, Оскор вскочил ему на спину и, нащупав узду, осадил к земле. Подбежавшие охотники накинули петлю на потную шею коня, свалили его на землю и связали ноги.

Связанного Арагеза они подтащили ближе к костру. Сопр опять встал на колени перед огнем, его опять окружили люди. Они пели:

Великий и Невидимый,
Гони на нас
Молодого зверя.
Большого зверя
Сделай слабее ушана...

Охотники просили у Нуми-Торума мяса и тепла, здоровья и силы зверя. Когда они кончили петь, вождь подбежал к связанному Арагезу. Блеснул на солнце широкий нож...

Попробовав горячей крови, мужчины окружили костер и, потрясая оружием предков, запели песню победы.

Добрый отец огонь,
Ты на небе и на земле,
Ты веселый и сильный,
Ты не насытный и злой.
Порази врагов в сердце,
Порази врагов в голову.
Сожги одежду и тело
Врагов твоего народа...

Оскор слушал братьев и вспоминал рвущийся к небу живой огонь угров... Песню победы воины гордого племени всадников пели перед большим костром, когда враги приходили на их землю. Тогда мужчины пили горячую кровь жертвенных лошадей и шли защищать город старого Кар-

даша, спасти женщин, детей и скот. Тогда один угорский воин был сильнее пяти болгар...

Оборвалась песня победы, остановились ноги братьев. От леса бежали, поблескивая железными шлемами, чужие воины. Они разделились, как птицы в полете, на три хвоста. Врагов было в десять раз меньше, чем охотников у костра, но Сопр молчал. Манси сбились в кучу, как пестрые угорские овцы. Только Ласло вышел навстречу чужим, размахивая узким кривым мечом. Передний воин выбил из рук его меч и засмеялся. Ласло был травой, а русский пришелец — тополем.

Два молодых воина подошли к вождю. Один из них ударил себя по железной груди и сказал:

— Неси, кунинг, скору и серебро Новугороду!

Сопр испугался и сел на землю. Синеглазый богатырь поставил его на ноги и закричал:

— Вашей земли не заяхом, ни город ваших, ни весей ваших.

Другой воин достал из-под чешуйчатой железной рубахи куний мех и стал гладить его, как пса.

— Гех, рума, гех, — замотал головой вождь.

Сопр толкал в спину испуганных охотников, посылал их в чумы за родовым серебром и мехами.

У затухающего костра, воткнув в землю длинные черные мечи, стояли чужие бородатые воины. Манси несли им короткохвостых соболей, красных караганов и мягких кунниц. Жены шли за охотниками, прижав к мокрой от слез груди круглые болгарские чаши, шейные кольца и кувшины.

Русые пришельцы все раскладывали на два десятка заплечных нош и перевязывали белыми витыми ремнями. Серебряные чаши и узкогорлые кувшины они складывали в широкие кожаные мешки.

Забросив на крепкие спины тяжелые ноши, бородатые воины побежали обратно, к лесу, как густогривые волки от стада. Бежали они легко, ступали мягко на каменистую

землю доброго и смешного народа. Манси смотрели им вслед и не знали, кто спас их от железных воинов — Великий Нуми-Торум или добрый Мир-Суснэ? Кому им надо завтра приносить жертву за свое избавление?

Предводитель русских пришельцев остановился у леса, сбросил на землю ношу и пошел назад. Он подошел к костру, долго глядел на притихших людей, худых и грязных, замученных болотной хворью.

— У отчины вашей несть кунинга, несть кметей, — сказал синеглазый предводитель и снял с головы железный шлем.

Он насыпал в шлем продолговатые и ровные серебряные обрезки, поставил его к ногам Сопра и вернулся к своим воинам.

Воинственные пришельцы, дождавшись синеглазого предводителя, скрылись в лесу. Манси потянулись от потухшего костра один за другим к своим чумам. Никто громко не радовался, никто не горевал. Казалось, ничего не случилось в стойбище братьев, не было чужих воинов, а был короткий сон.

Удивленный Оскор долго стоял один у потухшего костра, слушал ворчание собак, доедающих белого коня, и думал. Он думал о бородатых пришельцах с железной грудью, быстрых, как ветер, и крепких, как камень, думал о покорных охотниках, замученных голодом, хворью и жадностью своих богов. Мужчины из его племени не отдадут родовое серебро так покорно, как братья.

— Рума, рума, — тянул за рукав мансийский вождь Оскура. — Пошли к лодке. Надо ехать.

Улетели думы угорского певца, как вспугнутые птицы, и он увидел Сопра. Старик стоял перед ним довольный и важный, забыв позор и горе своего народа.

— Ты сейчас отдал родовое серебро чужим воинам! — закричал на него Оскор. — Ты станешь беднее раба...

— Гех... Ты не видел, рума, наших святилищ. Мое богатство в лесу, его бережет Нумп-Торум и настоженные

луки с толстыми стрелами. Я смеюсь над русыми пришельцами.

Оскор пошел за хитрым вождем к Великой Голубой реке. Они шли высокой густой травой через редкий березник, шли рядом. Сопр рассказывал о синеглазых воинах.

— Они живут в Новагороде, на краю земли. У русских воинов много воды и много лодок. Весной они кладут свои узкобокне лодки-ушкуи на плечи и несут их по земле Немь до речки Волок. Эта маленькая речка сестра Голубой Камы. Потом они спускаются к нам за мягкими шкурками и серебром.

Светлый березник кончился, пропала широкая тропа. Они зашли в густую зелень ирги и колючего повоя. Сопр быстро находил лазы в темной чащобе и нырял в них, а Оскор пробирался, как тяжелый зверь, давил и ломал кусты.

Раздвинув плечом зеленую стену повоя, он неожиданно вышел на свет. Под ногами блистала вода тихого маленького залива, в трех шагах от него в лодке сидел Шавершол.

10 • ГОЛУБАЯ КАМА

Утро начиналось на середине Великой реки. Свет полз от лодки к темным берегам, оставляя за собой побелевшую воду. Клочки тумана спешили укрыться от него в тихих заливах.

Сопр спал сидя, уткнувшись носом в холодные кожаные мешки. Впереди него бесшумно греб Оскор, за спиной покачивался Шавершол.

Всю ночь простояли угры на коленях, не выпуская из рук гребков. Ударят они гребками, метнется лодка, как малая рыба от щуки, про шумит вода по ее сосновым бортам и закрутится позади. Мах за махом — и ближе послы

к мудрому слову. Скоро увидят они широкое горло речки Мясная вода, и Сопр поведет их тайной тропой к Большому шаману.

Вырвал Оскор гребок из воды, увидел, как посыпались голубые искры с него, и понял — Сияющий вышел на небо. Много раз встречал Оскор желтое солнце, много спел утренних песен, но солнце всегда казалось ему новым, всегда родным...

Шавершол глядел на желтый огонь, пылающий на небе, и весело смеялся.

— Урга-а! — кричал он солнцу. — Будь здоровым и сильным, Желтолобий!

«Овым и сильным! Овым и сильным!» — повторяли за ним духи леса и большой воды.

Далеко унесли по реке быстрые духи голос Шавершола, а Оскор не шевелился, слушал песню голубой воды и зеленых гор, веселую песню светлого утра.

— Гех!

Лодка качнулась. Это встал Сопр. Он размахивал руками и показывал на темные камыши.

— Там, там Яйва, Мясная вода. Надо к берегу, рума.

Угры взялись за гребки, лодка пошла поперек большой воды, навстречу черноголовым камышам.

— Стой, рума, стой! — закричал старик. — Костер на берегу.

Маленький костер увидели и угры, но было уже поздно. Лодка закрипела по каменистому дну и уткнулась в берег. Ступив на землю, Оскор выдернул меч и побежал к костру. За ним выскочили Сопр и Шавершол.

Все трое долго шарили по заросшему ивняком и повоем каменистому берегу, искали следы человека, хозяина огня, и не находили. Но только сели к костру, из зеленой чащобы вышел Большой шаман. Старый Сопр и угры от удивления и страха прилипли к земле.

Большой шаман подошел к ним, сел к костру. Первым опомнился Сопр и осторожно спросил:

— Это ты, хозяин Синей пещеры? Или твоя добрая душа бродит по земле?

— Не бойся, Сопр. Я пришел сюда встретить братьев.

— Гех... Ты спустился на лодке?

Большой шаман не ответил вождю, глядел на вздрагивающие огоньки и думал.

— Мы послы. Мы не можем вернуться к старому Кардашу без мудрого слова, — сказал Шавершол хозяину Синей пещеры и встал.

— Садись, богатырь. Ты будешь долго слушать меня. Я расскажу о далеких предках моего народа, о горькой судьбе наших племен и о мудром шамане Чань-Наги.

Шавершол сел, хозяин Синей пещеры стал говорить:

— Я знаю, в пауле Сопра были русые пришельцы из Новгорода. Они придут к нам еще. Речные дороги не зарастают... — Большой шаман замолчал, долго глядел на Великую Голубую реку, потом сказал Сопру: — Возьми лук и принеси Нуми-Торуму жертвенную птицу маншин.

Когда вождь скрылся в зеленом лесу, он сказал уграм:

— Слушайте меня, братья... Мы пришли на эту землю давно, усталые и ослабевшие. Встретили нас глухие леса и гнилые болота. Но мы остались здесь: идти вперед не было сил. И мы не знали, куда нам идти... Большим шаманом шести наших племен был тогда мудрый Чань-Наги.

Мудрый Чань-Наги велел старейшим менять соболя и куницу на высокой горе. По Голубой Каме приходили к нам чужие люди. Они оставляли железные ножи и серебряные чаши, забирали наши меха и уходили домой. Чужие люди не видели, кто приносит на вершину горы мягкие шкуры. Они не знали дорогу к нашим паулям. Мы были сыты и богаты, не боялись голода и болезней. Умер мудрый Чань-Наги, и Великий Нуми-Торум стал глупее нетопыря. Но народ наш все еще верил ему, приносил в жертву последних коней, отдавал бессильному богу типчаковой степи половину добычи... Душа моего доброго народа ослепла от едкого дыма чувалов.

Большой шаман замолчал и долго глядел на затухающий костер. Таяли красные угли, темнели и рассыпались.

Угры ждали другие слова, слова надежды и радости, но хозяин Синей пещеры молчал.

— Мы послы, — сказал ему Шавершол. — Нас спросит вождь, нас спросит народ: где искать новую родину? В племени всадников осталось сорок воинов, смелых и сильных воинов. У нас много женщин и детей. В наших жилищах серебро и красные ковры, в загонах — скот...

— Мы послы, — сказал Оскор. — Назови нам землю, куда не дотянутся длинные мечи пришельцев.

Большой шаман поднял седую голову и, оскалив зубы, тихо засмеялся. Он смеялся, как густогривый зверь перед убитым теленком. Но радость его была человеческой.

— Братья! — сказал он уграм. — Земля много раз снимала и надевала белую паницу, я молчал. Рождались и умирали люди, я молчал. Мне нечего было говорить. В Синюю пещеру пришли два богатыря. Они были нашими братьями, и я сказал себе: «Они спасут нас». Слушайте меня, послы. К восходу от Синей пещеры, за речкой Чань-Наги, долго тянутся густые и темные леса. Не гнездятся там птицы, туда уходят умирать раненные звери. За черными лесами лежит богатая земля светлых речек и зеленых гор. Земля неведомая врагам. Идите туда, братья, ставьте чумы в счастливой земле и топчите к нашим паулям тайные тропы.

Большой шаман посидел у потухшего костра, тихо встал и ушел в лес.

...Вода без усталости катится к югу, раздвигает леса, обегает каменные горы. День и ночь не выпускают из рук угорские послы широколопастных гребков. Они спешат к старому Кардашу с мудрым словом Большого шамана. Уже два раза восходило по небу желтое солнце, два раза на серую воду спускалась черная ночь, а угры еще не ложились на землю. Слабели их крепкие руки, закрывались глаза от усталости.

Шавершол повернул лодку к отлогому берегу. Надо поест горячего мяса и отдохнуть у костра. Скоро они увидят родной Меркашер.

К самой воде подступал мелкий и редкий кустарник, за ним поднимались высокие светло-зеленые сосны, за соснами синело небо.

Угры нашли неглубокую круглую яму и на дне ее развели костер. Они опалили убитых по дороге птиц, наелись горячего мяса.

Шавершол сразу уснул, завернувшись в медвежью шкуру, а Оскор слушал неумолкающую реку, и в душе у него рождалась новая песня:

Ручейком я начиналась
Далеко, в лесу зеленом.
Я была слабее дыма,
Неприметней кислых ягод.
Собирала по дороге
Малых речек наговоры,
И весенних вод напевы,
И дождей осенних ропот....

Певец проснулся от непонятного страха, вскочил и огляделся. Рядом спал Шавершол, с реки, покачиваясь, полз в темные кусты белый туман, в чистой зелени радостно суетились птицы. Но светлое утро не убило в душе тревогу. Оскор глядел на серую воду и что-то хотел вспомнить...

— Лодка! — Он бросился к реке, долго бегал от куста к кусту, как потерявший след зверя молодой пес, но лодки не было.

11 · ЛЕС И ЛЮДИ

Могучий лес окружал племя всадников, высыпал вперед цепкие кусты ветлового ерника и крепкий вереск. Он захватывал зеленые пастбища, густотравные луга и узкие полосы желтеющих полей.

Лес наступал. Но угры не посылали навстречу ему воинов с железными топорами, не жгли высоких костров на пастбищах и полях, не бросали в огонь порубленные ели, истекающие смолой, тугий вереск и жидкий ивняк, пахнувший болотом. Похоронив старого Кардаша, они ждали посланцев с мудрым словом Большого шамана. День и ночь они думали об одном: кто первый покажется у южного вала — послы или булгары? Послы принесут спасение племени, булгары — гибель.

В предзвездных сумерках воины из рода черных орлов сменили у южных ворот быстроногих дзуров. Семь раз взойдет, проплывет по синему небу и спустится в темный лес горячее солнце. Семь раз сторожевые воины прокричат ему:

— Будь здоровым и сильным, Желтолобый!

В полдень брат вождя и старейшина черных орлов Мункач заметил идущих к городищу пеших воинов. Он ждал их, не поднимая тревоги. Они подошли... Молодой черноволосый охотник постучал рукояткой ножа в крепкие ворота и закричал:

— Воины Кардаша, пустите друзей!

Прикрывшись щитом, вышел на вал старый Мункач и спросил гостя:

— Кто ты? Кого привел на нашу землю?

— Я Гайно. Мы послы народа коми.

Старейшина подал знак, угорские воины открыли тяжелые ворота и впустили гостей.

Мать Гайно была из рода быстроногих дзуров. Он знал язык угорского народа и не раз бывал в городе старого Кардаша. Не спрашивая сторожевых воинов, Гайно повел своих соплеменников к высокой юрте вождя. Чужие люди с удивлением глядели на большеколесные степные телеги, стоящие кругом, на временные загоны для скота, обнесенные высокой изгородью, на суетившихся у родовых костров женщин и детей. В городе старого Кардаша было шумно и тесно. Но гости не видели воинов.

Толкнув обитые шкурой двери, послы зашли в большую юрту вождя и остановились у дверей. Они ждали приглашения. Но никто не ответил на их приветствие, никто не позвал их сесть на почетное место гостей. Дом старого Кардаша был пуст. Сквозь маленькое продолговатое окно, затянутое бычьим пузырем, пробивался солнечный свет и ложился неровными полосами на темные шкуры и красивые ковры, разостланные на глиняном полу. Великий Нуми-Торум, поблескивая серебряным лицом, глядел на них устало и недружелюбно. Гости переглянулись и хотели уходить, но слышали голоса людей.

В жилище вождя вошли старейшины. Брат Кардаша позвал гостей к очагу, женщины принесли свежее мясо и старый мед в тонких болгарских кувшинах.

Послы неторопливо ели и пили, а старейшины сидели молча у холодного очага. Гайно тоже молчал. Он знал угорские обычаи: пока женщины не унесут остатки еды, старики не будут говорить. Гости отдали женщинам серебряные чаши с чисто обглоданными белыми костями и пустые кувшины, старейшина черных орлов спросил Гайно о здоровье великого Камшамана и стал рассказывать о набеге болгар, о гибели многих воинов, о смерти раненого вождя, мудрого Кардаша. Гайно слушал, качал головой и пересказывал своим сородичам печальные слова старейшины.

— Мы видели, — сказал Гайно уграм, — молодой лес на ваших полях и пастбищах. У вас мало воинов, у нас мало женщин. Наши мужчины хорошие охотники. Ваши женщины не будут знать голода.

Старейшины поняли слова Гайно. Им рассказывали отцы, они видели сами: приходили из северных лесов беловолосые люди с дорогими подарками и брали угорских девушек в жены. Речку свою беловолосые охотники называли Иньвой — Женской водой. На ее берегах селились они с черноволосыми угорскими женами.

...На другой день старейшины повели гостей на празд-

ник девушек. На широкой поляне под священной лиственницей плясали смуглые угорские девушки. Щеки и грудь они раскрасили железной краской, на тонкие загорелые шеи надели желтые бусы. Окружали их небольшие костры, у костров сидели женщины с детьми и молчаливые одинокие воины.

Гости и старейшины уселись на шкуры. Девушки обняли друг друга за гладкие блестящие плечи и, тихо покачиваясь, запели о том, что они знают в лесу сладкие корни, умеют варить буйный мед и делать войлок тоньше осинового листа. Гайно глядел и слушал, хотел запомнить, а потом спросить у старейшин имя девушки с ловкими и сильными руками. Она легко плясала, опираясь на длинные пальцы крепких маленьких ног. Такая жена не отстанет в лесу от охотника.

Окончив танец, девушка подошла к старейшинам и села впереди их.

— Она не знает законов племени? — громко спросил молодой охотник брата вождя.

— Нет, Гайно, — ответил ему старый Мункач, — дочь мудрого Кардаша хорошо знает законы своего народа.

Дочь вождя поправила тяжелые бусы из зеленого камня, поглядела на чужого охотника и встала. На ней было платье из мягкого войлока и широкий серебряный пояс. «Одежда ее дороже клееного лука», — подумал Гайно. Он хотел сказать ей ласковое слово, но она ушла с праздника.

— Ждет Илонка певца Оскора, — сказал вслед девушке старейшина Мункач. — Ходит к южному валу. Там встречает и провожает красную зарю.

Перед заходом солнца угорские девушки начали танец невесты, начали медленно, ступали на траву осторожно и мягко, как лесные кошки. Но с каждым кругом они кружились быстрее, и их гибкие беспокойные руки тянулись к кому-то далекому и невидимому. Одинокие воины не могли усидеть у костров, когда танец стал быстрым, как смерч в летней степи. Вскочили молодые женщины, встали удив-

ленные гости из тоскливых северных лесов — их танцы были вялыми, осторожными. Только седые старейшины остались сидеть на шкурках, бесстрастные и мудрые.

Медленно садилось в синеющий лес раскалившееся за день солнце, становился мягче и спокойнее танец девушек-невест.

Скрылось солнце, сели на траву уставшие девушки, звонче запел Меркашер свою бесконечную песню, собирая в прибрежных кустах клубок белесых туманов. Садилась на землю ночь, она гнала старых и малых к родным кострам, к теплому огню...

Ранним утром ушли из города молодые коми-охотники с черноволосыми угорскими невестами, оставив старейшинам заплечные пестери с лисьими и бобровыми мехами. В то же утро сорок угорских воинов собирались в большую юрту вождя на совет... Давно ушли Оскор и Шавершол к Большому шаману. Два раза умирал и два раза рождался осколком месяц, а угры все ждали послов с мудрым словом, редко выходили за ворота городища. Таял их скот, иссякали запасы ячменного зерна. Темными пасмурными ночами подходили к городищу волки и долго выли.

Воины уселись на медвежьи шкуры вокруг холодного очага, и старый Мункач сказал:

— Мужчины племени! Послы коми народа шли по нашей земле. Они видели: молодым лесом зарастают родные пастбища и поля.

— Мы режем скот, дающий нам войлок и молоко, — заговорил торопливый старейшина дзуров. — У нашего рода осталось коров меньше, чем пальцев на руках человека.

— Слушайте меня, воины, — продолжал Мункач. — Слушайте и решайте. Голод идет к нам. Он перешагнет валы городища, ему не страшны наши мечи и чернохвостые стрелы. Я, брат мудрого Кардаша и старейшина славного рода черных орлов, говорю вам: не бойтесь болгар, бойтесь голода... Пусть женщины идут собирать сочные корни и сладкие ягоды. Пусть мужчины не режут скот, а

бьют в лесу зверя и заманивают в хитрые западни быстроногих коров.

Мужчины несли с совета воинов к родовым кострам страшное слово — голод. Они сказали его женщинам, его поняли дети. Но страх перед голодом не убил волю людей, не отнял у них силы. В тот же день мужчины из рода қоршунов ушли в лес бить зверя и заманивать в крутостенные ямы сохатых. Провожали охотников жены с берестяными туесами и подростки с крепкими березовыми копалками. Женщины и подростки остались в родном лесу собирать спелые ягоды и копать сочные корни, а мужчины пошли дальше, звериными тропами, глухими урочищами... Кузнецы из рода крепкогрудых, отправив юношей на быстрых лошадях за железной землей, копали в городище круглые ямы для варки железа. Женщины натирали еще пахнущие молоком кожи теплым жиром и костным мозгом, сушили их в тени, на ветру, потом долго разминали руками и коптели, для крепости, над чадным смолистым дымом. Братьям и мужьям, знали женщины, нужны крепкие и гладкие кожаные рубахи. Раскаленные на жарком огне куски железной земли вздрагивали от удара тяжелых молотов и осыпали кузнецов белыми искрами.

Мужчины из рода черных орлов точили на серых шершавых камнях широкие топоры. Они готовились биться с могучим лесом за свои пастбища и поля.

Вечером старый Мункач зашел к своим женам. На мягких шкурах лежала Илонка и глядела на тающий огонь в очаге. Она сказала, что женщины плетут сети под навесом и спросила:

— Где послы? Где шаман Урбек?

— Ты знаешь, — ответил ей старейшина. — Послы ушли давно к хозяину Синей пещеры. А Урбек ищет целебные травы в чужой земле.

— Люди не сидят больше у родных костров, не ждут Шавершола и Оскора с мудрым словом. Или послы погибли?

Старый Мункач сел к девушке и сказал:

— Мы будем бить зверя в лесу и ловить рыбу в Меркашере, собирать ягоды и мед, защищать поля и пастбища... И ждать послов. Они идут домой.

— Ты получил весть?

— Нет вестей от послов. Слушай, дочь мудрого Кардаша, и думай. Я расскажу тебе так, как рассказал мне отец...

Гнали два волка молодого сохатого и загнали в узкую сырую пещеру. Долго он бился с ними, но одолели его старые хитрые волки. Наелись они теплого мяса, облизали кровь с шерсти, но выйти из пещеры уже не могли — обрушились камни и завалили выход. Ткнулись носами в камни серые волки и завывали, призывая братьев своих на помощь. Выли серые и спорили. Один говорил: «Надо рыть», а другой — «Нет, надо выть. Камней много, самим нам не справиться...» Не сговорились волки: один стал выть, а другой рыть. Кончилось зеленое лето, началось время холодных дождей, а серые все в пещере сидят: один воет, а другой роет лапами каменистую землю. Вытолкнул роющий волк последний камень, высунул из пещеры морду, глотнул чистого воздуха и оглянулся: лежит его серый брат мертвый. Ты поняла меня, дочь Кардаша? Мы ждали послов с мудрым словом, сидя у родовых костров, и не заметили, как подкрался к нам голод.

Старый Мункач поднялся, постоял над тоскующей девушкой и ушел из женской половины в большую юрту.

Илонка думала о трудных и незнакомых дорогах, по которым идут домой послы. Идут они ночью и днем, желтоглазая птица карсу кажет им путь в родную землю, а лесные духи заманивают в зыбуны, ухают над ними и плачут, как малые дети... Нет конца дремучему лесу, нет края. Она видит Оскора в чужом лесу. Широкие ели заступают ему дорогу, машут черными кривыми лапами. Жидкие лесные травы, как змеи, оплетают ноги певца. Он падает, рвет и ломает упругие стебли, а бородатый вождь лесных духов смеется и кричит ему в уши: «Вставай! Вставай!»

Девушка открыла глаза, над ней стояла молодая жена Мункача, смеялась и говорила:

— Вставай, Илонка, вставай! Все мужчины и женщины нашего рода пошли на пастбища. А ты спишь.

Когда Илонка вышла из юрты, было еще темно, густые предрассветные сумерки лежали на отсыревшей земле. Черный лес, казалось ей, подвинулся к городищу, воткнув в посеревшее небо острые концы вершин.

Она нашла среди воинов старого Мункача и пошла с ним к южным воротам. Впереди шли мужчины с железными топорами, позади — женщины и подростки.

За воротами городища было светлее, но солнце еще не взошло, только небо алено на востоке. Они спустились к шумевшему Меркашеру и пошли один за другим по зарастающей тропинке к пастбищам.

Когда заблестело выглянувшее солнце, люди из рода черных орлов стояли уже в густой и мокрой траве и слушали своего старейшину.

— Видите! — показывал старый Мункач людям на кусты и ели. — Лес наступает на наши пастбища.

Старейшина черных орлов подошел к ближней ели, выбжавшей из лесу, и ударил ее под корень широким железным топором. Она устояла, только качнулась. Он подскочил к ней с другой стороны и опять взмахнул топором. Дерево задрожало и повалилось на землю.

В ряд с Мункачем, лицом к наступавшему лесу, встали десять мужчин-воинов с тяжелыми железными топорами. За ними шли подростки с острыми, как болотная осока, косыми ножами. Они секли кусты, рубили длинные и хрупкие корни сосняка. Ложился под ноги воинов побежденный лес, топтали его подростки, ломали женщины и волокли на отлогий берег Меркашера. Только широкий вереск упрямо держался за землю, люди рвали его волокнистые корни, секли косырями и топтали. До позднего вечера бились они, очищая пастбища. Люди победили лес.

Когда выполз белесый туман из оврагов, уставшие и по-

веселевшие угры потянулись один за другим к городищу, оставив подростков жечь на песчаном берегу высокие кучи срубленного леса.

Всю ночь горели костры над Меркашером. Свет от них, рассекая туман, ложился блестящими полосами на гладкую серебристую воду.

12. БОЛЬШОЙ КОСТЕР ПЛЕМЕНИ

Кончился мокрый серый день, пришла безглазая ночь. Она накрыла город угров черной крышей и расползлась по земле.

Раб маленького шамана Калмез знал: люди боятся темноты, они бегут от нее в юрты, к родному очагу. Раб маленького шамана дождался ночи и поднялся по крутому валу городища. Он крался к войлочной юрте шамана Урбека, как враг, прячась от своей тещи за широкие верески. Калмез нес своему хозяину подарок, который стоил десяти коней. Никто не видел раба, никто не стал на его дороге...

Сорок угорских воинов сидели вокруг ярко горящего очага в высокой юрте вождя.. Старый Кардаш умер, ему хорошо, его душа теперь в стране счастливых предков. А что делать живым? У них нет вождя, послы не пришли с мудрым словом Большого шамана.

Старейшина быстроногих дзуров ударил тяжелым щитом о крепкий глиняный пол юрты.

— Надо уходить, — сказал он. — Булгары вернутся на нашу землю.

Суровые воины стучали окованными щитами и спрашивали его, куда идти народу, кто поведет племя всадников лесными тропами.

— Пусть говорит шаман Урбек, — отвечал им торопливый старейшина дзуров. — Он ест мясо наших коров. Мы отдаем ему десятую часть нашей добычи...

Маленький шаман качался перед серебрянолицым идолом и молчал. Он знал: слабеющее племя покорится воле богов. Угры вернутся в родные типчаковые степи и будут жить по закону предков. Старый Урбек смеялся над гордыми воинами и думал: «Для сильных я сын шакала, а для слабых — вестник богов...»

— Спаси народ, Урбек!

— Открой нам волю богов.

Маленький шаман отполз от идола, протянул руки к очагу и заговорил:

— Я скоро умру, упаду на землю, как старая лиственница. Я спрашиваю предков на закате солнца и глухой ночью, когда спят птицы и люди. Посылайте, войны, послов к булгарам. Великие предки зовут нас в степь.

— Кто поведет народ угров? Кто будет вождем племени всадников? — спросил его брат Кардаша, старейшина черных орлов, подняв над головой большие старые руки.

Брат Кардаша давно был стариком. Люди не помнили его молодым.

— Ты знаешь законы нашего народа, брат Кардаша, — ответил ему маленький шаман. — Вождем племени всадников будет муж Илонки. Смелый и мудрый воин не вашего рода.

— Илонка ждет Оскора. Бродягу-певца из рода дзуров.

— Оскор посол племени.

— Где наши послы, шаман Урбек?

Спорили и шумели угры, стучали окованными щитами о крепкий пол, но никто не сказал мудрого слова.

Уставшие войны к концу ночи стали похожи на смирившихся в яме зверей, сердито рычали, но слушали шамана и верили ему. Он говорил им, что завтра они перед большим костром племени принесут в жертву великим богам белого коня... Завтра угры узнают, где Оскор и Шавершол. Ходят послы по земле или души их поднялись в страну предков. Завтра племя всадников выберет мужа Илонке и отправит булгарам красные ковры и родовое серебро.

Молча выходили из юрты вождя невеселые воины. Они не били друг друга по крепким плечам, не желали здоровья и силы. За дверями их встречала ночь, темная и ветреная. Шумели молодые березы, стонали старые ели. Буйный ветер хлестал воинов по широким спинам.

Старейшина черных орлов оглядел опустевшую юрту вождя и, вздохнув, направился к маленькой двери. Он поднял тяжелые шкуры и зашел к женщинам. Они спали на шкурах, у высокого каменного очага, будто уставшие дети.

Старейшина бросил затухающему огню вересковых сучьев и сел на пол, к Илонке. Девушка тихо спала, свернувшись, как лесная куница. Старик любил дочь брата. Когда Илонка была ростом не выше кожаного ичига, он носил ее в корзине на берег Меркашера. У него умер сын от болгарской стрелы, у Илонки умерла мать от болотной хвори... На празднике зрелости дочь вождя была самой красивой девушкой, тонкой и чистой, как ива. Он подарил ей тогда зеленые бусы из тяжелого камня и серебряный пояс.

Старик наклонился к Илонке, длинная борода его закрыла теплое лицо девушки, и она проснулась.

— Я пришел сказать тебе, дочь мудрого Кардаша, волю нашего народа. Утром, перед большим костром племени, ты назовешь имя мужа. Он будет вождем угров.

— Я назову Оскора.

— Оскора нет. Мы долго ждали послов к Большому шаману. Они не пришли. Кто знает, куда завели их лесные тропы! Нам нужен вождь, как пастух нашим пестрым овцам, как жеребец табуну. Ты дочь мудрого вождя, Илонка!

Пробудившись, женщины слушали, жалели Илонку, но молчали. После смерти вождя брат Кардаша стал их мужем, хозяином большой юрты.

Старик долго говорил Илонке о славных предках рода черных орлов, о законах племени, о горе родного народа. Началось утро, через маленькое окно к очагу потянулся холодный свет, а он все говорил...

Угры встречали солнце у большого костра племени. Молчаливые и уставшие, они глядели с надеждой на маленького шамана. Он сыпал в костер, на живой огонь, из серебряной чаши сухие листья типчаковой травы и черные коренья. Крепкий запах степи расплзался по круглой поляне и тревожил людей.

Воины окружили костер. Маленький шаман взмахнул широким ножом — и белый конь, подбирая ноги, повалился на землю. Мужчины племени не бросились к жертвенному коню пить сладкую кровь, женщины не побежали делить сладкое мясо. Маленький шаман напился горячей крови и стал кружиться вокруг огня. Он просил степных богов простить гордый народ угров и принять жертву.

Плечом к плечу, опираясь на костяные луки, стояли вокруг костра хмурые воины и ждали конца священной пляски шамана. Они ждали, что скажут им великие боги типчаковой степи.

Шаман Урбек упал на колени перед костром, вытащил из переметной сумы кожаный пояс Шавершола с бронзовыми подвесками и шапку Оскора. Подняв над головой подарки раба, он кружился с ними и выл:

— О-о, о-о, о-о, послы не вернутся в племя... О-о, о-о, о-о, послы погибли в лесу. Великие боги шлют нам весть...

Осталась одна дорога — в болгарские степи, дорога позора. По ней трудно идти гордому и смелому народу. Ниже склонили головы воины, заплакали женщины, причитая:

Солнце уходит с неба,
Утром приходит снова...
Луна гает, как звезды,
И ночью рождается снова...
Человек уходит к предкам
И не приходит на землю...

Горит большой костер племени, мечет желтый огонь на застывших от горя воинов красные липучие искры, плачут женщины и сыпят песок на черные волосы, плачут дети.

А от восточных ворот бегут к костру сторожевые воины, размахивая луками.

— Послы вернулись. Послы! — кричат они.

Весело горели родовые костры, ржали и били копытами запряженные кони.

Племя всадников не пойдет дорогой позора, угры найдут новую родину. Молодой вождь, певец и воин, поведет их. Но почему Илонка не свертывает красные родовые ковры, не собирает в кожаные мешки серебро, почему не высохли у нее слезы? Она ищет Оскора. Ночью певец ушел из племени, оставив у каменного очага медный подвесок — знак рода дзуров, быстрых, как ветер, степных козлов. Никто не узнает тайну Оскора, только старейшина черных орлов будет качать седой головой и рассказывать внукам о мудрой любви к родному народу. Внуки вырастут и расскажут своим внукам — и певец не умрет в памяти живущих...

Скатилось с синего неба горячее солнце, расползлись по родной земле запахи ночи. Сторожевые воины открыли ворота, привстал Шавершол в высоколуком седле, поглядел на город старого Кардаша и махнул рукой. Заскрипели степные телеги на высоких колесах, потянулись роды один за другим от могил предков в Страну Зеленых гор.

Опустел город угров, только пять старых воинов остались у родовых костров. Они носили живой огонь к сухим стенам деревянных юрт.

Ненасытный огонь долго лизал сучковатые стены и, набрав силу, вспыхнул пятью большими кострами. Посреди кругового огня стояла черная войлочная юрта маленького шамана. Старый Урбек стоял у дверей суровый и неподвижный, как деревянный идол, проклиная ленивых богов и упрямых людей. Он не думал о смерти, он думал о мести рабу Калмезу.

Когда рухнула первая крыша, рассыпая горячие искры,

воины вскочили в седла и погнали коней за уходящими в ночь родами.

Красный свет поднимался к черному небу, освещая им путь.

ЭПИЛОГ

У Ласло праздник, чум его полон соседей. На почетном месте сидит Оскор, певец братьев, рядом с ним — важный Сопр. Манси прижались друг к другу, моргают покрасневшими веками и слушают, как звенят железные струны лебедя. Гость начинает петь.

Я начну рассказ, не песню —
Почему я бросил племя
И зачем ушел из рода?
Я не маленький теленок,
Убегающий от стада.
Разве птица бросит стаю,
Западет в траву густую,
Если коршуна увидит?
Мой народ не знал покоя...
Набегали с юга волны,
Уносили не валежник,
Не песок и не коренья —
Угры воинов теряли,
Племя Всадников слабело...
Урбек помнил трав дыханье,
Типчаковый сладкий запах,
Звал народ в родные степи...
Но старейшины боялись
Уходить тропой позора,
Отдавать народ свободный
В рабство болгарским шаманам...
Мы вернулись с мудрым словом,
Принесли спасенье людям.
Нас не встретил старый Кардаш,
Вождь ушел в страну счастливых.
Дочь вождя меня встречала,
Чернокосяя Илонка...
Я певец — таким родился.

Я подслушиваю песни
У реки быстробегущей,
У тоскующей березы.
Я ловлю напевы ветра,
Песни птиц я собираю,
Понимаю шепот листьев...
Крепче камня наш обычай,
Вековечнее железа:
Муж Илонки — вождь народа.
Мие вести родное племя
Незнакомыми путями,
Поднимать в пути уставших,
Стариков бросать в дороге.
Разве я мудрее старых,
Разве я сильнее друга?
Я Шавершолу оставил
Чернокосую Илонку,
Сна нежнее, тоньше ивы.
У меня остался лебедь.
У меня осталась песня,
У народа — вождь и воин...

Оскор кончил петь. Братья тянули худые шеи к нему, их грязные лица блестели от пота и слез. По крыше чума стучал частый дождь и глушил печальную песню лебедя.

Оскор ударил по стонущим струнам рукой воина. Струны зазвенели песню победы; он запел о гордом и смелом народе, идущем звериными тропами в Страну Зеленых гор. Встают на пути лесных всадников мертвые леса и глухие болота. Ночью ест людей мелкий гнус, днем мучает жажда. Но они упрямо идут навстречу солнцу, теплу и свободной земле. Впереди, раздвигая плечами лес, шагает Шавершол...

А. РОМАШОВ • КОНДРАТИЙ РУС

*«...сия же река Кама обходяще
всю землю Пермскую, по сей бо реце
мнози языци седят...»*

Краткий летописный свод 1493 года

• ВОР

Выскочив из капища, парень огляделся, погрозил идолу кулаком и побежал к старой елке. Он прыгал, как заяц, в высокой траве, сума звенела и больно била его по пояснице.

Тропу шамана оставил он на краю поляны, у старой ели. Елка стояла на месте, а тропа сгнула, будто провалилась.

Он долго бегал, искал ее — плюнул, помянул добрым словом Егория-воителя и ударился напролом по густому осиннику. Пробился до редколесья, на-

ткнулся там на лосиную тропу и стал спускаться по ней к Шабирь-озеру.

На еланиях пахло цветущим чербалинником, в низинах — кугой. В мокрых чащобах держалось вчерашнее тепло. Потом все задавил вереск. Вереск сменили темные кусты ольховника. Кусты поредели, и парень выбежал на луга.

Навстречу ему поднимался сохатый. Увидев человека, зверь не остановился, только нагнул рогатую башку.

Парень отскочил. Сохатый пронесся мимо него.

Парень выдернул стрелу из налучника и, отпустив зверя на сорок шагов, выстрелил. Раненый зверь осекся, как конь на скаку, сбился с хода. Парень выбежал за ним на тропу, выстрелил еще, но сохатый уже скрылся в зеленом подлеске.

Парень смеялся. Сохатый — не волк, ему не выгрызть обломка стрелы из крупа. К осени, обезумев от боли, он станет страшнее лютого зверя.

Горько плача, пролетела желна. Погрозив ей луком, парень пошел к березам напрямик, по густой траве, уминая, как снег, белоголовые цветы. Он знал — за березами Шабирь-озеро. Стоят там, у пологого берега, уткнувшись в песок, вогульские лодки — камни. На передней камье сидит Майта. Баская она девка, ловкая, а все одно нехристь и басурманка. Один бог, говорит, добрый и синий, как небо, а другой бог — страшный. Посмеиваясь, парень достал из сумы серебряную чашку, протер ее подолом рубахи и стал думать, как удачей похвастать. Отдаст он чашку Майте и скажет: «Вот тебе от бога-болвана приношеньице. Замотал я богу твоему медвежьей шкурой башку...»

Поднялось воронье над березами — закружилось, закаркало.

— О-го-гоо! — закричал парень и побежал к озеру.

Расступились березы, заблестела вода. Он спустился к лодкам. Вода потускнела, легли на нее темные густые пятна от прибрежных кустов.

Сняв лук и суму, он лег на теплый песок, напился и сел у воды, ждать Майту.

Она подошла незаметно, села рядом с ним и негромко засмеялась.

— Смотри! — Он вытряхнул из холщовой сумы серебряную чашку.

Майта отшатнулась, закрыла руками лицо.

— Возьми! — Он протянул ей чашку.

Но Майта побежала от него по песчаному угору наверх, к березам. Он кинулся за ней, размахивая серебряной чашкой, кричал:

— Не бойся! Дикая...

Мелькнула в зелени красная рубаша Майты, мелькнула и скрылась. Он выбежал на угор. Кто-то больно хлестнул его по шее. Сгоряча он перемахнул еще через две валежины и свалился. Ухватившись за сук, пытался встать, но уже не мог. Нашупав на шее стрелу, он понял, что ранен, и заревел от обиды и боли.

Красные большие муравьи ползли по белой морщинистой коре, ползли к нему. Он хотел смахнуть их с шершавой березовой коры, поднял руку и повалился в траву.

• ДРУГОДЕРЕВЕНЦЫ

Кондратию не спалось. Едва забусели волоковые окна в избе, он поднялся с теплых овчин и сел в угол. Не раз приходилось ему рубить лес под пашню. Выбирал он лядины — делянки в чернолесье, но и с ольхой и березой. И нынче облюбовал он хорошее место в лесу — без кислого ситника, без резучей травы.

Заскрипели полаты. Татьяна спустилась на пол, обошла его постлань и встала в переднем углу на колени.

— Ты еси Христос сыне бога живого, — шептала она, качаясь под образами, — помилуй мя и прости еси...

Кондратий слушал ее, а сам думал о соседях из большого ултыра. Сколь мужиков приведет с собой старый Сюзь? Сколь топоров принесут ултыряне? Ведь полторы десятины надобно леса свалить.

— Благословен еси во веки... Аминь! — вздохнула Татьяна, поднялась с полу и закричала на девок: — Вставайте, бобрихи гладкие! Нету на вас погибели, — и ушла в бабий кут за печку.

Кондратий нащупал под лавкой бродни, обулся и без пояски вышел из избы.

Еще сине было кругом. Тихо. Одна Юг-речка звенела неумолчно. Он взял стоящую у стены рогатину и пошел вдоль темной огорода по мокрой крапиве. Надоела она всем, окаянная, а рубить на веревки рано, стебель не задубел. Он выбрался из крапивы у овина, под ноги ему бросились собаки, узнали его и, твякнув, уползли под сруб.

Ворота в конюшенник были раскрыты. Прохор был там, шумел на лошадях.

— Не поил? — спросил старшего сына Кондратий, заглядывая в конюшню.

— Веду, тятя.

Прохор выгнал мерина и двух кобыл, жеребца вывел на поводу.

— Братья где? — спросил Кондратий.

— Спят, натъто.

Кондратий пошел будить парней. Они летом спали в овине. Он разбудил Гридю. Ивашки опять дома не оказалось.

— С вечера, кажись, вместе ложились, — зсвая, оправдывался Гридя.

— Мать спросит, скажешь: послал я Ивашку силки проверить на рябка.

— Дак вить на лядину идем, тятя.

— Скажешь, как велено!

— Мне чо... Как велишь. Рябки — они в нижних осинниках держатся больше.

Кондратий ушел из овина растрепанный. Избаловала Татьяна Ивашку. Где шатается парень? Долго ли до беды! Леса кругом глухие, дремучие, зверье...

У избы на ошкуренных бревнах сидела Устя.

— А я сон видела, тятя...

Кондратий остановился.

— Будто спускаюсь я, тятя, в лог, а за мной собака чужая, лохматая. За подол норовит схватить. Испугалась я, пала в траву. Чую: лижет меня чужая собака, теплом дышит...

— Вещий сон. — Кондратий засмеялся. — Не зря по нашим полям Орлай рыщет, девицу-красавицу высматривает.

— Господи, спаси и помилуй! — Устя всплеснула руками. — Бусурманин вить он, тятя! Нехристь. Неужто сон сбудется!

— Небось, не украдет, — успокоил Кондратий дочь, увидел пустые ведра и упрекнул: — За водой мать послала, а ты стоишь!

Устя стала жаловаться на тяжелые березовые ведра.

— Надцелась я, тятя!

— Неслухи вы с Ивашкой.

Кондратий зашел в избу, достал из-под лавки топоры — широкие, крепкие, новгородской работы. Любой из трех доброго коня стоит. Знал, что заклинены и наточены топоры, а удержаться не мог, вертел их в руках, любовался.

Пока собиралась семья в избу, совсем рассвело.

Кондратий склад топоры в угол и пошел к столу. Сыновья и девки потянулись за ним, застучали чурбаками по глиняному полу.

— О-хо-хоо, — вздыхала Татьяна, разливая кислое молоко в деревянные кружки. — Совсем заездили молодшенького! Не поест Ивашка горячих ерушников!

Немая Параська собралась реветь. Гридя показал ей кулак и закричал в ухо:

— Жив твой Ивашка! Не лешева с ним...

Параська понимала все и слышала не хуже других. Онемела она от великого страху лет пятнадцать тому назад. Уходил тогда Кондратий с семьей от галицкого князя, шла с ним и сестра Анфиса с дочерью. Лесами брели дремучими, кони и люди выбивались из сил. Отстала Анфиса с дочерью, нагнал их черемисин окаянный, задавил мать, а Параська спаслась как-то... Прибежала, треплет Кондратия за рубаху, а сказать не может. Мычит девка, лицо руками скребет, да что толку — слово изо рта пятерней не вытащишь...

Устя вертелась на чурбаке, как сорока.

— Выдь погляди, — сказал ей Кондратий. — Не идут ли из ултыра?

Устя бросилась бежать.

— Богу поклонись! — закричала на нее Татьяна. — Хлеб, поди, ела, скоромница!

— Не оскудеет пища постная, скоромная, молосная, — забормотала Устя, кланяясь на все стороны. — Яко хлеб ломливый на вечере Исусовой... Аминь!

Она убежала.

— Лошадей погоним? — спросил Прохор отца.

— Запрем.

Прохор отодвинул кружку, стряхнул с бороды крошки.

— Пойду загоню.

— Подожди, — остановил его Кондратий. — Меч и рогатину возьмешь с собой на лядину.

Гридя захохотал:

— Тятка на побойще собрался!

— Чего гогочешь! — рассердился на сына Кондратий. — В лесу живем, на чужой земле.

— А летось Ивашка княжеских данников подстрелил. Мы куницу скрадывали. Собаки оттоль, с низины, ходом идут, а мы, значитца, прямиком, уметами порем. Ивашка и отстал, будто бахилы переобуть...

Параська слушает, рот разинула. Татьяна ее не гонит, самой любо послушать про молодшенького.

«Хоть старшего сына бог ума не лишил», — думает Кондратий, глядя на них.

— Идут! Идут! — заголосила Устя.

Кондратий встал и, перекрестясь, пошел в свой угол. Снял со стены колпак и опояску.

Устя забежала в избу и начала тормошить брата:

— Чего сидишь, неторопы! Невеста твоя идет, Вета!

Не выпуская кружки из рук, Гридя отбивался локтями:

— Отвяжись. Ну тя...

Кондратий пристегнул к опояске широкий охотничий нож и пошел встречать другодеревенцев. Они еще не поднялись из лога, а он уже стоял за воротами, ждал их. Подошла Татьяна с туеском, шепча на ходу молитву. Она просила у Христа прощения за кумовство с ултырянами.

Другодеревенцы тянулись гуськом: впереди всех маленький Туанко, потом старый Сюзь с сыном, с топорами оба, за ними три бабы, у баб за плечами пестери.

Старый Сюзь вышел из лога. Кондратий низко поклонился ему, взял у Татьяны туесок с медовым квасом, подал:

— Юже, выпей, большой хозяин. Выпей!

Старый Сюзь напился и отдал туесок Татьяне.

— Юже, матушка, испей, — поклонилась Татьяна большой хозяйке ултыра, протягивая туесок с квасом. — Устала, небось.

Старая Окинь отпила, улыбнулась ей и прошептала беззубым ртом:

— Оч ме.

Татьяна приняла от нее туесок, стала поить остальных, косясь на девок. Устя обнимала Вету, внучку старого Сюзя. Вета балабонила, Устя хохотала, слушая ее. «Господи, господи, — вздыхала Татьяна, — совсем опоганилась с нехристями!»

Прохор вывел заседланного мерinna. Гридя вынес кожаный мешок с едой и подсечные топоры. Прохор забросил мешок на седло и стал привязывать.

Кондратий спросил старого Сюзя — все ли подошли из ултыра или остался кто?

— Пера сам идет.

Старый Сюзь говорил долго. Кондратий понял одно: младший брат старого Сюзя пошел на Шабирь-озеро снасть-кулом трясти.

— Ждать будем?

Старый Сюзь покачал головой.

— Прибежит Пера. Не бойся, Рус.

От Шабирь-озера до лядины, Кондратий знал, меньше версты, а Пера лучший охотник в ултыре, найдет их, не заблудится.

— Ну, с богом, — сказал Кондратий. — Пошли!

Старики стали спускаться к речке. За ними Гридя и Туанко, потом девки, старая Окинъ, позади всех Прохор. Он вел на поводу мерина. Перешли вброд речку, вышли на луговину и долго брели по густой непутаной траве. Кондратий радовался, глядя на сочные желтоголовые травы, вспоминал княжеские луга на Сухоне, шалаши смердов..

— Питья и брашна Юрий-князь на сенокосе не жалел, а страдники пели невесело. Не могли забыть истоптанный хлеб на своих полях.

Старый Сюзь слушал, кивал.

— Великий воин был Юрий-князь. Воевал с братом, воевал с племянниками. Горели посадки, сиротели поля.

Старый Сюзь начал говорить. Он хвалил оштяцкого князя Юргана, называл его добрым соседом, другодеревенцем. «Какой он князь, — думал Кондратий, — сам камни мастерит, за сохатым неделями бродит в самую лютую стужу. Таких князей и на Руси немало. По монастырям кормятся. Христа ради...»

Но с соседом не спорил — князь так князь, лишь бы не тать, не воитель.

Зашли в лес. Стариков обогнали парни. Они рубили тяжелыми ножами молодняк и лапник, расчищали тропу. Чакали глухо ножи, под ногами поскрипывали сухие игол-

ки, текучие, скользкие. Тропа ныряла под широкие елки, как в темную нору, упираясь в непролазный чащобник. Старикам приходилось доставать ножи, помогать парням с лесом воевать. А давно ли Кондратий проходил здесь с Прохором, топоров не жалея, рубили они лапы у елок, секли на корню подрост.

Стало светлее, попадались сосны, веселый березник и лесные поляны, затянутые сплошь цепким вьюнком и мышиной травой. Вышли на елань, усеянную шишками.

Кондратий свернул с тропы, прошел саженой десять редколесьем и остановился:

— Лядина моя, — сказал он старому Сюзю, показывая на затесы.

Подошли девки и старая Окинь, сели под березу на краю лядины.

Прохор принес мешок с едой.

— Хозяйствуй давай, — сказал он Параське.

Ели не торопясь. Старый Сюзь то и дело поглядывал в сторону озера, ждал, видно, брата.

Туанко наелся, схватил лук и убежал.

— Куда он? — спросил Кондратий соседа.

Старый Сюзь ответил по-своему. Кондратий его не понял и переспросил:

— Куда, говорю, внук твой побежал?

Устя засмеялась:

— Пера у них потерялся. Малое дитятко!

Параська напоила всех квасом, склала оставшуюся еду в кожаный мешок, завязала его сыромятным ремнем.

— Господи благослови, — сказал, подымаясь, Кондратий. Он отмерил сорок шагов на восток от березы и расставил людей. Лес на лядине неровный: по краю липняк и березы, потом черная елка, сосна, или пожум по-ултырски.

Старая Окинь и девки начали сечь кусты тяжелыми косырями. Гридя с Прохором ушли валить крупный лес. Кондратий наказал им, чтобы оставляли десятивершковые пни, а сам повел старого Сюзя в дальний угол лядины.

Там стояла сосна в три обхвата. Он заметил ее еще зимой.

Старый Сюзь обошел сосну и поднял топор.

Кондратий засмеялся:

— Рубить налачился? День топорами с тобой промашем, не свалим.

— Пера прибежит, Рус.

— И он не сладит с этакой-то! Ты гляди. У тебя на лядине тоже такая пожум есть.

Кондратий вырубил дольный паз, просунул топор и стал отдиравать сосновую кору. Она отдиралась легко, как лыко с лубка.

Старый Сюзь покачал головой, попробовал пальцем острие подсечного чера и тоже стал вырубать с другой стороны сосны паз в два локтя.

— Тятя!

Кондратий оглянулся, увидел простоволосую Устю. Она бежала к нему по густо заросшей лядине и кричала:

— Ивашку, тять! Ивашку убили поганые!

Кондратий рванул топор. На блестящем топоре атели капельки соснового сока. Он вытер клейкий сок о штаны...

— Пожум-орт! Пожум-орт! — запричитал старый Сюзь, пятясь от сосны, как от медведя. По ихнему, по-ултырски, у иной сосны тоже людская душа. Срубишь такую, как человека убьешь.

Кондратий пошел по лядине к березам. Старый Сюзь кричал ему, поминая Йолу и хозяина леса Ворса-морта. «Эх, Ивашка, Ивашка! — думал Кондратий. — Не долго ты прожил...» Вспорхнули рябки из-под ног и скрылись. Желтобокые трясогузки верещали и кружились над ним, плакал коршун, как малый ребенок.

Кондратий шел тяжело, давил зеленый подлесок, заминался за корни и валежины.

Устя брела за ним и выла:

— Изведут нас поганые! Изведут!

Ивашка лежал под березой. Кондратий опустился на

колени, повернул сына на брюхо, содрал с раненой шеи тряпицу.

— Возьми, Рус! — Пера отдал Кондратию костяной наконечник стрелы. — Шаман стрелял.

• МЕЧ ОРЛАЯ

— Проклятый раб, сын росомахи! — ворчал Золта. Он считал лошадей, насчитал три десятка, три больших реза нанес концом ножа на бересте, а проклятый раб, сын росомахи, испортил счет — считанные и несчитанные лошади опять собрались в один табун. Золта боялся оставлять несосчитанных лошадей. Растеряет раб кобылиц — а как с него спросишь? Ругал он раба, а сам думал — ждут в пауле белых кобылиц. Брат его, князь Юрган, прощается с родом. Женщины уже выкололи на плече князя птицу вурсик, и скоро священная птица понесет в клюве душу князя Юргана в страну мрака. Шаман Лисня каркает в уши брату: «Раздай, князь, богатства свои у большого костра по обычаю предков...»

Золта решил перехитрить раба, поднял над головой лоскут березы и закричал:

— Гляди, сын росомахи! Я знаю всех лошадей в табуне! Всех кобылиц молодых, всех кобылиц старых.

Молодой конь плясал под ним и гнул потную шею к земле. Золта огрел его плетью и повернул к лесу.

Две белые кобылицы стояли под черемухой у самой тропы, и негромко ласково ржали. Не слезая с коня, Золта отвязал их и погнал к паулю.

Кобылицы бежали неровно: хватали траву, сбивались с хода. Он кричал на них, но хлестать плетью боялся — белых кобылиц выбирал шаман, они отмечены знаком рода.

Лес становился все глуше, темнее. Широколапые елки закрыли небо. Заросшая мелким вязовником узкая тропа

ползла среди старого леса, будто сытая змея. На толстых сучьях висели зеленоватые борода. Золта боялся их, качался в седле туда-сюда, как шаман Лисня перед очагом-чувалом, и ругал кобылиц.

Вдруг взревел за спиной Мойпер, хозяин урочища. Ожил, зашумел мертвый лес. Закаркали вороны. Кобылицы, мелькнув, скрылись за поворотом. Его конь испуганно заржал и рванулся за ними.

Обезумевшие кони неслись, как духи. Кони чуяли беду... Прижавшись щекой к теплой шее коня, Золта слушал стук копыт о крепкие корни и уговаривал Нуми-Торума не губить его. «Буду, буду, великий, мазать рыло тебе горячей кровью», — обещал он богу. Бог больно хлестнул его по ноге, и тропа стала шире. Конь вынес его к речке. Кобылицы перемахнули неширокую и быструю Сюзь-ю и понеслись в гору. На горе их ждали молодые охотники с ременными арканами.

Когда Золта поднялся в гору и заехал в пауль, белых кобылиц уже увели.

Он ехал мимо пустующих зимних юрт и думал, что и ему надо переходить в летний чум. Он построил его еще в месяц налима, но перейти не успел — к брату Юргану подкралась хворь.

Над его юртой курился дымок, пахло рыбой. Он слез с коня, к нему бросились собаки, рыба чешуя блестела на собачьих мордах.

По узкому и темному лазу Золта спустился в юрту.

У чувала сидели женщины. Они выбирали из корзин жирную белую рыбу, складывали ее в большие горшки и пели:

Перед мужем чуманы расставляю
И скажу старшему своему:
«Богатырь мой, лось быстроногий,
Для тебя я чуманы сделала —
Для буйного молока узкогорлые,
Для рыбьего жира широкие...»

Золта толкнул в спину жену. Она отползла, освободив ему место перед огнем. Он поел кислой рыбы и вареной травы, снял старую малицу, надел праздничную и опоясался длинным болгарским мечом. С непривычки давили железные нагрудники, меч бил его по ногам. Он кое-как вылез из юрты и, хромя, пошел к брату.

Перед деревянной юртой князя шумели, потрясая оружием, молодые пастухи и охотники.

— Сожжем гнездо Руса! — кричали они.

Он поглядел на них, проворчал:

— Кони чуяли беду... — и, подняв тяжелую медвежью шкуру, залез в юрту.

Брат в кожаной малице сидел у чувала, глядел на догорающие угли.

Орлай, любимый сын князя, бегал по юрте и кричал:

— Сожжем гнездо Руса! Вытопчем поля, уведем женщин!

Брат молчал. Наверное, думал, что много мужчин в большом роде и молодых и старых. Но мало мудрых.

Желая здоровья брату, Золта потерял носом о его колючую щеку и сел рядом, на мягкую шкуру.

Они долго сидели молча — седые, старые, глядели на умирающий огонь и думали.

— Утром сын Руса был в капище, — сказал князь.

Золта промолчал, погладил большую ногу и подумал, что опять бог шамана Лисни ошибся: сын Руса был в капище, а великий Нуми-Торум хлестнул суком его.

Орлай присел перед ними, положив меч на колени.

— Уйдет зверь, уйдет рыба, — заговорил он, — наши кобылицы не дадут молока. Великий Нуми-Торум сердится, Великий и Невидимый хочет крови. Так сказал шаман Лисня. Шаман велит идти в гнездо Руса. — Орлай злился, не сиделось ему на мягкой шкуре. — В нашем роду есть воины, отец! — кричал он и бегал по юрте, потрясая мечом.

Князь вздохнул.

— Меч у воина, как мозоль у старика, — сказал он сы-

ну. — Есть мечи, Орлай, и у братьев Кондратия Руса. Крепкие мечи у них, и крепкие руки.

Золта слушал брата, крихтел, думал. Кондратий Рус спас его: в темный месяц метелей приволок на лыжах в свою деревянную юрту и накормил мясом.

— Не бойся братьев Руса, отец! — кричал Орлай. — Князь Асыка воин! Князь Асыка нам брат и сородич! Шаман Лисня послал к нему своего раба.

— Шаман Лисня из рода узкогрудых, — сказал сыну Юрган. — Князь Асыка, как ветер: сегодня он здесь, а прошла ночь, его уже нет. Где стояли чумы князя, осталась зола. А наши юрты вросли в землю, как старые ели. Я тоже был молодой, Орлай, как и ты, не расставался с болгарским мечом. Ночью я клал его под голову... Однажды мы поспорили на Шабирь-озере с соседями из большого ултыра. Мы не хотели делиться с ними рыбой, мы называли озеро «нашим». Я собрал два десятка молодых воинов. У родового костра мы поклялись сжечь земляные юрты ултырян, угнать скот и молодых женщин. Я поднял меч, в знак верности клятве хотел рассеять огонь родового костра. «Ты молод и храбр, сын мой, — сказал мне тогда отец, — ты чтить великого бога предков, но ты забыл о матери. Она из большого ултыра». Я ушел от большого костра с отцом. Мы шли долго. Тайные лесные тропы уводили нас все дальше и дальше от пауля. И только на третий день перед заходом солнца мы подошли к старому городищу. У него не было ворот, гнилые стены осели, рвы заросли. Мы не видели деревянных юрт, мы не видели чумов. Над буйной травой поднималась одна старая лиственница, а под ней сидела каменная старуха Йома. Отец бросил грозной старухе связку беличьих шкурок. Мы спустились в узкую темную нору, прошли семь шагов, задевая локтями землю, и остановились перед лазом в круглую юрту. Посреди юрты в чувале, окованном медью, горел большой огонь. У огня сидел старик. Отец сказал ему, что Шабирь-озеро, пастбища и луга наши. Так говорят молодые воины. Так гово-

рит мой сын! Сидевший у чувала старик поднял руку, приглашая нас к огню. Мы подошли, отец поклонился и положил к ногам его двух кунит...

Старый Юрган сбросил с плеч теплую малицу и поглядел на сына. Орлай съежился и притих. Он не видел таким отца: перед ним сидел не тихий, добрый старик, учивший мужчин плести крепкие сети, ковать для стрел железные наконечники, перед ним сидел воин и князь.

Золта наклонил голову: он-то знал брата.

— Это было давно, Орлай, — заговорил Юрган. — Сорок раз одевалась земля в белую паницу и сорок раз снимала ее в месяц ветров, но я помню, помню каждое слово великого кама соседей. Он говорил нам: «Ваши предки пришли сюда как воины, они жгли наши дома, они убивали наших детей. Они называли нашу землю, землю камов, своей землей, а нашу реку, реку камов, — Голубой и Великой! Они были храбрые воины, они пили горячую кровь белых лошадей и плясали перед большим костром, потрясая оружием...»

Я помню, Орлай, помню: великий кам прыгал перед чувалом в своей темной юрте, хохотал и пел, потрясая луком, песни наших предков. «Грозный отец Огонь, — кричал он, — ты на небе и на земле, ты великий и сильный, ты ненасытный и злой...» Великий кам повалился, я помню, обессиленный на мягкие шкуры и спросил нас: «Где ваши князья-воины, предводители могучих племен? Где высокие, неприступные стены ваших городищ? Где род крепкогрудых? Где красные Караганы? Где непобедимые дзуры, быстрые, как ветер? Где их длинные мечи? Где?»

Мы вышли из юрты великого кама ночью, на нас глядели с черного неба зеленые звезды и смеялись. Звезды видели короткую славу наших предков, дым пожарищ и гибель могучих родов. Северный ветер, сын грозной Йомы, развеял славу наших могучих предков, как желтые листья. Я вернулся в родную юрту, повесил свой меч на деревянную стену и уехал на пастбища. Я доил кобылиц, плел сети

и ловил рыбу в Шабиль-озере вместе с ултырянами, а в месяц туманов купил за пять кобылиц в ултыре Сюзя-филина, по обычаю наших отцов, молодую жену.

Князь Юрган потянулся к кувшину с молоком.

— Рус пришел! — не заходя в юрту, закричал от дверей молодой охотник.

Орлай вскочил и схватился за меч.

— Садись, слушай и думай, — сказал сыну князь Юрган. — Мы не знаем, кто пришел в юрту: гость или враг.

Золта отстегнул от пояса длинный болгарский меч, сунул его под шкуры и стал ждать Руса.

Залез в юрту огромный Пера, младший брат старого Сюзя, за ним Рус.

Они подошли к чувалу. Рус пожелал здоровья всем — сказал «пайся» — и положил на шкуры широкий железный топор.

Не глядя на подарок, князь Юрган ответил ему:

— Ось ёмас, Рус, здравствуй!

Рядом с Русом встал Пера и начал говорить, что хозяин гнезда, Кондратий Рус, хочет быть другом князю Юргану, он чтит обычаи и веру его народа, и никогда не будет врагом ни в помыслах, ни в делах.

Князь Юрган сказал:

— Хорошие слова говорит хозяин гнезда Кондратий Рус. Но в нашем святилище был его сын!

— Вина его сына — его вина. Хозяин большого гнезда Кондратий Рус просит у тебя прощения, князь!

— Скажи Русу: я не молюсь каменной Йоме, грозному богу соседей, я не отдаю десятую часть добычи их великому каму-шаману. Рядом, скажи, мой сын Орлай. Я не пошлю его грабить святилище соседей, пойдет сам — я не назову его больше сыном! Клянусь великим Нуми.

Пера пересказывал Русу слова князя Юргана. А Золта разглядывал своего спасителя. Не постарел Рус, не потерял силу — высокий и прямой, как сосна, только длинная борода пожелтела, подпалил, видно, он ее на костре.

— Сын Кондратия Руса ранен шаманской стрелой. — Пера взял у Руса костяной наконечник и показал князю. — У шамана Лисни такие стрелы, ты знаешь. Сын Руса умрет.

Рус начал говорить. Золта понял его слова так: умрет сын, пусть умрет и обида.

— Янысь! — сказал князь, вставая. — Скажи, Пера: я верю хозяину большого гнезда, он друг, рума. — Князь отстегнул от широкого кожаного пояса кривой охотничий нож и протянул его гостю.

— Возьми, Рус!

Золта нащупал под шкурами длинный болгарский меч, вытащил его, кряхтя, поднялся и сказал Русу:

— Я стар, болезни едят мое тело. Этот меч тяжел для меня.

Рус принял его подарок, поклонился сначала князю, потом ему и вышел из юрты.

— Ось ёмас улум! — попрощался Пера и пошел за ним.

Князь Юрган стоял над чувалом, бросал пахучий вереск на красные угли.

Орлай бегал туда-сюда по юрте и кричал, что великий Нуми-Торум хочет крови.

— Чужая рана не болит, — ворчал Золта. — Шаман Лисня хочет крови соседей, а не Нуми-Торум.

Золта сел, завернул в теплую шкуру большую ногу и стал думать. Рус спас его в месяц метелей и накормил мясом, он подарил Русу болгарский меч, крепкий и острый, как жало осы.

— Возьми мой меч, отец! — кричал Орлай. — Мы не воины! Мы старухи!

Князь Юрган подошел к сыну, положил на плечи ему руку.

— Тэхом, слушай! — сказал он. — Я, князь и старейшина рода, велю тебе: догони раба шамана Лисни и убей его! Я брошу голову раба на красный ковер и раздам

богатства свои, по обычаю предков, у большого костра. Спеши, Орлай! Великая мать-земля Колтысь-ими не хочет крови соседей.

• КОЛДУНЬЯ

Ивашка не умер. Прохор принес его из лесу на руках, положил на лавку в передний угол. Увидела Татьяна своего молодшенького без кровинки в лице, пала перед ним, как подрубленная, и запричитала: «Охти мне да тошнехонько, охти мне да больнехонько! Уж как сяду я, многобедушка, к своему сыну молодшенькому, к соколику златокрылому, ко его телу ко блеклому, как повывою обидушку да повыскажу кручинушку! Как у меня, многобедушки, три полюшка кручинушки посеяно, три полюшка обидушки насажено. Знаю я, многобедушка, не пришла к тебе, рожано дитяtko, не пришла бы к тебе холодная, кабы жили на родной сторонушке, по закону христианскому...»

Зашла в избу старая Окинъ. Она принесла жив-траву, но Татьяна не подпустила ее к сыну.

— Загниет рана-то, — сказал матери Прохор.

Она заревела:

— Погубили нехристи молодшенького! Погубили!

Кондратий взял траву у старой Окинъ, оттолкнул жену, развязал тряпицу на шее Ивашки и велел Усте промыть рану водой.

Прохор опоясался мечом, снял со стены большой лук и вышел из избы. День еще, солнышко светит, а все одно боязно. На Гридю какая надежа! Спит, поди, в елушках, неторопь.

Прохор спустился в лог, перебрел речку. Лошади лежали в траве, как неживые. Он прошел мимо, ни одна и башку не подняла — сморила жара лошадей. Вот и засека. Прохор негромко свистнул.

Из ельника выполз Гридя, приставил ему к брюху рогатину и заорал:

— Живота или смерти?

— Не балуй.

Гридя убрал рогатину и стал жаловаться, что замаяли его мухи и спасу от них нет.

— Пить-то принес? — спросил он Прохора.

— Принес.

В нагрешшемся за день ельнике душно, жарко, зато шаманская тропа как на ладони — мышь пробежит, и ту увидишь.

— Слышь, Проша!

— Ну!

— Пошто мы от оштяков Юргана стерегемся?

— Ивашка к ним в кумирницу лазил.

— Вот дурья башка! Ушкуем его тятка прозвал. Ушкой и есть, чистый разбойник! Спалят нас оштяки.

— Нишкни! Тятка идет.

Кондратий шагал не один, Пера был с ним. Они остановились за елушником, на шаманской тропе, и стали оглядываться. «Нас смекают», — догадался Прохор и вылез к ним на тропу.

— Гридю домой посылай, — сказал Кондратий Прохору. — Тут он?

— Тутока, тятя! — отозвался Гридя, вылезая из елушника.

Увидев лохматого караульщика, босого, в тяжелой железной кольчуге, Пера засмеялся.

— Разобрало тебя, нехрестя, — заругался Гридя. — Вырос больше сохатого и ржешь!

Кондратий отправил его домой и наказал — ворота держать на крепком запоре.

Ушел Гридя, ушли послы. Прохор остался один, поглядел на высокое еще солнце и полез в елушник. Лежал в теплом елушнике, думал, что до юргановых юрт версты полторы, будто и рядом, а сверни с шаманской тропы —

ступишь шаг и погнешь. Лес сырой, дремучий, лога крутые, глубокие. Старый Сюзь зовет это место урочищем лешего, Ворса-морта, по-ихнему. А тятка не взял ни меча, ни рогатины. Видно, Пера отговорил. Да и то сказать — в гости с мечом или рогатиной не ходят...

Морит от жары, глаза слипаются. Прохор кусал руку, чтобы не уснуть ненароком, тряс головой. Жарко, дремотно. Палит солнце, выжимает серу из елушника, к дождю такое тепло, к петровским грозам. От елушек шаманская тропа бежит саженей десять посреди берез. Прохор стал считать белоногие. Учил его счету тятка, еще на Устюжине, когда за великим князем жили. Много лет прошло, а Прохор не забыл. Посадил на землю удельный князь Юрий своего холопа Епишку. Набежали княжеские доводчики. Скот, кричат тятке, твой, изба твоя, а земля по грамоте княжеская, он ей господарь и володетель...

Показалось Прохору, будто птица мелькнула. Придавил он локтями траву, поднял лук и стал вглядываться. Притаился кто-то за березой, стоит. «Пока на тропу не выйдет, стрелять не стану, — решил Прохор и ахнул: — Господи, девка!»

В красной рубахе, без платка, шла по тропе к нему черноволосая юрганка. Вот беда-то! И показаться нельзя и пропустить боязно. Он покачал елушки — может, испугается, убежит. Но черноволосая не испугалась, сказала «пайся» и протянула в его сторону кувшинчик. Он понял: здороваётся с ним черноволосая, надо вылезать, все едино заметила.

Прохор вышел к ней на тропу.

— Ну, чего ты! Беспонятная...

Она улыбнулась ему и затараторила. Он стоял перед ней, грузный и большой, как медведь, слушал, но разобрать ничего не мог:

— Эх ты, травинка! Заблудилась, натьто.

Она совала ему в руки глиняный кувшинчик.

— Ивашка! Рума Ивашка...

Понял Прохор, взял у нее кувшинчик и хотел погладить черноволосую. Но она убежала.

Вечереть начало, почернели елки, холодная сырость выползла из логов. Вернулся Кондратий с подарками. Прохор рассказал ему про черноволосую юрганку и показал кувшинчик с томленной травой.

Кондратий подержал глиняный кувшинчик в руках, отдал его Прохору и сказал:

— Майта, дочка Юргана была.

Они выбрались из елушника и пошли рядом. Прохор не расспрашивал отца, ждал — все одно не удержится тятка, расскажет.

Перешли речку по жердям. Кондратий сел на срубленную осину.

— Посидим, Проша, поглядим на зарю закатную. Отдал мне князь, как водится, по-соседски. Но слова его подарка лучше. Много, говорит, серебра — мало друзей. Так плохо. Мало серебра — много друзей. Так хорошо. Запомни мое слово, Прохор, нам с юрганами нечего делить. Они люди, и мы люди. Боги у нас разные, а жизнь одна. Станем друг другу пакостить — не выживем! Лес задавит, голод убьет... А Майту я знаю, ветер девка и добрая, из юргановской породы.

Отец встал, пошел в гору, к воротам. Прохор шел за ним и думал: не зря, видно, говорится, что дитяtko криво, да родителям мило. Уж нашто Ивашка разбойник, сколь от него хлопот и горя натерпелись, а тятка жалеет. Думку держал, хотел его на юрганке черноволосой женить. Этакова-то ушкуя на травинке.

Они долго стучали в закрытые ворота. Гридя не отзывался.

— Уснул, леший! Лезь, подсажу.

Прохор поглядел на бревенчатый заплот в две сажени, поставил кувшинчик в траву, поллевал на руки. Но лезть ему не пришлось. Гридя подошел, открыл ворота.

Татьяна сидела одна в избе, шептала над сыном:

— ...красная девица бьет, обороняет, боль отлучает и бросает на мхи, на болота...

— Устя где? — спросил Кондратий жену.

Она не поняла или не услышала, ответила невпопад, про Ивашку.

— С Параськой она, — сказал Гридя. — Кожи они мнут на ручье, за конюшней.

Кондратий взял у Прохора оштяцкий кувшиничек, налил в кружку черный настой из весенней травы.

— Помоги, мать.

Она не стала спрашивать, кто траву томил, видно, поумнела от горя, напоила Ивашку оштяцкой травой, обняла мужа и заревела.

Кондратий гладил ее по спине и уговаривал:

— Не реви, бог милостив! Встанет Ивашка на ноги.

Ночь выдалась ветреная, с дождем. Пришлось опустить волоки на окна и притворить дверь. Прохор не ушел с Гридей спать на овин, остался в избе, лег с отцом на полу. Да так и не уснул всю ночь: в избе духота смертная, а на воле леший разыгрался, бьется о стены, на крыше с лешачихой пляшет. Прохор и молитвой пугал бесноватого, и Татьянину икону ставил к дверям. Еле утра дождался.

Татьяна спала сидя, на лавке. Ивашка негромко стонал.

Прохор наклонился над ним — темно, лица не видать, но вроде ожил парень, дышит спокойно, не бормочет, не мечется. Напил его Прохор, разбудил мать и пошел к лошадям. Застоялись они в конюшне, пора на волю. С юрганами мир и согласие, бояться нечего.

Он прогнал лошадей за речку, дошел до засеки. Елушки хохлились, как курицы, мокрые березы поникли, будто затосковали. День начинался пасмурный, сырой. Из темного леса хвоей тянуло и палым листом. Он потоптался в мокрой траве у засеки, вымок чуть не до пояса и побрел домой. Тятка собирался с мережами на Юг-речку. Все равно, говорит, косить еще рано, трава не выстоялась, дня два-три можно и порыбачить.

Кондратий с острой встретил его у ворот и сказал, что мезжить с ним пойдет Гридя.

— А ты к засеке наведайся. Кувшинчик отдашь Майте. Прибежит она, думаю.

— Морды я поставил на плесе.

— Доглядим.

Небо серое, мягкое. Не поймешь — то ли утро, то ли дня середина. Стоит Прохор один посреди двора, думает: идти каменку заново класть или к засеке наведаться? Вышли с туесками девки, по ягоды собрались. Параська веревкой опоясалась, по пути веников наломают.

Устя из ворот — и за песню:

Не по-летнему
Солнышко греет —
Не всех красное
Обогрело.
Одною меня, бедную,
Ознобило...

Слушает Прохор — баско поет Устя, о молодом Юргане тоскует, да разве мать уломаешь. Нехристь, дескать, он, в избу не пушу оштыка поганого. И Устя за ней балабонит. А чем оштыки хуже?

Люди как люди, черноволосая еще побассей Усти будет. Травинка...

Не заметил Прохор, как под гору спустился, как речку перешел. Хлестнули его по лицу мокрые елки, огляделся — засека. Продрался он сквозь елушник, приволок на тропу сушину, посидел на ней и домой отправился, каменку ладить. Шел не спеша, о Майте думал. Поклониться бы князю Юргану дорогим подарком, выпросить дочь. Жили бы они с Майтой душа в душу, ребят растили. Вспомнил Прохор и родную деревню, и родную избу на крутом берегу Сухоны. За избой, на широкой лужайке, собирались девки по праздникам — хороводы водить, Ярилу краснолобого славить. Одна приглянулась ему, да увел их тятка из родных мест.

Уходили из родной Устюжины ранней весной, в логах еще снег лежал, а пришли в пармские леса в конце лета, уж трава начала жухнуть. За неделю землянку вырыли, печку сложили, галешник был под рукой. Кое-как промаялись зиму: хлеб кончился в просинец-месяц, но мяса было вдосталь — сохатые в урочище зимовали. С весны до поздней осени, Прохор помнил, рубили лес. Двор обнесли крепким заплотом от воровских людей. Пять зим ютились в землянке, жили посреди темного леса, как медведи в берлоге. На шестую зиму перешли в избу, поставили добрую, из кондового леса на сухом месте. А землянку баней стали звать.

Думы думами, а работа тоже не ждет.

Развалил он каменку, сходил к речке за окатышами, две плахи приволок, поставил их на зольном полу ребром и начал класть. Сперва крупные голыши подбирал, потом помельче, окатыши сверху, для жару.

Темно стало в землянке. Спихватился Прохор, кинулся в избу за оштяцким кувшинчиком. Беда — уйдет юрганка, не дождется его.

• ЦЕНА ГОЛОВЫ

Старый Сюзь жил долго. Он видел, как росли и старились его сыновья. Он видел, как рождались и как умирали люди. У него сохла кожа, слабели руки, но ум оставался молодым. Старый Сюзь отдавал князю куньи меха, но не князь всей Нижней земли, а он был хозяином своего ултыра, он зажигал огонь в зимнем очаге, посылал сыновей лесовать, учил внуков, наказывал женщин.

Но вчера старый Сюзь «потерял след». Вчера подошел к нему младший брат Пера, любимый брат и добрый охотник.

Старый Сюзь собирался к Кондратию Русу с подарка-

ми, хотел выпросить у него ячмень-зерно и засеять дальнюю кулигу.

— Я не пойду в ултыр Низя за девкой, — сказал Пера. — Вета моей женой будет, большой отец, Вета!

Старый Сюзь сказал ему: нельзя нарушать обычай отцов, нельзя брать жену в своем ултыре.

— Я знаю, — кричал Пера, — нельзя бить кунцу в пору тепла, худой мех у нее. Я знаю, нельзя бить лосей в урочище Ворса-морта весной. Они уйдут из нашего леса. Но я не знаю, большой отец, зачем мне покупать жену в ултыре Низя, а Вету продавать чужому охотнику!

Старый Сюзь замахнулся на него батоном. Пера ушел в дальний угол керки и стал ругать обычан отцов. Его слушали сородичи, слушали женщины, слушали дети. Старый Сюзь не мог уснуть. Долгой и темной показалась ему летняя ночь. Раньше он не боялся смерти. Раньше он думал, что Пера станет хозяином ултыра. Но Йома отняла разум у брата. Кто будет разжигать живой огонь, платить дань князю Нижней земли, учить молодых? Скоро руки его устанут, он закроет глаза и вернется к предкам...

Утром он хотел еще поговорить с братом, но Пера ушел из ултыра, ночью ушел.

«Надо идти к великому каму», — решил старый Сюзь. Он снял со стены пестерь, набил его соболиными мехами и позвал жену.

Она подошла.

— Пусть мужчины идут на Шабирь-озеро, женщины в лес, — сказал он.

— И девок и парней пошлю, большой отец, — шептала беззубая Окинъ. Ей жалко было меха. Но перечить хозяйну ултыра она не смела.

Старый Сюзь ушел из дому вечером. Солнце садилось. В лесу было душно и сухо.

Ночь он просидел в яме, закрывшись от комаров пестрядным юром. Утром вылез на тропу и не узнал ее. Она вся заросла мелким лесом. Он шел и думал: заругается

кам, забыли, скажет, дорогу в Матыныб-кар, забыли Йому, хозяйку земли.

— Не сердись, мудрый кам, — шептал, оправдываясь, старик. — Я принес грозной хозяйке связку зимних соболей. Возьми их и научи меня, потерявшего след.

Старик наткнулся на густые колючие елки, огляделся — лес кругом. Пропала тропа, как растаяла. Много троп бежит к Матыныб-городищу, и все они тонут в болоте, чтобы злой человек не нашел гнездо кама. Злой человек погибнет в болоте. А старый Сюзь даже ноги не промочил, вышел на сухое место, поднялся по крутому боку Матыныб-городища и увидел священную лиственницу. Под ней сидела каменная Йома с двумя ребятами. Он поклонился грозной старухе, выплюнул в горсть изо рта круглую болгарскую серебрушку и бросил ее в жертвенную чашку. Чашка стояла на коленях у Йомы.

Кам сидел у землянки на еловом чурбаке и следил за ним.

Старый Сюзь подошел к нему, снял со спины пестерь, достал соболиные меха, положил их на траву перед камом и сказал:

— Пера хочет брать жену в своем ултыре!

— Ты, Сюзь, — филин! — Кам взял шкурку годовалого соболя, мял, разглядывал. — Худой капкан у тебя, Сюзь, портит мех. Нельзя посылать такие меха в Искар.

— Я принес тебе вязку зимних соболей, — сказал старый Сюзь. — У тебя в руках один.

Из землянки выполз раб кама и унес соболей.

— Худое солнце, худые меха, худые люди, — ворчал кам, вставая. — Пойдем, Сюзь, спросим Йому.

Кам повел его по узенькой тропе. Она бежала среди высокой травы и переспелых пиканов.

Они дошли, сели на примятую траву под священную лиственницу. Каменная Йома глядела на них сердито. У старого Сюзя замерзла спина, он съежился, закрыл глаза и хотел отползти.

— Сиди! Я не буду поить теплой кровью Йому, я не буду плясать перед ней, выгонять душу из тела и посылать душу-птицу в страну отцов. Я буду вспоминать, ты будешь слушать. Это было давно, еще дети наших отцов не родились, еще солнце было горячим, а люди не разбрелись по земле, как вши по меховой рубахе. Мы жили родами, чтити обычаи предков, боялись грозную Йому и любили Ена, доброго синего бога. Тогда камы были старейшинами родов. Они выбирали князя войны, когда враги стучались в ворота городищ. Они выбирали князя лесных угодий, когда наступила пора мира. Мы не знали горя, пока на нашу землю, на землю камов, не пришли из степей черноволосые угры. Они жгли наши городища, убивали мужчин, уводили женщин. Камы выбрали князя войны, но он не стал воевать с пришельцами, ушел на север, увел молодых и сильных. Слабые и старые разбрелись по лесам, и с той поры нас стали называть пармеками, лесными людьми. Мы вырыли землянки в лесных урочищах, молились грозной Йоме и ждали. Черноволосые пришельцы жили, как дети: чтити храбрых и сильных, плясали у больших костров и смеялись над своими шаманами. Они забыли священные обычаи предков и растаяли, как весенний снег. Отец моего отца рассказывал мне, как поднимался дым над Матыныб-каром, как жгли свои деревянные юрты длинноволосые угры, уходя с нашей земли. Отец моего отца, мудрый кам и старейшина, пришел сюда и заставил рабов рыть теплые коли-землянки, с узкими потайными ходами. Он собрал больших отцов и сказал им: «Храните обычаи предков, чтите камов! Кто нарушит обычай отцов — изгоняйте!» Так сказал отец моего отца, мудрый кам и старейшина. Ты понял меня, хозяин ултыра?

Старый Сюзь ушел от кама, спустился по крутому боку Матыныб-городища к болоту, перешел его, вышел на тропу. Он шел и думал: «Пера лучший охотник в ултыре и друг князя Юргана, Пера сильный, он не боится старости, его ум всегда будет молодым...»

Домой он пришел утром. Женщины еще не ушли в лес. Матери кормили маленьких ребят, старая Окинь выгребала золу из каменной печки, подростки и девки ползали под нарами, искали чулки и лапти. У дверей копошились ребята, делили слепых щенков. Старый Сюзь послал их на Шабиль-озеро звать отцов на большой совет ултыра.

Вечером собрались все, кроме младшего брата. Он нарушил обычай отцов и стал одиноким, как волк, отбившийся от стада.

Старый Сюзь сам зажег дзуркби — живой огонь в каменной печке, сел на высокую березовую чурку, поглядел на своих братьев, сыновей, внуков и сказал:

— Я был у кама! Я отнес ему наши меха.

Братья, сыновья и внуки старого Сюзя сидели вокруг каменного очага, глядели на живой огонь и молчали. Они ждали, что скажет большой отец.

Женщины с ребятами расползлись по дальним углам керки-избы. Притихли. Родная изба большая, от дверей до передней стены сорок шагов, можно и не услышать, что лепечет живой огонь.

— Слушайте все! — сказал старый Сюзь. — Пера хотел нарушить обычай отцов! Он больше вам не брат, не сородич! Если вернется в ултыр, ему смерть!

Мужчины молчали. В месяц метелей Пера караулил лосей в урочище Ворса-морта, в месяц холодного ветра ловил рыбу на Шабиль-озере. Он не боялся Войпеля. Он пел веселые песни, когда Йома бесилась и выла, посылая на землю огонь и ветер. Йома рассердилась на охотника, отняла у него разум, и Пера хотел нарушить священный обычай отцов. Горе тому, кто согреть его у своего костра! Горе тому, кто накормит его.

Завыли женщины, заревели ребята. Старая Окинь кричала: «Он не наш! Он не наш!» Она ворошила на нарах овчины, искала пояс изгнанного сородича, чтобы бросить пояс в огонь.

Старый Сюзь ушел спать в амбар. Женщины еще долго

выли в большой керке-избе, кормили пахучим вереском живой огонь, просили Йому не мучить их хворью за вину сородича.

Утром старый Сюзь повел сыновей, внуков, баб с ребятами на луга, косить сочную траву. Из лета в лето ставил он два десятка копен черного сена. За зиму скот тощал, валялся с пог. Лошадей приходилось выгонять из землянок-конюшен еще по снегу. А этой весной отдал он, по совету Кондратия Руса, двух лошадей в ултыр Низя за две косы-горбуши. В это лето он поставит четыре десятка копен и, как Рус, смечет зеленое сено в зароды.

Старый Сюзь привел сородичей на тихую Юг-речку, велел парням строить берестяные шалаши, взял у старшей внучки косу-горбушу и начал косить. Вздрогнув, ложилась по обе стороны от него сырая трава. Он не торопился, оставлял за собой гладкую широкую тропу. За спиной галдели ребята. Они искали сладкие соты потревоженных медуниц. Медуницы жалили их, ребята орали, как раненные стрелой ушканы. Но он не оглядывался, он звонко сек, отбрасывал тяжелую траву и радовался, что есть еще сила в руках у него.

Старый Сюзь остановился перед березником, на другом конце луговины, выпрямился, вытер мокрое жало косы и пошел по скошенному обратно. Он дошел до середины, встал спиной к Юг-речке и начал поперечный прокос. Свистела горбуша, валялась по обе стороны подрезанная трава. Он ни разу не отдохнул, пока не прошел крест-накрест всю луговину.

Кончив прокосы, он пошел к парням. Они уже нарубили жерди, поставили их костром, связав концы лыком, и ждали девок с берестом.

Старый Сюзь сказал парням, что уходит домой, велел им жить на Юг-речке, скосить в четыре горбуши луговину, сгрести куранами подкошенное сено и скласть в кучи-копны. Сам поднялся вверх по Юг-речке на луга Кондратия Руса. Но не застал его. Рус выкосил раньше свою луговину,

оставил сохнуть подкошенную траву и увел семью на другие покосы, в лога.

Старый Сюзь стоял на покосе другодеревенца и думал: ячень-зерно надо и домой в ултыр надо. По какой тропе идти? Он вспомнил про силковый путик в осиннике и пошел по нему в гору.

Силки на путике-туе пустые — то ли туй он выбрал худой, то ли птица еще не поднялась в осинники. С туя он перешел на большую тропу, спустился в лог и увидел своих коров. Пас их Туанко. Он рассказал ему, что в ултыре гости, Кондратий Рус с сыном.

Старый Сюзь заторопился домой, вылез из лога и напрямик стал пробираться к ултыру.

Он застал гостей. Они сидели на нарах перед потухшим гором. Старая Окинъ в дальнем углу керки шепталась с Ветой.

Он сел на нары рядом с Кондратием Русом и вздохнул: — О-хо! Лося уже мне не умять.

Рус понял его, покачал головой и сказал, что старость не весна, ей один леший радуется.

Старый Сюзь улыбнулся. У Кондратия Руса свои слова, у него свои, а жизнь у обоих одна и старость одна. Рус выходит косить, и он выходит косить. Он знает, и Рус знает: не бросишь в землю ячень-зерно — хлеб не вырастет.

Подошла старая Окинъ. Она напоила гостей вересковым квасом и сказала:

— Рус пришел покупать невесту.

Старый Сюзь велел ей привести внучку. Она ушла, связала лыком Вете руки и вывела ее, как телушку, на середину керки.

— Гляди! — сказал старый Сюзь гостю. — Хорошая девка. Твоему парню жена, тебе работница.

Гость спросил: зачем у Веты берестяной обруч на голове?

— По обычаю отцов, Рус. Невесты носят.

Кондратий Рус разглядывал девку и молчал. Парень

его посмеивался. «Радуется, теленок», — подумал старый Сюзь, не сердясь.

— Вету знаем, — сказал гость. — Бывала она у нас. Говори, какая цена головы, юр-дон, по вашему. Даром ведь не отдашь внуку.

Старый Сюзь назвал цену головы — два мешка ячменя — и стал уговаривать Руса, чтобы он уводил Вету скорей в свое гнездо, не ждал осени.

• МЛАДШИЙ БРАТ СТАРОГО СЮЗЯ

Небо помаленьку меркло, бусели зеленые листья, темнела трава.

Пера лежал в осиннике, ждал ночь. И она пришла, черная, как медвежья шкура. Он вылез на тропу, постоял, поглядел на тусклые звезды и пошел к родному ултыру.

У темной огорода встретили его собаки. Они жались к нему, скулили.

Он перелез, прокрался к керке и сел у раскрытых дверей. Ночью керка казалась еще ниже, только крутая односкатная крыша поднималась над конопляником. Он сидел на перевернутой колоде и думал о Вете, о сородичах. Они спят, а он бродит вокруг родного ултыра, третью ночь бродит.

Кто-то громко закашлял, заскрипели нары. Пера ушел от дверей, залег в траву.

Из керки вышел старый Сюзь с рогатиной. Собаки покрутились у него под ногами и кинулись в траву. Подняв рогатину, старик пошел за ними. Пера отполз к огорода, перемахнул через нее и свалился в яму. Старый Сюзь увидел его, закричал, и сразу ожил ултыр — замелькали серые тени, зачали стрелы по сухим жердям.

Пера выполз из ямы и побежал к лесу, наткнулся на колючий елушник, свернул в лог. Ночь темная, глаз коли — не увидишь, а он бежал, через ямы прыгал, нырял под ши-

роколапые елки. Места родные ему, знакомые, вырос он здесь, каждую ямку знал, каждый кустик.

Логом бежать тяжелее, оплетала ноги осока. Он остановился, но услышал лай собак и заметался, как обложенный зверь. Низом уходить, по открытому месту, сыро. Услышат его сородичи, подстрелят. Он бросился в гору и завяз в густом осиннике, кое-как вылез из лога, прополз шагов двадцать и свалился. Не успел как следует отдохнуть, светать начало. Он вытер волглым мохом горячее лицо, переобулся и пошел напрямик к Юг-речке.

Белело небо. Дрозд-ранник будил птиц. Лес отряхивался, светлел.

Все чаще и чаще попадались сырые травянистые полянки, кривые черемухи, раkitник. Лес расступался, редел. Пера вышел к Круглому омуту и стал спускаться по речке в урочище Ворса-морта.

Речка выбежала на луга. Он перешел ее, поднялся на гору. Внизу чернел большой старый лес. В нем всегда было сумрачно и тихо, его облетали веселые птицы, боялись охотники. Жил в старом лесу брат оштяцкого бога Мойпер, служили ему хитрые росомахи. В голодную зиму Пера бил здесь лосей, кормил сородичей мясом, а весной поставил на краю урочища островерхий чом — шалаш. Подходя к своему чому, Пера вспомнил, что в урочище Ворса-морта приходят умирать старые одинокие волки.

Целый день он провозился с луком, мочил его в ручье, обматывал сыромятным ремнем. В сумерки вышел на охоту, добрался по ручью до Юг-речки, подстрелил двух куликов и вернулся к чому с едой.

Всю ночь ему снилась старая Окинь. Она поила его вересковым сюрюм. Он пил из большого туеска теплый сюр и не мог напиться. Мимо провели Вету, он побежал за ней и завяз в густом, холодном осиннике...

Проснулся он рано, напился в ручье и пошел на Шабирь-озеро. В лесу темно. Серые совы летали неслышно, будто плавали среди черных елок. Не похожи они на птиц.

Старый Сюзь говорил, что это орты — души умерших со-родичей. «Кто нарушит обычай отцов, — говорил он, — душа того после смерти не улетит к предкам, а станет серой ночной птицей».

По сваленной лесине Пера перебрался через Юг-речку и вышел на луга. Солнце уже поднялось, искрилась роса. Он брел по мокрой траве к березам и думал: просить надо у князя Юргана лодку-камень. Без оштяцкой камни рыбу из озера не достанешь. Шабиль-озеро хитрое. С одной стороны широкая отмель — какая на ней рыба! А с другой — болото топкое, не подойдешь.

Он спустился от берез к Шабиль-озеру и увидел двух оштяков на лодке — старика и молодого парыча. Молодой стоял на коленях, с гребком, а старик возился с сетью. Приглядевшись, Пера узнал обоих: рыбачил Золта с сыном.

Нагруженная рыбой оштяцкая камень шла тяжело и шагах в десяти от берега застряла на отмели. Рыбаки вылезли и взялись за камень.

Пера зашел в воду и помог им подтащить камень к берегу.

— Нога у меня болит, — сказал Золта, вылезая из воды. Он сел на песок и заохал.

Парыч стал выбирать из камня рыбу. Пера хотел помочь, но старик усадил его рядом с собой и стал рассказывать, как в первый месяц зеленой травой он гнал кобылиц в пауль, как хозяин испугал лошадей и больно хлестнул его суком по ноге.

— В месяц налима я не отдал хозяину леса первую убитую птицу. Хозяин леса на меня рассердился.

Пера спросил о здоровье князя.

— Князь Юрган друг тебе. И старому Сюзю он друг. Молодая жена князя из вашего ултыра.

— Князь примет меня? — спросил Пера.

Золта не ответил, охая, поднялся, вытащил из куста шест.

— Всю рыбу не выбирай из камыи, — сказал он сыну. — Шаман Лисня придет. — Золта вздохнул. — Худой человек шаман Лисня, но обычай предков нельзя нарушать. Десятую часть добычи предки отдавали шаману.

Золта наломал ивняка, укрыл и взялся за шест.

— Жди шамана, друг Пера. Он возьмет рыбу, ты — камыю!

Они ушли.

Пера натаскал к кострищу сушняка, сходил за берестой. Сняв с шеи кожаный мешочек, он развязал его, достал белый камешек, кусок крепкого железа и трут, высек на трут искру и поджег бересту.

«Золта не хозяин пауля, — думал Пера, раздувая огонь, — надо к князю Юргану идти, князь не откажет».

Солнце поднялось высоко, середина дня скоро. Пера выбрал в оштяцкой камье толстого линия, испек его на углях, разрезал, густо посыпал золой и стал есть. Жирная рыба пахла тинной, казалась пресной. Не зря, видно, старый Сюзь отдавал за маленькое ведерко соли сорок зимних соболей.

Шаман Лисня пришел один, сел к костру и зацкал.

— Цэ, цэ, цээ... Как будешь жить, парыч?

— У меня есть лук и две верши-гымги.

— Цэ, цээ... Выпадет снег, гымга от стужи не спасет. Я знаю, парыч, старый Сюзь прогнал тебя из ултыра. Он хочет продать внучку Русу.

— Я пойду к Юргану. Он рума мне, друг.

— Не ходи к нему, парыч. Он худой. Сын Руса унес священное серебро, обидел бога. А князь принял от Руса подарки и забыл обиду. Ты иди ко мне, парыч. Старый раб у меня умер, а молодого я послал к Асыке. Асыка сожжет гнездо Руса и убьет князя Юргана.

— Врешь, шаман. Асыка не убьет князя-сородича!

— Князь Юрган не сородич Асыке! — кричал Лисня. — Не сородич!

Пера засмеялся, сказал ему, что Юрган и Асыка гово-

рят по-оштяцки и вера у них одна, оштяцкая. Шаман вскочил, заругался, забегал вокруг костра, звеня подвесками.

— Он не верит великому Нуми-Торуму. Он бил меня плетью.

— Не сердись на князя, — уговаривал Пера шамана. — Князь хочет жить в мире с соседями.

Но шаман не слушал его, трясся от злости и кричал:

— Князь Юрган забыл веру, забыл бога и обычаи предков! Он не сжег гнездо Руса! Я спрашивал великого Нуми, что делать с князем-отступником? Смерть ему! Смерть!

Пера встал и пошел по песчаному берегу наверх к берегам. Шаман Лисня кричал ему вслед, ругался и грозил.

• ВОЛЧЬЕ РЕШЕТО

Кондратий ушел из дому рано, по росе. В лесу пахло земляной сыростью и грибами. А на кулиге ветер гулял, спелую рожь давил к земле.

Постоял Кондратий у желтого поля, полюбовался на густую рожь и дальше отправился, в ултыр Сюзя.

С хозяином ултыра он скоро договорился. Солнце еще не успело разгореться как следует, а он уж домой шел. Легко шел, будто молодой, а как увидел с горы свой двор, обнесенный высоким заплотом, и все вспомнил. Рогатина тяжелее стала, на лапти будто глина налипла, на сухой-то дороге, в серпень месяц. Вроде бы грех ему на лето жаловаться: и яровые посеяли вовремя, и с лядиной управились, и сена зеленого поставили шестьдесят копен. Но ведь с самой весны ни единого дня на спокойное не жили! Одна беда проходила, другая наваливалась. Ивашка поправляться начал — с Прохором беда: задумался, затосковал. Татьяна на него и с веника брызгала, и через огонь заставляла прыгать. А Устя хохочет: разрыв-траву, говорит, ему надо пить. Его, говорит, юрганка околдовала.

Татьяна гнала ее из избы и шептала над Прохором: «За морем, за окянном сидит на белом камне девица с палицей железною, раба божьего Прохора обороняет. Уйди, боль-хворь, присуха из крови, из кости, из ретивого сердца...»

— Не шелести, ворожея! — орал с лавки Ивашка на мать. — Спалю я Юргановы юрты! И все тут!

Татьяна бежала к нему, отговаривать от лихого дела молодшенького. Прохор хватал шапку в охапку — и из избы. Они с Гридей слеги перебирали в овине. «Замаяла тебя ворожея!» — смеялся Гридя. «Кому ворожея, а нам с тобой мать», — отвечал ему Прохор и за работу принимался.

За Прохора Кондратий душой не болел, у старшего сына голова на плечах, не корчага. А вот с Ивашкой беда: пока лежнем лежал на лавке, все грозился оштяцкие юрты спалить, на ноги встал — того хуже надумал: пойду, говорит, князю служить.

— Какому? — допытывался Кондратий. — Ултырскому или Асыке? До московских князей отселе не одна тысяча верст.

— И ултырский князь — все едино князь!

— Крест на тебе! Христианский крест, дурень! — кричал на сына Кондратий, а сам думал: может, и лучше так-то, мать учит лаской, а чужие — таской.

Татьяна неделю ревела, да разве дурня уговоришь, заладил одно: не хочу дома робить, хочу мечом князю служить. А того, дурень, не толкует, что князьям потеха ратная, а черным людям — горькие слезы.

— Ну, пусть едет! — решил Кондратий, открывая тяжелые ворота.

Прохор у овина ладил волокуши под ржаные снолы.

— Ивашка где? — спросил его Кондратий.

— Дома, — ответил Прохор. — Лесовать собирается!

— Бросай, пойдем в избу!

Ивашка ел. Татьяна около него топталась, как гостя потчевала.

Усти в избе не было. Парасья в углу толкла в ступе ячмень на заваруху.

Кондратий сел на лавку. Состарилась его Татьяна, худая стала, кожа да кости, а все топчется, за весь день не присядет.

— Ты бы отдохнула, мать, — сказал он.

— Некогда мне расслаживаться! — заругалась она. — Не просеено, не замешено...

Пришел Прохор, сел.

Она увидела их рядом, суровых, притихших, и сказала без ругани, ласково:

— Ивашка лесовать хочет.

— Готовь брашно и питье Ивашке, — сказал ей Кондратий. Все едино не работник. Пусть едет.

Татьяна не заревела, не заругалась, подошла к мужу, спросила:

— Али тебе он не сын?

— Готовь брашно, сказано!

Ивашка отодвинул чашку с едой, перекрестился.

— Завтра отправляйся с богом! — сказал ему Кондратий. — Я не держу.

— А жеребца дашь?

— Жеребца Прохор выкормил. Его жеребец, с ним и толкуй!

— Пусть берет, — сказал Прохор. — Жеребец — лошадь, выкормим еще. Брату отдаю, не чужому.

Ивашка обрадовался, бросился к матери, чуть стол не опрокинул.

— Устю зови! — тормошил он мать. — Не ближний мне путь. Еды, поди, надо немало!

На другой день провожал сына Кондратий, дошел с ним до ултырских шутемов и сказал: «Прощай, Ивашка! Мне отвечать за тебя перед богом и людьми!» Захохотал Ивашка, хлестнул плетью жеребца, и не стало его. Закрыли Ивашку колючие темные елки...

Вернулся Кондратий домой и сказал своим, чтобы го-

товились завтра с утра жать. Девки забежали, ситами застучали, а Татьяна и головы же повернула от икон, стояла в переднем углу на коленях, как приклеенная.

— Я на кулигу схожу, — сказал Кондратий, доставая из-под лавки косырь. — Затянуло тропу вязовником, с волокушей не продерешься.

Татьяна молилась.

Проخور точил на камне серпы.

— Рогатину возьми, — сказал он отцу. — Затемняешь.

Кондратий ушел из дому утром, а до кулиги добрался к вечеру — все с вязовником воевал. Домой пришел за полночь, в избу не пошел, лег спать в овине, с парнями.

Утром, пока собирались, и ултыряне подоспели. Старый Сюзь прислал двух баб, Вету и брата ее, Туанка. На четверых — один серп, чарла, по-ихнему, и три косыря лесорубных. Вету и парня Кондратий оставил, а бабам сказал, чтобы в ултыр шли — пора страдная, и дома работы найдется. У старого Сюзя ржи по гари посеяно мало, зато ячменя десятии пять, а то и больше, да еще овес.

Погода стояла добрая. Кондратий торопил жнецов, поднимал до свету, сам жал с утра до позднего вечера, не разгибаясь.

— Замаялись мы, тятя! — жаловалась Устя. — Силушки нет!

— Дожди, Устенъка, скоро начнутся, — говорил он ей. — Как не успеем!

— Небо-то синющее.

— Ноги, Устенъка, сказывают. Болят ноги, непогодь чувуют.

Татьяна поставила ултырянку с правой руки и глаз с нее не спускала. Кондратий тоже глядел на невестку. Как жнет? Низко ли кланяется до спелой ржи? Торопится старый Сюзь выпихнуть ее из ултыра. Брат-то у ней всем пособить успеет. Вьон парень! Только Кондратий распрямылся, он уже тут, с туеском. Юже, говорит, пей, большой отец. Вета не такая. Ленивой не назовешь, а не увертлива.

Позвали Кондратия к костру, поужинать. Туанко уху сварил.

Ели бойко, жать, видно, не галок считать.

— Не жнешь ты, девка, себя мучаешь! — сказала Татьяна внучке старого Сюзя. — Горсть-то помене захватывай. И помогай серпу, рожь от себя клони. Поняла?

Вета поглядела на брата и пролепетала по-своему.

Туанко засмеялся.

— Чарла у ней худой и жених худой, она говорит!

Татьяна не успела рассердиться. Туанко схватил ултырский серп и сунул ей в руки. Она повертела тупой серп, покачала головой и отдала его Гриде.

— Берись, точи. Жених, прости меня господи!

После паужны Татьяна ушла домой, скотину доглядеть.

Кондратий жал со всеми дотемна, но спать на кулиге не остался, отправился. И Туанко увязался за ним. Шли они рядышком, под ногами мох поскрипывал, вички пощелкивали. Вечер подоспел тихий, ласковый.

Туанко играл на дудке тоскливую песню, и казалось Кондратию, что уж не теплое лето, не серпень месяц, а зима лютая, и сидит он один у потухшей печки, слушает, как ветер воет и рвется к нему в избу.

— Другую песню сыграй! — попросил он парня. — Тоскливая больно.

Совсем темно стало. Не разберешь, где тропа, где лес. И небо уже черное, звездочки нет. Слышал Кондратий маленьким еще сказку: будто живет на краю земли семиголовый зверь, одевается он в тучи черные и по небу ползает, звезды ест. Подавится зверь звездочкой, кашлять начнет, так кашляет, что искры из глаз у него сыплются и слезы льются...

Туанко за рукав потянул Кондратия, спросил: зачем чипсан-дудка тоскливая?

— Не дудка, парень, тоскливая, а душа, — ответил ему Кондратий. — По-вашему, орт, а по-нашему, душа, значит. Понял?

— Понял, большой отец! Душа у дудки-чипсан тоскливая. У березы душа веселая, но чипсан березовый шипит-вершит, петь не хочет.

Смешно Кондратию показалось, но спорить с парнем не стал; по-ихнему — и дудка, и береза, и травинка всякая душу свою имеют. Нехристями Татьяна ругает их, чучканами. А может, и зря. Собрался нынче весной Кондратий молодую березу рубить на бастриг, замахнулся, взглянул ненароком на зеленую и опустил топор. Да и как не опустишь, если стоит перед тобой береза, дрожит вся, будто боится...

У речки Туанко остаться хотел. Ветеля, говорит, переташу, утром рыба из ям пойдет табуном. Может, и пойдет, да побоялся Кондратий оставлять парня одного в лесу в такую ночь.

Ночевали дома. Утром дождь начал накрапывать.

Как думал Кондратий, так и случилось: под дождем и рожь дожинали, и снопы возили домой. С яровыми меньше намаялись: на успенье восток подул, разогнал тучи.

Управились с хлебом, поставили последний сноп из дожинок в передний угол и сели за стол.

Татьяна обычай дедовский не забыла, позвала к столу пращуров:

С нами за стол, деды, садитесь,

Пиво пейте, кашу ешьте.

От злого, недоброго нас оберегайте.

Вспомнил Кондратий отца, родной дом на крутом берегу Сухоны, стукнул кулаком по столешнице.

— Налей, Татьяна!

За лесами густыми, за болотами топкими остались пращуры. Бродят они в праздник дожинок, как сироты, сродников ищут, сыновей, внуков.

Поднялся Кондратий с полной кружкой, оглядел семью, проглотил комок слез и сказал:

— Не сердитесь, пращуры! Без великой нужды дедовские могилы не бросаю!

Прохор понял его, опустил голову, а Гриде смешно — думает, захмелел тятка, разговорился.

Затосковал Кондратий, ушел из избы, по пути овинные ворота открыл настежь — пусть снопы обдует, спустился к речке и сел над омутом. В первое лето, как пришли они из Устюжины, рыбы тут было — хоть ведром черпай. А потом ушла рыба из омута, не стала ждать, когда ее всю вычерпают...

Пятнадцать лет прошло в трудах да заботах, а родную деревню на Устюжине Кондратий никак забыть не может. Поклониться бы тогда князю Юрию, работать на своей земле исполу: сноп себе, сноп князю. Обидно только: земля дедовская, ни скота, ни семян он у князя не брал, а в закупы к нему иди. Не успеешь и оглянуться — холоп княжеский, в своей семье не хозяин.

Подошел Туанко, сел рядом с ним, достал дудку. Заплакала ултырская дудка — ветер так плачет в дремучем лесу, бьется ветер в лесной густерне, вырваться хочет на поля, на луговины. Ветру тоскливо, а человеку, поди, и того горше: леса, болота окрест, и нет им края, нет им конца.

Обнял Кондратий парня, сказал:

— Живи у нас, Туанко! Я хозяину ултыра за тебя мешок ржи увезу!

На другой день Прохор с Гридей в лес ушли, путики ладить, к осенней охоте готовиться. Кондратий дома остался.

— Надумал? — спросил он Туанка.

— Боязно мне, большой отец.

— Чего боязно-то? Надоест у нас жить, в ултыр иди. Я не князь, силой держать не стану!

Туанко молчал.

Кондратий не торопил парня: пусть думает. К концу зимы не сладко в ултыре — хлеба нет, мяса нет. Не только зайцев и собак, всякую поганину едят: соболь попадет в ловушку — еда, горностаи попадет — тоже еда. Но все-таки дома, среди своих...

— А Вету возьмешь? — спросил Туанко.

— Как не возьму! Невеста она Гридина.

Татьяна подошла к ним.

— В ултыр я, к старому Сюзю поеду, — сказал ей Кондратий. Выкуп отвезу. Туанко у нас остается, мать.

Татьяна вдруг ни с того ни с сего заревела: Ивашку, видно, вспомнила.

Пока он ездил, Татьяна баню истопила, вымыла обоих и медные крестики на шею им повесила. Вернулся он из ултыра, а Туанко и Вета за столом уже сидят, как именинники. Татьяна перед ними топчется, учит их, бог, говорит, у нас один, но в трех лицах — бог отец, бог дух святой, бог Иисус Христос.

— А который бог большой? — спросил Туанко. — Я ему кровью рыло намажу, чтобы не сердился.

Татьяна закричала на парня, обозвала нехристом, схватила с божницы икону. Гляди, говорит, какой Христос наш, молись ему, чтоб простил твои грехи, вольныя и невольныя.

— Прости вольныя и невольныя, большой бог, — сказал Туанко, кланяясь иконе.

Татьяна успокоилась и стала рассказывать им, как жил Христос в граде, Назарет именуемом, как пришел он в Иерусалим к фарисеям.

— Схватила его стража ерусалимская по навету Иудиному, повела его стража на мученичество. Распяли бога нашего, гвоздями железными приколотили к кресту.

Туанко слушал и сестре пересказывал по-своему, по-ултырски. Вета улыбалась.

— Ты чего ей такое мелешь! — накинулась Татьяна на парня. — Я про страсти господни толкую, а она хохочет!

Туанко и сам засмеялся.

— Большого бога нельзя гвоздями колотить, она думает.

Татьяна только руками всплеснула.

— Отстань ты от них, — сказал Кондратий жене. — Не майся зря! Поживут у нас, привыкнут!

Татьяна поставила икону на божницу и ушла в кут за печку, квашонку ставить. Стряпала, шептала молитвы.

Кондратий пересел с лавки за стол и сказал Вете, что выкуп старый Сюзь принял.

— Теперь ты моя дочь. Нывка моя. Понимаешь?

— Она понимает, большой отец, — сказал Туанко. — Уста ее научила по-вашему.

— А ты куда собрался на ночь глядя?

— Ветеля трясти. Рыбу принесу, большой отец.

Кондратий пошел с ним на омота. Все едино, надо где-то коротать ночь. В последнее время он плохо спал — тосковал об Ивашке. Сильно тосковал, но виду не показывал, не хотел зря Татьяну расстраивать.

Всю ночь они провозились с ветелями, зато ведра три доброй рыбы достали.

Татьяна у ворот встретила, сказала, что пришли сыновья из лесу.

Кондратий с утра заставил их семенную рожь сушить на ветру, а сам взялся дно подшивать к лукошку. Туанко не отходил от него, расспрашивал. Чудно парню казалось, что большой отец волчью шкуру подшивает к лукошку сыромятными ремнями.

— Будешь хозяином, — учил Кондратий парня, — доспей из волчьей шкуры решето, о тридцати дырах, и сей из него семена, и никто не попортит твоей нивы: ни гнус, ни птица. А если медведь начнет портить ниву, то возьми конскую голову, валяющуюся, и до солнышка, чтобы никто не видел тебя, ткни эту конскую голову зубами кверху среди поля на березовый кол.

— А где твоя гарь, большой отец? За речкой?

— Не по гари, парень, будем сеять нынче.

Кондратий рассказал ему, что на Руси у всякого хозяина три поля: на первом хозяин озимую рожь сев, на втором — ярь, а третье поле под паром лежит, отдыхает.

— Сам видишь, с лесом мне воевать тяжело. У вас в ултыре людей много, старый Сюзь с десятиной леса за три дня справляется. На одну весну он лес рубит, на другую — лес попалит и сеет по гари. Короб высеет — шестьдесят коробов соберет. Хорошо, когда семья пятьдесят человек, большая — ултыр, по-вашему. А мне всякий раз приходится соседям кланяться, то деду твоему, то князю Юргану. Лес рублю весной — кланяюсь: помогите! Осенью срубленный лес по лядине растаскивать надо — опять кланяюсь. Семья-то моя невелика, сам видишь. Лет десять назад вырубил я две десятины леса за малинником, бревна во двор свозил, пни выкорчевал, спыхал. Соху-то мою видел? Ею и пахал. В первый год рожь посеял, на другой — ячмень, а на третий год сеять не стал, пусть, думаю, отдохнет годов восемь земля, силы наберется... Ну, а нынче тот шутем за малинниками под рожь вспашем.

В избу вбежал Прохор.

— Чего ты? — спросил его Кондратий. — За рожь семенную боишься?

— Беда, тять! Орлай убит в нашем лесу...

• МАТВЕЙ, КНЯЗЬ ВЕЛИКОПЕРМСКИЙ

К ночи поднялся сильный ветер.

Ивашка остановил коня под высокой сосной, слез, снял седло, стреножил коня сыромятным ремнем и отпустил пастись, а сам тут же, под сосной, сел ужинать.

Ел он Татьянину стряпню и думал о Майте. Украсть бы девку! А куда с ней денешься! Не сума ведь, к седлу не приторочишь.

Он долго не мог уснуть. Жеребец ходил рядом, фыркал, видно, сердился на жухлую траву. Сон навалился, как домовой, придавил парня, отнял силу. Засыпая, Ивашка увидел вспыхнувшую звезду, белую...

Проснулся он от холода, встал, огляделся. Ветер гулял по лугу. Скрипела старая сосна. Шумел лес, качался. У речки горел большой костер.

Ивашка пристегнул к поясу меч и пошел к костру, но сажени две не дошел, лег, затаился, прижавшись к холодной траве.

У костра сидел ултырский мужик. Придавить бы его, подумал Ивашка. Но уж больно велик, и с мечом, натъто. А как не сдюжу?

Большой мужик навалил на костер сушину, лег, закрылся шкурой.

Ивашка подполз поближе к костру, выдернул нож, прыгнул на спину мужику, но всадить нож не успел. Мужик схватил его за руку, пониже локтя, и подмял под себя. Крепкие, как железо, пальцы сдавили горло. «Конец», — подумал Ивашка, но пальцы разжались, и он увидел над собой соседа-ултырянина. Пера сидел на нем, улыбался, вытирал о траву руки.

— Дай встать-то, медведь! — заругался Ивашка. — Ишь, навалился!

— Убить меня хотел? — спросил его Пера, вставая.

— Дурень ты! Разве я знал! Ночь ведь. Думал, чужой мужик сидит. Может, разбойник!

Ивашка сходил к сосне, захватил в беремя лук с налучником, седло с переметными сумами и приволок к костру.

— Я теперя воин! К вашему князю еду служить. А ты сразу давить! Все вы, ултыряне, без понятия, не зря вас пармеками зовут, лесными людьми.

Пера слушал его, молчал, ворошил палкой костер. Светлые легкие искры поднимались к темному глухому небу.

— Подожди! — спохватился Ивашка. — Я к князю еду, а ты куда собрался?

Пера вздохнул и сказал, что и ему туда же дорога.

— Прогнал меня из ултыра старый Сюзь!

— А коня дал? Без коня ты мне не попутчик!

Пера ушел от костра и лег в яму, закрывшись медвежьей шкурой.

— Спать наладился? — спросил Ивашка.

Пера не ответил ему.

Обругав его нехристом, Ивашка тоже лег, но у костра и с наветренной стороны.

Черное небо медленно опускалось. Огонь слабел, ложился на землю и кусал траву.

Тьма давила костер.

Утром Ивашка бросился искать жеребца, нашел его в логу и повел к костру.

— Иди, ешь со мной, сын Руса, — позвал Пера.

Ивашка привязал коня за куст и сел хлебать ултырскую уху.

Пера ел и рассказывал. Жил он в юрте князя Юргана три дня, а потом князь сказал ему: «Выбирай, друг Пера, любую лошадь в моем табуне...» Не хотел князь Юрган ссориться с хозяином большого ултыра, дал гостю меч, новые камусы, теплую медвежью шкуру и проводил до Нюрмы-речки.

— Ишь, хитрый Юрган! Я, Пера, хотел его юрты спалить.

— Князь друг мне.

— Буде врать-то! Какой он друг! Коли прогнал.

— Князь Юрган чтит обычаи соседей.

— Дикие вы все.

Они ехали по лугам. Рядом шумела веселая Нюрма-речка, осыпанная желтым листом. На каменистых перекатах она кипела и пенилась, смывая с себя палые осенние листья.

Бойкая Нюрма-речка уводила их все дальше и дальше от родных мест. Она бежала на восток, к большой широкой реке, на поворотах оставляла песчаные отмели. На отмелях табунились перелетные птицы. Они взлетали стайками к синему небу. «Эх, купался бобер в речке-заводи», — запел Ивашка.

Эх, купался, купался, не выкупался,
На горе бобер отряхивался,
Отряхивался да ошарашивался...

Холодный порывистый ветер студил спину. Бежали по траве белесые волны.

Ишут, свищут черна бобра
По озерам, ручьям охотнички,
Эх, молодые ребята, разбойнички...

Кони шли ходко. Пера сидел истуканом в высоком оштяцком седле — не то спал, не то думал. Ивашка из рук повода не выпускал, горячил жеребца.

Луга кончились сразу. Кони зашли в осинник и остановились. Ивашка выдернул меч, хотел прорубать дорогу.

— Оштяцкая тропа выше идет, — сказал Пера.

Они поднялись на старую тропу, заросшую елушками и мелким осинником.

Кони брели по густому подлеску, как по воде, и опасно фыркали, ступая в зеленые омуты. Ивашка махался плетью, торопил жеребца.

— Зря коня обижаешь, сын Руса, — сказал ему Пера. — Конь не видит земли.

— А ну ты к лешему! — отругивался Ивашка. — Не шестести! Конь тварь бессловесная, а я христианин!

Они выехали из осинника и стали подниматься по крутой каменной горе. Потные кони дрожали от усталости, пришлось слезть и вести их в поводу.

Ивашка вылез на гору и заорал:

— О-го-гоо!

Пера понял: сын Руса увидел большую реку. С горы она кажется серебряным поясом богатыря.

Пера и сам увидел широкую. Горб ее блестел на солнце, как рыба чешуя.

— Баско? — спросил он Ивашку.

— Ах! А пошто ее рекой Камой зовут?

— Давно зовут.

— А ты Расскажи.

— Коней застудим, уходить надо с Челпан-горы.

Они спустились к большой реке, нашли старую тропу и неподалеку от нее, отпустив расседланных коней пастись, разожгли костер.

Лес помаленьку тускнел, меркла трава. День таял. Они глядели на красную догорающую зарю и оба хмурились.

Такая заря к непогоди.

Река угрюмо шумела. Гулял по ней ветер, дыбил волны.

Они поели у костра. Пера умял траву, положил в изголовье седло и лег.

— Про большую реку расскажи, — попросил его Ивашка. — Ночь долгая, выпишься.

— Я не так знаю.

— Как знаешь, так и рассказывай! По-нашему говоришь, по-оштяцки говоришь. Выходит, ты толмач мой.

Пера засмеялся.

— Чего гогочешь! Ваш князь, поди, христианского языка не понимает. Будешь ему мои слова пересказывать. Толмачом будешь моим, пересказчиком, значит. А мне, Пера, обидно. Пошто большая река по-вашему зовется?

— Давно это было, сын Руса. Давным-давно! Но старики помнят, молодым рассказывают. На нашей земле разные люди жили, но мы знаем Кама, великого охотника. Он был сыном доброго бога Ена. Он научил нас делать вересковые луки, ставить на путиках ловушки на зверя и варить в корчагах сюр. В ту осень сын бога-неба Кам убил много лосей и медведей. Грозная Йома просила у него десятого зверя, но он прогнал ее. Йома рассердилась и послала Войпеля, так мы зовем северный ветер. Войпель налетел на него с шумом-воем, как дикая свора собак. Великий охотник поймал северный ветер в шубный рукав и стал смеяться над грозной старухой. Тогда Йома рассекла землю и выпустила воду. Слепая вода искала охотника, смывая леса и горы. Никто больше не видел Кама... Люди говорят, что великий охотник увел воду к теплому морю, чтобы спасти свой народ.

— Врать ты, Пера, мастак! А я быть знаю. Мне мамка пела. Ну, слушай:

Случилось быть посреди земли,
Посреди земли, наокруг полей,
Наокруг полей, на полянушке.
Прибежали туды девки за полночь —
Встречать солнышко пресветлое,
Величать Ярилу божьим именем...

Замолчал Ивашка, запрокинул голову и долго глядел в густое черное небо.

— Как дале поется, запоматовал я. Забыл, и все тут! Одно знаю, про Егория-воителя быть. Проклял их будто Егорий: как плясали девки поперек поля, так на поле том и остались, в серы камни превратилися. Выходит, бог наказал девок. А у ты за охотником вода бегае. Зверь она или оборотень?

— Люди сказывают.

— Люди! А вода в Каме вашей синяя.

— От слез бога-неба она такая. Добрый бог Ен жалел сына.

— Не шелести! Один бог на земле Исус Христос, а ваши боги болванами зовутся.

Пера встал, взял седло и ушел к лошадям. Он привел заседланного коня, скатал медвежьё шкуру, стал ее привязывать к седлу.

— Ты чего? — удивился Ивашка. — Ночь темная! Куда собрался?

— Поеду один. Ты не сын Кондратия Руса! Сын куля ты, пон, собака!

Ивашка схватился за нож, но тяжелый кулак ултырянина сшиб его с ног.

Простучали копыта. Пера уехал.

Ивашка лежал в траве, раскинув руки. С качающегося вязовника сыпался на лицо ему мелкий гнус и лез в ноздри, в рот, под рубаху.

Ветер вдруг стих, пошел крупный холодный дождь.

Ивашка застонал, приподнялся и долго глядел на желтый гаснувший костер. Шумел дождь. Плясали на листьях тяжелые капли.

Ивашка долго сидел под дождем, обессиленный и мокрый, как мышь, потом кое-как дополз по мокрой траве до костра и лег.

Дождь скоро кончился, опять зашумела река, заскрипели старые елки.

Он лежал до утра, а когда рассвело и лес отодвинулся, пошел искать шапку и нож.

Мокрая трава оплетала ноги жеребцу. Жеребец спотыкался. Ивашка хлестал его, сердился на непогоду, ждал тепла, солнышка, да так и не дождался. Туман уполз к воде, а теплее не стало. Небо, затянутое тучами, было сырым и холодным.

Тропа вертелась, обегая болота осочные и овражки, но далеко от большой реки не уходила.

В полдень Ивашка съел краюху хлеба, напился в ручье, напоил жеребца и погнал его в гору. Он торопил жеребца, хотел засветло догнать ултырянина. Хоть и нехристь Пера, варнак, но ехать вдвоем веселее. И с чего взъярился ултырянин? Одно Христос, а другое — идол басурманский. Сам видел, как ултыряне богов мастерят: срубят лесину в три вершка толщиной, проковыряют ножом рот да глаза и молятся чурке, шкуры на нее вешают, рыло ей кровью мажут.

День начал меркнуть. Бусый туман лег на тропу, меж темных стен леса. Жеребец стал бояться кустов и ям.

Костер вырос как из-под земли, жеребец шарахнулся от огня. Ивашка еле усидел в седле. А Пера даже не оглянулся.

Отпустив расседланного коня, Ивашка подошел к нему.

— Здорово ты меня кулаком мякнул! Думал, помру. Не допустил господь, отлежался.

Пера промолчал, отодвинул палкой огонь, достал из долы тетерку, покатыл ее по траве, разрезал на две половины, одну отдал Ивашке.

Наевшись, Ивашка сходил за дровами. Пера напоил лошадей и лег спать, завернувшись в медвежью шкуру.

Начал накрапывать дождь. Ивашка придавил костер сушиной и тоже лег, укрывшись с головой зипуном.

Дождь стучал звонко по кожаному зипуну, будто песню выстукивал:

Бережочек зыблется, зыблется,
А песочек сыплется, сыплется...

Утро было холодным.

Кони шли вяло: и им надоела непогодь.

Ивашка ругался, грозил кулаком сырому небу, а дождь лил. Днем и ночью лил. Они спали под дождем, утром садились мокрые на мокрых лошадях.

Дороге не было конца.

В лесу оштяцкая тропа металась из стороны в сторону, на лугах вытягивалась, ровная и прямая, как разостланный бабами неотбеленный холст.

На шестой день тропа спустилась к реке.

— Плыть будем, — сказал Пера, слезая с коня. — Большая река тут на закат поворачивает, а нам прямо.

Пера снял шабур, завернул в него лук с налучником, снял поршни с ног, отстегнул меч, привязал все к седлу. Ивашке тоже пришлось снимать меч с пояса, бахилы с ног и привязывать к седлу.

Завел он жеребца в воду, помолился Миколу-заступнику и поплыл.

Жеребец вытягивал шею, как гусь, плыл ходко. Ивашка держался одной рукой за стремя, другой — по воде бил.

На середине река развернула их и понесла.

— Наперед коня заплывай! Наперед! — кричал ему Пера. Ивашка и сам понимал, что заплывать надо, отпускать стремя, да рука не разжималась. Спасла его песчаная коса.

Увидев ее, Ивашка рванулся вперед и помог жеребцу развернуться. Стремнина осталась позади. Большая река смирилась, не крутила их, как осенние листья. По спокойной воде жеребец легко плыл к берегу.

Пера ждал их на косе. Он поймал выскочившего из воды жеребца.

Ивашка оделся, опоясался мечом и вскочил в седло.

Они погнали коней в гору.

Ивашка выехал первый и увидел в лесу две большие ултырские избы, отгороженные высоким заплотом.

Ултыряне стояли кучей за воротами и глядели в небо. Перед ними топтался поп в черной рясе, с мечом на поясе и с золотым крестом в руках.

Они остановили коней в саженях трех и стали слушать. Поп говорил по-ултырски. Ивашка не все слова понимал и тормозил Перу:

— Куда он зовет их? Ну, пересказывай!

— На небо. наших богов ругает, а своего хвалит. Милостивый, говорит, ваш бог. Всех любит.

— Знаю. Гляди, еще люди, в кольчугах!

К ним подошел воин и спросил по-ултырски: кто такие и откуда?

Пера сказал ему, что люди они вольные, охотники, едут князю служить.

Поп замахал крестом и погнал ултырян к реке. За попом шли воины.

— Кому они служат? — спросил Ивашка.

— Князя Михаила слуги, — ответил Пера. — Князь Михаил чужим богам кланяется!

— Небось, поклонись! Христос-то не болван деревянный. Поразит огненной стрелой, и все тут!

— Ехать нам пора, сын Руса.

— К Михаилу поедем?

— К нему. — Пера вздохнул. — Больше некуда...

Ивашка расспрашивал: какая у князя дружина, молодой князь Михаил или старик? Но Пера молчал, видно,

не любо ему показалось, что князь его от ултырской веры отошел, болванам не молится.

Стемнело. Они остановились в логу, отпустили стреноженных коней пастись и легли спать у костра.

Ночью кто-то придавил Ивашку.

— Не дури! — закричал он. — Сосед я тебе, другодере-венец!

Он думал, Пера его вяжет, но, приглядевшись, понял: чужие навалились. Пера один, а тут трое... Пера сам связанный лежал, на нем кучей мужики сидели.

Утром их развязали, вывели из лога на широкую лесную поляну.

На поляне кишела не одна сотня ратников в длинных кожаных рубахах. Ратники расступились, и к ним подошел молодой воин, не старше Ивашки. Все блестело на нем: и кольчуга, и пояс, и короткий меч в серебряных ножнах. На голове у молодого воина шапка из зимних соболей, на ногах поршни из красной кожи.

— Мы не воры, — сказал ему Ивашка. — Князю едем служить.

— Какому князю? — спросил по-русски молодой воин, прищурясь.

Пока Ивашка думал, как лучше сказать, Пера ответил: — Нашему, Михаилу.

Молодой воин что-то сказал по-ултырски ратникам и ушел. Им отдали луки и мечи, подвели заседанных коней.

Пера шепнул Ивашке:

— Матвей с тобой говорил, сын князя Михаила.

Воины молодого князя сели на лошадей и стали выезжать на тропу.

Ивашка хлестнул жеребца, но Пера остановил его:

— Нам впереди ехать не велено!

Весь день они ехали за дружиной, а вечером князь позвал их к своему костру. Он накормил их, напоил сюзом и опять начал спрашивать: кто такие и куда едут?

Ивашка сердился, кричал на него:

— Крест надел, а христианину не веришь!

Князь посмеивался.

Пера снял с пояса меч, положил его к ногам князя и стал рассказывать, как жил в ултыре Сюзя, как охотился, ловил рыбу в Шабиль-озере вместе с оштяками Юргана.

— Но большой отец прогнал меня из ултыра.

— Ты нарушил обычай отцов?

— Я хотел взять в жены Вету. Она внучка старого Сюзя. Она из нашего ултыра, князь. Старый Сюзь продаст ее чужому охотнику. Я остался один. Тебе буду служить.

— Я верю тебе, богатырь!

Пера поднял с земли меч, поклонился князю и сказал:

— Парня зовут Ивашкой. Он сын Кондратия Руса. Хорошего человека сын.

— Меня крестил епископ Иона, — сказал молодой князь Ивашке. — Поп русов Иона, надевая кресты моим воинам, велел жить праведно, почитать бога и князя.

Ивашка выдернул крест из-под рубахи.

— Хошь, поклянусь на кресте?

Ивашка поклялся служить верно, за чужую спину в бою не хорониться, худого в душе не держать.

Князь Матвей отпустил их. Они ушли к своему костру.

Пера сразу уснул, а Ивашка ворочался с боку на бок, ругал хитрого ултырского князя и думал о родном доме. Вспомнил ни с того ни с сего, как хлеб молотили прошлой осенью, как избу конопатили, окна в хлеву завешивали берестой. За неделю до покрова волки собирались в стаи, коров и овец запирали в хлев. Тятка скармливал последний, дожинный сноп скотине, ставил на повети в хлебальной чашке пиво, кланялся дедушке-дворовому и просил: «Береги, хозяин, скот зимующий от хвори липучей, от силы нечистой». А с Параскевы-роженицы начинали сумерничать. Татьяна зажигала светец, ставила под него корыто с водой. Огонь с лучины капал на воду и шипел. Тятка зашивал подложные лыжи, а он с братьями стрелы тесал, липовые, на белку. Липа сладкой травой пахла... Девки

пряли у печки. Татьяна варовые нитки сучила и рассказывала про нечистую силу, будто боится нечистая сила солнышка ясного, дня светлого, а как солнышко угасать начнет, земля замертвеет — тогда ее царствие. Бесится тогда, воет нечистая, душу христианскую ищет.

Засыпать уже начал Ивашка, тяжелела голова и слеpla память, а Татьянина песня в ушах звенит неумолчно:

То не два зверя сбегались,
Не два лютые сходились.
Гасил солнышко пресветлое
Чернокрылый зверь:
Захлестнет крылом — травы высохнут,
Захлестнет другим — реки вымерзнут,
Земля-магушка тьмой покроется...

•ГОЛОД

Костер попискивал, как мышь. Искры рвались к черному небу и умирали.

Князь Юрган отодвинул палкой огонь, снял камусы и поставил больные ноги в горячую золу.

— Утром выйдем на тропу лосей, — сказал он брату.

— Ёмас, брат Юрган, ёмас.

Согревшись, князь задремал. Качались перед ним золотые рога самца шоруя. Князь хватался за лук, рвал из колчана стрелу, но старые больные руки не слушались. Лось уходил в темноту.

Просыпаясь, князь глядел на желтый покачивающийся огонь и слушал брата.

Золта жаловался Нуми-Торуму:

— Мы не видели снега, великий, а едим лошадей!

Тьма густела. Ели подступали к костру... Князь бродил по глубокому, рыхлому снегу, искал табун, а с неба сыпался на него горячий снег и жег ему руки.

Он проснулся, открыл глаза. Костер шипел и плевался

искрами. Молодые охотники кормили огонь сухими сучьями, грели застывшие спины.

— Звезда Соорб умерла, — сказал брату Золта. — Идти надо.

Юрган надел камусы, взял лук и повел их к лосиной тропе.

Небо белело, но князь не торопился. Осенний лес чуток, стывшая земля звонкая, а тропа рядом. Хрустнет под ногой сук — уйдет зверь далеко.

У болота с двумя молодыми охотниками остался Золта, а он поднялся выше и на середине горы залег в осиннике.

Рассвело. На палых листьях поблескивал иней.

Он лежал в неглубокой яме, глядел неотрывно на старую большую березу. На ее шершавой коре лоси оставляли клочки шерсти.

От березы тропа поворачивала к болоту. «Зверь не обойдет и птица не облетит это место», — говорил ему отец.

Взошло солнце. Лес повеселел, заискрился. Заурлыкали черные косачи.

Стаи мелких птиц садились на березу и, покачавшись, улетали.

Пестрая лесная кошка перешла тропу у березы и скрылась в густом пихтовнике.

Две усатые белки уселись на сломанную осину, разглядывали его, вертели хвостами.

К полудню лес затих, будто вымер. Птицы спустились на ягодники к болоту. Звери ушли в глухие урочища.

Пологая гора, вся облитая солнцем, дремала. Дремал и старый князь... Щелкнула сухая вица, и опять все стихло. Он понял — идет осинником Золта.

Золта залез к нему в яму, лег рядом.

— Будем сидеть вечер, будем сидеть ночь, — сказал он брату.

Золта вздохнул:

— О-хо, нету лосей. Ушли... — и достал из сумы кусок мяса.

Старый князь обнял брата, но мясо не взял.

— Отдай охотникам, — сказал он. — Скажи молодым — придем в пауль без лося, принесем голод.

Золта уполз.

Князь опять глядел на старую березу и думал. В месяц гусиных птенцов хворь совсем одолела его. По обычаю предков, он роздал сородичам богатства свои у большого костра и думал, что обманул смерть. Но смерть обманула его. Орлай и раба не догнал, и сам не вернулся. На медвежьей шкуре принесли его в пауль охотники. Он похоронил сына, кровь жертвенных лошадей вылил на костер, мясо роздал сородичам. Прошло семь дней — еще двух охотников убил лось в урочище Ворса-морта. Люди собрались у большого костра. Шаман Лисня трижды спрашивал богов, и трижды боги говорили ему: не лось убил охотников, а Торум-пыл, сын великого бога. Люди верили шаману и дрожали от страха, как дети... Шли дни. Подул с востока люльвот, принес холод. Звенели ночами побелевшие звезды. Кралась зима, страшная, голодная зима. Убыли запасы рыбы, таял табун кобылиц. А люди сидели в юртах, не охотились, не ловили рыбу на Шабиль-озере. Он созвал мужчин и женщин в свою юрту, сам разжег живой огонь в каменном чувале. Хитрый шаман покачался над огнем и стал говорить людям плохое, будто они забыли обычаи и веры предков и великий Нуми губит их за это...

На березу сели два косача. Князь достал из колчана птичью стрелу, убил одного, но из ямы за убитой птицей не вылез.

Солнце садилось, темнели кусты и бусела береза. На болоте сердито ухала большая птица. Князь глядел на тропу и уговаривал Нуми-Торума: «Не губи род Юрганов, великий, пожалей наших детей и женщин. Я побил шамана, легонько побил и ушел в ту же ночь на охоту. Только брат Золта и два охотника пошли за мной, а в пауле три десятка мужчин». Гора потемнела и слилась с небом, бусая береза стала черной и пропала совсем, задавила ее темнота.

Белые звезды мерцали на небе, дрожали. Скоро холод спустился на землю — князь закрыл малицей больные ноги, вздохнул. Он еще днем понял, что ушли из урочища лоси, давно ушли, — обглоданные осины засохли, раны на липах пожелтели. Но костер разжигать боялся. Может, смилуется великий Нуми, выгонит на него лося.

Ночь долгая, холодная. Он берег руки, грел их под меховой рубахой. Но стрелять ему не пришлось. Великий Нуми не выгнал на него зверя.

Солнце поднялось выше леса. Он вылез из ямы, подобрал стрелу (косача рососомаха сожрала за ночь) и стал спускаться по тропе к болоту.

Охотники разжигали костер прямо на тропе. Золта потрошил глухаря.

Князь сел, спросил брата:

— На ягодники ходил?

— Ходил, — ответил Золта.

Охотники натаскали сучьев и сели к костру. Они ждали, что скажет им старый князь. Он молчал. Испугал кто-то лосей, и они ушли. Куда ушли? Лес большой...

Золта сунул птицу в горячую золу и засмеялся:

— Хитрая птица маншин, пурхается в песке, а пьет с листа.

Посидели у костра, согрелись, съели испеченную в горячей золе птицу.

Молодые охотники ушли в гору, за косачами, а его Золта повел на ягодники.

Вечером повеселевшие парни показывали ему туго набитые мешки. Он хвалил их, а сам о лосях думал. Скоро снег выпадет, за Шабирь-озером надо искать новые лосиные тропы. Сытые охотники уснули, и брат уснул. А он просидел всю ночь у костра.

Утром князь вывел их на тропу.

По знакомой тропе молодые охотники пошли веселее. Они несли в юрты жирных осенних птиц и радовались, что великий Нуми больше не сердится на них.

У Сюзь-речки Золта сел отдыхать.

— А вы идите, — сказал он парням. — Наши ноги старые, ваши ноги молодые.

— Не тоскуй, князь! — Золта улыбнулся. — Вода течет, дни идут. Мы не убили лося, но убили страх. Охотники пойдут в лес бить белку и куницу, искать новые лосиные тропы.

Дни шли. Земля оделась в белую паницу. Охотники ушли в лес — сбивать тупыми стрелами белок, ставить ловушки на куниц и соболей.

Огонь горел в каменном чувале с утра до вечера, с вечера до утра, а большую деревянную юрту нагреть не мог. Князь плел сети, вил ременные арканы и кормил сухими сучьями ненасытный огонь. Майта уговаривала его перейти к ним, жить вместе.

— У нас тепло, аасим!

Но он боялся нарушить обычай предков, мерз в большой юрте, тосковал. За стеной, в малой юрте, жила его семья: две жены, сестра, дочь Майта и сын. Мальчишка прожил всего четыре зимы, стрела выше его, а просится на охоту: «Сделай мне лук, аасим, — говорит, — я белку буду стрелять!»

По вечерам женщины пели длинные, грустные песни. Он слушал их, вытирал слезы рукавом молсы и думал о студеной зиме. Уговаривал его Золта весной сходить к Русу, выпросить семенного зерна, распахать луговину и засеять ее зерном...

С неба сыплется снег
День и ночь, день и ночь.
Брата милого жду
День и ночь, день и ночь...

Женщины пели за стеной, а он видел задавленный снегом лес, крутой белобокий лог, самца шоруя в логу, безрогого и притихшего.

С неба сыплется снег
День и ночь, день и ночь.
Заметают следы
День и ночь, день и ночь.
В чамье мяса нет,
Мало рыбы в ямах —
Брат по следу идет
День и ночь, день и ночь.

В месяц большой тьмы пришли из лесу охотники. Они принесли белок и соболей. Он ждал — зайдет к нему охотник, сядет к чувалу и скажет: «Тэхом, князь! Я видел лосиные тропы».

Утром залезал к нему в юрту запорошенный снегом пастух, грел над чувалом руки и спрашивал:

— Резать?

Он молча отрубал ножом еще один узел на ременной веревке, пастух уходил.

Шли дни, темные дни. Он сидел у чувала, тесал стрелы, считал узлы на ременной веревке и слушал песни женщин.

С неба сыплется снег
День и ночь, день и ночь...

На ременной веревке осталось семь узлов, а в табуне осталось семь кобылиц. Он послал парыча в юры, звать старых охотников на совет рода.

Пожелав князю здоровья, старики садились на мягкие шкуры к чувалу. Из угла глядел на них Нуми-Торум. Серебряные глаза бога были холодные, как глаза зимы.

Князь ждал шамана. Он дважды посылал к нему, и дважды шаман Лисня выгонял парыча из юрты, бросал вслед ему обглоданные кости и ругался, как злой мэнк — дух камня.

— Наш шаман ждет война Асыку, — сказал Золта.

Старики зашумели:

— Нам не нужен князь-воин!

— Голод придет в наши юрты раньше Асыки!

— В наших чамьях нет мяса.

Князь встал.

— Тэхом! Слушайте, старые люди! Осталось семь кобылиц в табуне. По обычаю предков, их будет пасти зоркий и всевидящий Мир Суснэ, сын великого бога. Тэхом, люди! Кто нарушит обычай — смерть!

Князь бросил в огонь горсть сухой травы. В юрте запахло летом. А старики думали о зиме, когда холод грызет лицо, метели сбивают с ног. Завтра их сыновья и внуки уйдут в лес ловить ушканов, искать заметенные снегом звериные тропы.

Пастух принес в юрту кожаный мешок.

— Здесь, — сказал князь, — мое зерно. Возьмите, раздайте сородичам. Кто останется жив, поклонится весной Кондратию Русу. Рус даст семена. Пашите луговины, сейте хлеб! И голод не придет в ваши юрты.

Вечером князь перешел в женскую половину.

Майта принесла из большой юрты теплые медвежьи шкуры, укрыла его и напоила горькой травой. Ему стало жарко. Он хотел сбросить с себя тяжелые шкуры, подняться и сделать сыну маленький вересовый лук. А Майта носила и носила из большой юрты тяжелые шкуры. Он задыхался под ними, кричал громко и, обессилев, долго падал в глубокую, темную яму.

— Пей, аасим! — слышал он голос Майты, но она была далеко, наверху, а он лежал в яме. Сверху сыпалась на него земля. Память его тускнела, он надолго засыпал.

Просыпаясь, он видел то Майту, то жен. Они глядели на него сверху и кричали. Он слушал, но голоса их умирали, не доходили до дна глубокой ямы...

Старый Сюзь спустился к нему и сел рядом.

— Теан, ешь, рума! — Сюзь держал за ноги двух жирных ушканов.

— Сына! Сына корми! — кричал он хозяину большого ултыра. — До весны корми!

Он стал чаще просыпаться с ясной памятью, глядел на притихшую семью у чувала и думал: «Смерть играет со

мной, как лиса с ушканом. Не ододеет до весны — выживу». Майта поила его горькой травой и рассказывала: был в юрте старый Сюзь, а Золта ходил в гнездо Руса.

— Поешь, аасим! — упрасивала она. — Поешь! — И совала ему в рот мелко нарезанное мясо.

Смерть ушла в страну мрака. Но хворь оставалась в теле. Он не мог долго сидеть, плохо слышал слова. Но все видел. Он видел худую Майту, больных жен, умирающую от голода сестру. Он прятал кусочки мяса под шкуры и тихонько кормил маленького сына.

Огонь горел в чувале, а в юрте было холодно. Жены бегали туда-сюда. Он хотел поругать их, но не успел. Пришел брат Золта.

— Рус приехал! Рус! — кричал Золта ему. — Мясо привез. Лосей.

— Зови.

Рус пришел с сыном. Оба большие, а женская юрта маленькая.

Рус сел на шкуры, в угол к нему, и заругался.

Обидели друга, думал князь, и тряс Золту за рукав молсы.

— Рус не велит тебе умирать! — кричал ему в ухо Золта. — Лоси на Юг-речке. Наши охотники уходят с Русом.

Князь понял — зима кончилась, Рус спас род Юрганов от голодной смерти.

— Веди Руса в большую юрту, — сказал он брату. — Отдай ему ковры, оружие и серебро.

Золта звал Руса в большую юрту. Рус тряс головой, отказывался.

— Маныр вар? — кричал князь. — Чего хочет Рус?

— Майту, — сказал Золта. — Она не будет рабыней в гнезде Руса! Будет женой старшего сына.

Золта помог ему сесть. Он поглядел на дочь, сидевшую у чувала, и сказал Русу:

— Бери Майту, рума!

Рус погладил его по спине и встал. Сын Руса снял с се-

бя большую шубу, завернул Майгу в шубу, как малого ребенка, и унес из юрты.

— Прощай, доченька, осима сосуль, — шептал старый князь.

• ГНЕЗДО КОНДРАТИЯ РУСА

Татьяна сама поднялась ранехонько и девок разбудила. Забегали они по избе, зашлепали босыми ногами по глиняному полу. Какой уж тут сон! Пришлось вставать и Кондратию. Встал он потихоньку, чтобы Гридю не разбудить. Намерзся, намаялся парень. Ушли они из дому с утра, дождались у засеки охотников из пауля и стали спускаться по речке к ольховникам.

Снега за зиму выпало много, без лыж убродно, шагу не ступишь. Но кое-как к вечеру добрались, составили нарты к сосне. Кондратий показал Золте лосиную тропу. Она пересекала речку и бежала по мелкому ольховнику к лесу. Золта оставил своих охотников у речки, а их повел в лес. Не снимая лыж, они встали за широкие елки шагах в десяти от лосиной тропы.

Начало темнеть, заиграли на небе белые холодные звезды. Гридя хотел разжигать нодью, но Золта отговорил. Лоси, он сказал, недалеко где-нибудь. Так и просидели всю ночь в снегу, под елками. И не зря: едва рассвело — затрещали елушки, прошли перед ними широким мётом лоси. Пропустив стадо, Золта выскочил на тропу и закричал: «Тэхом!» Кондратий выбежал за ним и увидел, что бегут от речки, навстречу лосиному стаду, оштяцкие охотники на лыжах. Лоси остановились и сгрудились в кучу. Золта на ходу выстрелил из лука, молодой лось прыгнул в снег и увяз. Кондратий добил его. Из темной кучи вырвался самец и, утопая по брюхо в рыхлом снегу, стал пробиваться к лесу. За ним бросились и остальные. Но вожак скоро

выбился из сил, упал на колени. Его сменил другой лось. Охотники легко бежали по насту, били лосей из луков, колотили рогатинами...

— А Гридю чего не будишь? — закричала Татьяна на невестку. — Буди!

Вета стащила с мужа тулуп:

— Вставай, айка, вставай!

— Уйди, говорю! — ругался Гридя. — Затрещину дам!

— Вставай, не ерпенься, — сказал ему Кондратий. —

Днем выпишься.

Татьяна вывела всех из избы, сама поклонилась раннему солнышку и девок заставила кланяться. «Видело ль, солнышко, красную весну, встретило ль, ясное, ты свою сестру!» — причитала Татьяна.

Гридя тер рукавицей распухший нос и орал:

Солнышко-ведрышко, выходи,
Сестру-весну за руку выводи!

Солнце поднялось над лесом веселое, яркое. Поклонилась ему Татьяна в последний раз и ушла с девками в избу.

— А мы не так поем, — сказал Туанко. — Мы у бога Огня здоровья просим. Охота мне по-вашему спеть, большой отец!

— Пой, только я шапку надену. Холодно!

— Нельзя шапку надевать, большой отец.

Кондратий засмеялся.

— Беда мне с вами! Вон и Майта вышла. У нее, небось, тоже песня своя. Придется мне до вечера без шапки стоять, песни ваши слушать.

— Моя маленькая, большой отец.

Туанко запел по-своему, по-ултырски. Он просил теплое солнышко белую березу оживить. Люди напьются соку березового, заравы, по-ихнему, и перестанут хворать, забудут зиму холодную.

— Вот какая наша песня, большой отец!

— Беги в избу, песельник, согрейся. А я к Прохору зайду.

Майта увидела, что аасим к ним идет, убежала в баню. Прохор сидел на лавке, у маленького волокового окна, шил кожаные олочи для молодой жены. Кондратий взял у него оштяцкие коты, повертел в руках.

— Малы будут.

— Не малы, тятя. Мерял я.

Кондратий отдал коты, вздохнул.

— Неладно у нас получается, Прохор. Я так и сяк думал: нельзя тебе в бане жить!

— Ничего, живем...

— У матери язык длинный. А сердце доброе. Дня ведь не пройдет, чтобы о вас не вспомнила. Переходите в избу да живите по-людски.

— По-нашему Майта плохо еще понимает. Да и боюсь я, обижать ее будут.

— Вроде в нашей семье такого нет. Вета живет и Туанко. Никто их не обижает!

— Да ты не казись, тятя! Все наладится.

Майта сидела на мягких овчинах, у каменки, слушала их.

— Тоскуешь, поди? — спросил ее Кондратий. — Не знаю, поймешь ли? Твой отец, князь Юрган, друг мой. А ты дочь мне, как Устя наша.

Майта подошла к нему.

— Ты ёмас, аасим! Ёмас!

— Хвалит тебя Майта, — сказал Прохор. — Хороший, говорит.

Кондратий обнял тоненькую юрганку. Она засмеялась, сказала что-то по своему и убежала к каменке.

Прохор тоже засмеялся.

— Она говорит, тятя... Борода у тебя, как лес.

Кондратий погладил бороду и стал рассказывать, как лосей подкарауливали в ольховнике и свалили все стадо, согнав с тропы в глубокий снег.

— Я себе годовалого взял. И с ним намаялись шибко. Снег глубокий, уродно. Еле дотащили с Гридей.

— Тэхом, Майта! Аасим говорит, ваши охотники стадо шоруев свалили.

Майта бросила на горячие угли кусок мяса. В бане запахло горелым.

— Радуется, — сказал Прохор.

— Всякому свои дѳороги! Голод у них. — Кондратий встал. — Пусть будет по-твоему, Прохор. Живите пока одни, до лета.

Майта качалась над каменкой, молилась, бога оштяцкого вспомнила, Нуми-Торума.

Кондратий вышел из бани, постоял, поглядел на весеннее солнышко, и зашагал к овину. Летось привез Гридя соху с кулиги без приюха, да так и бросил. Ругал его Кондратий, да что толку — приух-то железный, из березы не вытешешь... Пока до овина шел, вспомнил, что семенное зерно перетряхивать надо, горит зерно. В прошлые годы выносили рожь из овина зорить на сретенье, а нынче запоздали. Раскрыл Кондратий настежь широкие овинные ворота, разбросал солому, раздвинул жерди. Пахнуло на него из ямы хлебным теплом. Спускаться хотел, да Устя полдничать его позвала.

И дни весной долгие, и работа мелкая, во дворе, по хозяйству, а с утра до позднего вечера вся семья на ногах. Отдохнуть некогда: то одно, то другое. Семенное зерно спасли, телята обезножили, видно, святой Касьян на них косо поглядел. Телят выходили, на лядину стали собираться — подсечный лес теревить, растаскивать.

Утром спустился Кондратий к речке, поглядеть — не снесло ли переходы? И не удержался, перешел речку.

Гомон стоял в лесу — звенели птицы, звенели ручьи. От земли бусый парок поднимался, пахло прелыми листьями и банным теплом. Сел Кондратий на валежину и как утонул... Звенит, качается над ним лес, желтоголовая птичка вертится на кусту, хвостиком трясет. Проглядел ты, старый, говорит она, в хлопотах да заботах красную весну.

— Чирик! Чирик!

Открыл Кондратий глаза, сполз с валежины, встал на колени, поклонился земле:

— С пробуждением, матушка! Тебе зеленеть, а нам радоваться!

Вечером рассказал он своим, как уснул в весеннем лесу и как приснилась ему птаха-вещунья.

— А мне коровы снятся, — сказал Гридя. — Диво! Ползают коровы по синему небу, как тараканы.

— Ох, Гридя, Гридя! — вздохнула Татьяна. — Одно сон, а другое девка-вешнянка. Погубить ведь она могла отца, закружить в лесу.

— Небось, не закружит! Не на таковских напала!

— Чего мелешь! Господи... Помню, мы на вырубках жили, с монастырскими закладниками. Пошел монастырский мужик весной в лес. День такой же стоял, теплый да ласковый. Ошалел мужик от весенней вони, от божьего тепла, от птичьего звона и дорогу запомнил. Видит, девка на поляне сидит, косы зеленые чешет. Он к ней, хотел дорогу расспросить, а девка в птицу оборотилась и поет на березе, разливаясь.

Кондратий не дослушал Татьянину сказку, уснул на лавке. Разбудил его ветер, пришлось встать, закрывать дверь, опускать волока на окнах. Будет дуть теперь северяк неделю, не меньше, ломать старые ели в лесу, гнуть к земле зеленеющую молодежь. Которая осинка или березка устоит, не сломится, той долго жить. Ултыряне северяк Войпелем зовут, богом считают.

Кондратий дождался утра и повел семью на лядину, подсечный лес ворошить.

Тропа не просохла, в низинах вода стояла выше колен. Прохор на руках Майту перетаскивал, как малого ребенка.

Гридя свою Вету тоже взял на крошки, но посреди лывы остановился и заорал:

— Говори, будешь Войпелю-болвану молиться? Говори, а то брошу!

Туанко ругал Гридю, Устя смеялась.

Кондратий тоже с ними топтался.

— За уши его держи! Не вывернется, — учил Вету. Любил он на баловство молодых глядеть.

На лядине провозились до вечера. Девки ворошили слежавшиеся сучья и по полю растаскивали, а он с сыновьями ворочал суковатые елки, чтобы лучше сохли.

Домой пришли затемно.

Пока северный ветер по лугам, по полянам носился да в лесу разбойничал, Прохор с Гридей семенной ячмень сушили, а Кондратий бороны лыком перевязывал. В прошлом году на кулиге рассыпалась борона, все зубья выпали.

Как только северяк угомонился, Кондратий пошел на лядину. Сколько он на своем веку лесу попалил на подсеках! Тиуну княжескому не сосчитать. И всякий раз беспокоился, ходил по лядине, проверял: ровно ли лес лежит? Подсохли ли на корню несрубленные сосны? Да какой еще день будет! В безветренный да пасмурный лучше не начинать, огонь на краю лядины остановится. А в большой ветер опасно, огонь может с лядины на лес перекинуться — тогда беда! Лучше всего день ясный, солнечный, с ровным ветерком.

Обратно шел, все на небо поглядывал, даже шея заболела.

Пришел он домой, собрал всех в избу, перекрестился на Татьянины иконы и сказал:

— С утра завтра выходим! Помоги, господи!

Он послал Гуанка в ултыр, а Прохора к князю Юргану. С Прохором ушла и Майта, навестить отца.

Кондратий спал плохо, за ночь раза три выходил из избы, глядел на темное, высокое небо, на редкие звезды. Они светились ровно, не дрожали. К доброй погоде.

Едва рассвело, он разбудил Гридю.

Они вывели из конюшни лошадей, заседлали, приторочили к седлам топоры и мешки с едой. Гридя сел верхом. Кондратий повел лошадь в поводу.

На лугах Гридя погнался за лисицей и свалился в яму. Мерин, видно, перед ямой круто свернул в сторону.

— Отхлестать бы тебя рогатиной, — сказал Кондратий сыну. — Рогатину жалко!

— Да я, тять, женатый.

В лесу еще темновато было. Белели только лывы на тропе, мелкие — серебром отливали, а поглубже которые, те серые, с просинью.

Кондратий сел в седло — обходить лывы с лошадей тяжело по густому путаному лесу.

Они оставили на елани расседланных лошадей, мешки и топоры перенесли под березу, Гридя пошел жерди рубить на шалаш.

День начинался солнечный, ясный. От Шабирь-озера дул легонький ветерок.

На краю лядины Кондратий разжег костер и стал ждать соседей. Глядел на широкую, как поле, лядину, сплошь заваленную мертвым лесом, и думал. На Устюжине так же вот, в старые годы, жили люди без князей и доводчиков, жгли лес на лядинах, охотились. И вдруг земля оказалась не божьей, а княжеской...

Вынырнул Туанко из осинника, достал из-под рубахи серого длинного зайчонка.

— Смотри, большой отец!

— Отпусти, зачем он тебе. Из ултыра-то пришли?

— Я их, большой отец, на тропе оставил!

Старый Сюзь привел с собой двух сыновей. Немного погодя пришел Прохор, с ним Золта и четыре охотника. Кондратий послал сыновей разжигать на другом конце лядины второй костер. Подожгли лядину с подветренной стороны сразу в десяти местах. Сучья быстро горели, огонь осел к земле, затрещали смолистые пни, зашипела кора. Черный дым поплыл над лядиной. Справа от Кондратия шел Золта, слева — сын старого Сюзя. Парень, видно, бывал на огнищах, ловко колом орудовал, поднимал слежавшиеся кряжи, не давал огню перескакивать через них.

К вечеру огонь выровнялся и пополз по лядине сплошным сорокасаженным валом.

Люди пошли отдыхать. На лядине остались два караульщика. Ночью Кондратий их сменил. Перед рассветом ветер стих, огонь начал захлебываться сыростью. Пришлось поднимать всех.

Утром ветер направился, подул от Шабиль-озера.

Кондратий пошел спать к шалашу.

— Смотри за огнем, Прохор, — наказал он сыну. — Не прогорит земля как следует — сорная трава задавит хлеб.

— Догляжу, тятя!

Кондратий лег под березу, укрывшись зипуном, и сразу заснул. Он видел во сне, как огонь растекался по лядине, будто кровью ее заливал; из огня и крови поднималась остренькая озимь, озимь росла на глазах, кустилась.

Разбудила его Майта. Она трясла его за бороду и кричала:

— Аасим! Аасим, Ивашка турне ай, аасим!

— Оторвешь бороду, девка, — сказал Кондратий, вставая. — Откуда Ивашка взялся! Чего кричишь?

Он послал Туанка за Прохором.

— Скажи, Майта, мол, прибежала.

Увидев Прохора, Майта забалабонила по-своему, заревела.

— Не пойму я ее, Прохор.

— Она говорит, Ивашка в пауле. Юрты грабит!

Кондратий взял седло.

— Гляди за огнем! — сказал он сыну.

Он гнал коня не жалея. Мерин храпел, косился на вичу. За оштяцкой тропой лес раздвинулся, тропа стала шире, ровнее. Мерин пошел шагом, не гнул на сторону башку, не шарахался от кустов и ям, но перед речкой встал. Кондратий не мог загнать его в глубокую воду, пришлось искать брод.

Выехав на гору, Кондратий увидел — горит большая

юрта князя. Он остановил мерина, прыгнул, отвязал от седла рогатину.

Люди князя Юргана метались в дыму, вытаскивали из горевшей юрты меха, серебряную посуду, дорогие болгарские мечи, луки и сваливали все в кучу. А даньщики, хохоча, набивали спасенным добром широкие кожаные мешки.

Кондратий увидел сына... Ивашка хлестал плетью жену князя Юргана.

— Майта где? — кричал Ивашка. — Насмерть убью, проклятая, говори!

Оттолкнув даньщика, Кондратий поднял окованную железом рогатину.

Ивашка успел оглянуться, успел крикнуть:

— Тятя! — и свалился, как сноп, к его ногам.

Бросив рогатину, забыв о коне, Кондратий ушел из пауля. В лесу пахло гарью. Мелькали перед ним березы и елки, а он видел лицо сына, белое, на зеленой траве. Попалась ему старая оштяцкая тропа. Он пошел по ней. Спускался в сырые лога, густо заросшие хвощом, переходил речки, брел по жухлой траве, а лес казался ему везде одинаковый — угрюмый, спокойный, пропахший смолистым потом. Он устал. Остановился отдохнуть перед кедром, снял шапку, глядел на кедр, глядел пристально, будто спросить хотел великана — где, в чем твоя могучая сила? Постоял, вытер шапкой лицо и пошел дальше. Сердце еще болело, но он уже пришел в себя, понимал, что оштяцкая тропа приведет его к Юг-речке. А там и до дому недалеко. Березы потихоньку шумели над ним. Густой и крепкий елушник рос под березами, а на открытых полянах елушник хирел, покрывался розовой слизью и лишаями.

Выбившись из сил, Кондратий сел на сваленную бурей сосну. Рядом стояла кривая черемуха. Она умирала, задавили ее большие темно-синие елки. В бусых трещинах жили муравьи, выше их лепились красные прожорливые

жучки. Вспомнил Кондратий, как нес захворавшего в дороге Ивашку. К вечеру слабели руки, он клал его на землю, ложился рядом, и ждал, пока подойдет семья. Ночью хлопотала над Ивашкой мать, а утром он опять брал на руки сына и шел. На новом месте, помнил Кондратий, пришлось ему работать за троих, летом часа два спал. Старшие сыновья с ним были, а с младшими Татьяна возилась, молиться их учила, ругала соседей нехристями и чучканами. Все боялась, что забудут ребята веру русскую и язык христианский. Кондратий посмеивался, глядя на них, говорил, что Христос здесь сохатому не хозяин, Мойперу здесь надо молиться, лесному оштяцкому богу. На первых порах Ивашка птицу без надобности бил, а потом, балуясь, даньщика великопермского подстрелил. Ослепла душа у парня...

Дятел-пестряк застучал по сухой сосне. «От князя можно уйти, а от домашней беды не уйдешь», — подумал Кондратий, поднимаясь. Он пошел по той же тропе обратно. Шел тяжело, в землю глядел. В низинах земля еще снегом пахла, а на взгорьях росли красные и синие цветы.

Он прошел версты полторы и сел — дальше идти сил не было, а идти надо.

Навстречу ему по тропе шел оштяцкий охотник. Приглядевшись, Кондратий узнал: Золта, брат князя Юргана. Золта поздоровался с ним по-оштяцки и сел рядом.

— Даньщики-то ушли? — спросил его Кондратий.

— Ушли, Рус. Ушли.

Золта погладил его по плечу и заговорил по-своему. Кондратий понял: Ивашку даньщики забрали с собой.

— А я в пауль шел. Сам хотел похоронить...

— Зачем хоронить, рума Рус. Ивашка живой, ругается.

— Вот как! Ну, слава богу. Я чуть ума не лишился.

Легко ли, сам понимаешь, сына родного. Своими руками...

Золта вздыхал, качал головой.

— Понимаю, рума.

— А ты-то куда? Силки, поди, шел ставить?

— К тебе, Рус, иду. К тебе! — Золта, охая, встал.

— Выходит, искал меня... — Кондратий хотел сказать, что родной он ему, по душе родной. А как скажешь? Жизнь одна, а слова разные.

— Ось, ёмас улум, — сказал ему Золта и пошел в пауль.

• ЗЕЛЕНАЯ РОЖЬ

К ночи похолодало. Кожаный куяк с железным нагрудником грел плохо. Кондратий прижимался спиной к елке, дул на руки. Князь Юрган, видно, тоже мерз, ворочался в елушниках, кашлял. Не обидел бог старого князя умом, думал Кондратий. Пока даньщики набивали мешки серебром да мехами, он собрал своих людей. Даньщики за мечи схватились, да поздно — охотники стреляют без промаха. Князь велел им развязать мешки, складывать в кучу награбленное добро, сам отсчитал четыре десятка соболей. «Берите, — сказал, — дань с лука и уезжайте». Уехали даньщики. Неделя не прошла — нагрянул Асыка, опять пришлось старому князю опоясываться мечом...

Стемнело. Редкие звезды сиротливо поблескивали на синем небе. Черный лес притих, будто затаился. Холодная предрассветная тишина легла на землю.

Два охотника поползли к засеке, видно, князь Юрган послал их караулить Асыку у Нюрмы-речки.

— Тять, а тять! — шептал Гридя. — Юрганы к Асыке не перекинутся?

— Я верю князю Юргану.

— Мало нас, тять! Не подойдут ултыряне — пропадем.

Над засекой начало белеть небо. Закачались черные елки. Ветер дул в спину Кондратию, с кулиги дул. Добрые на ней озимые! Да придется ли убирать осенью рожь?

Кони зафыркали за засекой. Кондратий поднял лук и стал ждать.

Гридя привстал — две стрелы воткнулись в елку над его головой. Воины Асыки, видно, спешились, обошли за-секу и залегли в елушках.

— Лежи!

— Да я, тять, не заяц! Ночь пролежал.

Князь Юрган подал своим знак, и три десятка черно-хвостых стрел прошили насквозь елушки. Елушник ожил, выскочили на тропу воины Асыки, завыли, как дикие, и побежали к ним. Кондратий бросил лук, выдернул меч.

Отбиваться сразу пришлось от троих. Одного он зарубил, хотел отскочить, запнулся, и сразу потемнело все, будто закрыл кто-то ему рукой глаза.

Падая, он увидел Прохора.

— Опоздал, сынок!

Прохор посадил его спиной к елке, перетянул сыромятным ремнем руку выше локтя и закричал в ухо, как глухому:

— Ултыряне пришли! Ултыряне! Угоним Асыку!

Кондратий и сам видел — белеют среди елушек пестрядные рубахи другодеревенцев.

— Обессилел я, Проша! Подсоби... — Он хотел встать, поглядеть, как побегут воины Асыки. Но вместо Прохора наклонились над ним елушки. Он понял, что не встать уж ему, оттолкнул здоровой рукой елушку и закрыл глаза... Качалась перед ним зеленая рожь, густая и высокая, как лес. Такой он в жизни не видел. Рожь желтела на глазах и душила его хлебным теплом.

А. ДОМНИН • ПОХОД НА ЮГРУ

· СОКРОВИЩА ЦАРЕЙ ВОСТОКА

В покои боярина Вяхиря привели человека с желтым лицом, в одежде из кишок моржа и белых шкурок маленьких тюленей. Он был худ и слаб, только глаза цвета спелой сливы были горячи и полны жизни.

Близ конца земли, где вливается Двина в Полуночное море, в жилище бедного охотника-помора нашли его боярские люди, ходившие за данью.

И узнали в нем Мухмедку-персианина.

Много весен назад приплыл непутевый купец с южными горячими глазами на немецкой крутобокой ладье. И прижился в Новгороде, как свой. Бывало, что надолго исчезал. И опять возвращался то в пышной свите болгарских послов, разодетый в красные мягкие сапожки и длиннополый плащ из лилового бархата, то стриженный под гречанина, в одной нательной рубашонке, с острыми от худобы коленками и локтями. Торговал всякой всячиной, наживал казну и снова становился гол.

Однажды ушел с вольными ушкуйниками на пяти ладьях по хмурой Онеге. Мыслили ушкуйники плыть Полунощным морем дальше Печоры и Каменного пояса, где не был никто из людей.

Ушли, и не стало от них вестей.

Боярин указал принести для хворого подушки и всю ночь пытал его о виденном.

В покоях застоялся запах зимы и пересохшего мха. Чадили свечи, и на стенах колыхались тени.

Сказал боярину непутевый торгаш:

— Телу надобна пища, чтобы сохранить силу, нужна пища глазам, чтобы хранили они огонь жизни и не стали злыми и тусклыми, как у запечной мыши. Я прожил десять жизней и все, что видел и знаю, уснет со мной. Только одно я скажу тебе — чего не может вместить мое сердце, изведавшее сверх меры ужасное и смешное.

Персианин прикрыл рукою воспаленные веки. Он лежал на скамье на подушках и шумно, со стоном, дышал.

— Слушай, боярин, слушай.

В море Сумрака, прозванном греками Медвежьим, когда ветер разорвал на тряпки наши паруса, вспыхнул над нами цветной небесный огонь и пошли к берегу льды высотой в три терема. Наша ладья дольше других уходила в разводья, пока ей не раздавило корму.

Я один добрался до берега. Я шел по земле, где много воды, а белый мох густ и плотен, как зимняя шкура зверя. С головы моей ушли волосы, а зубы я выплюнул, словно

скорлупки лесного ореха. Я добрался до Каменного пояса. Как? Всюду на земле живут люди и, они примут тебя, если не тень меча, а протянутую руку увидят перед своей дверью. Они посадят тебя к очагу и дадут тебе строганные кусочки мороженой рыбы и горячее мясо оленя — все, что едят сами.

— Слушай, боярин, слушай. Я был там, где не ступала нога чужеземца, на горе, похожей на уши крутолобой рыси, где скалы изрисованы темной охрой. У тебя бы лопнули там глаза от жадности и высохла кровь от бессилия. Ты бы остался лежать там скелетом вместе с костями белых коней и сохатых, которых угры по обычаю принесли в жертву своему богу.

В пещере, где воют камни при звуке голоса, я видел безносую статую из желтого золота с монетами вместо глаз. Она была обвешена серебряными ожерельями и поясами, как нищий лохмотьями.

Ты не знаешь, боярин, это было серебро моих предков. Много серебра. Курганы блюд и кубков с начеканенными лицами восточных царей, с грозными фигурами зверей и грифонов. Курганы монет и украшений, смешанные с землей и костями белых коней и сохатых, принесенных в жертву югорскому богу.

Я гладил шершавыми пальцами позолоченную чашу — с нее смотрели глаза парфянского царя Ардашира. Он жил в столетье, с которого считают новое время христиане. И, может быть, он пил из этой чаши солнечное вино.

Я плакал. Ты не поймешь этого, боярин. Я плакал потому, что искусные изделия моих предков, мастеров Хорасана, были свалены у ног чужого безносого бога с монетами вместо глаз. Этого не могло вместить мое сердце.

Вы, новгородцы, ведете счет дней от Гостомысла и не знаете, что было прежде вас.

Было на Востоке в начале новых столетий могучее царство на месте старой Парфии. Правила им персы, прозванные сасанидами.

Если бы на их пир пришел весь Новгород — все равно гости ели и пили бы только из драгоценной посуды.

Но явился среди арабов человек по имени Магомет, и его называли пророком. Он сказал: «Рай находится под тенью мечей». И арабы подняли мечи войны. Великой кровью заставили весь Восток склониться под их знамя и принять новую веру — ислам.

Держать в доме вещь, на которой был рисован человек или зверь, стало равным идолопоклонству.

И тогда густо потекло серебро старой хорасанской чеканки во все дальние земли — на Волгу к хозарам, на Каму к булгарам и еще дальше — по Серебряной реке Нуркат¹ на Каменный пояс. В страну, где белки идут дождем, а соболя скачут черной метелью.

Потекло в обмен на драгоценные шкурки соболя, бобра и рыси. Югра, почитавшая светлый металл больше собственной жизни, платила за него меховыми горами, не зная, что за серебро платят золотом.

И никто не ведает, какие сокровища моих предков скопились у Каменного пояса.

Я так говорю тебе боярин, потому, что мне больно знать это. Больно знать, что труд мастеров Хорасана служит чужому богу.

Нет, я ничего не взял у безносой статуи. Я тихо ушел в тайгу. Ибо чужеземец, увидевший ее лицо, не должен оставаться живым. Таков закон Югры.

Для тебя богатство — то, что ты держишь в руках. Для меня — то, что узнали глаза и уши. Но не все может вместить сердце.

Ты, боярин, похож сейчас на голодную росомаху. Готов грызть меня за то, что я видел это. Ты пойдешь на Югру и разграбишь гору, похожую на уши крутолобой рыси. Но мне теперь все равно. Я рассказал тебе то, что не могло вместить мое сердце, пресыщенное смешным и жестоким.

¹ Река Вятка.

...Непутевый торгаш Мухмедка-персианин не вышел из боярских покоев. Челядинцы шептались, будто отойти в другой мир он поспешил.

Боярин Вяхирь поставил в божнице свечу за упокой иноземца. На всякий случай.

И велел призвать к себе холопа своего Савку.

· ЗАДРЕМАВШИЕ ВЕТРЫ

Непутевому Якову, сыну кривого Прокши, попала вожжа под хвост. Потому ли, что остался не у дел и был искупан в луже веселой новгородской вольницей. Или другая на то причина.

Потребовал он у жены квасу и выплеснул его в цветок, швырнул сапогом в кота, дремавшего на лежанке, и остриг полбороды, смотрясь в начищенный медный поднос.

— Опять приключилось что? — робко спросила Малуша. У нее было добренькое лицо в морщинах, с родинкой на кончике носа.

Яков погладил себя по животу, вдруг хлопнул по нему ладонью и захохотал:

— Глянь, отъелся. Расперло, как надутую лягушку. А рожа, смотри, рожа какая! Словно клюквенным соком налита. Надави — и брызнет. Хоть в посадники с такой рожей просись.

Он хохотал долго и без удержу, охлопывал себя, будто выбивая пыль.

Потом вздохнул, как при боли, и пробасил:

— Помнишь, как выкрал тебя из батиной ладьи? Ни единая душа не заметила.

— Опять уйдешь? — устало спросила Малуша. Она ссутулилась и бессильно опустила руки.

Было сумрачно в доме. Пахло резкой свежестью после грозы.

По молодости гулял Яков на Ладогe с разбойным станом, потрошил купцов проезжих. Был он тогда худошав и смугл, носил в ухе золотую серьгу-полумесяц. Привел однажды в стан перепуганную девицу с родилкой на кончике носа. И венчался с ней под волчий вой и шум сосновый.

А после торговал товарами скупого тестюшки в разных землях, пока не проторговался. Стал сотником и хаживал в воеводской дружине на Чудь белоглазую, в Емь и Кá-релу.

А Малуша только и знала, что готовить его в дорогу да тосковать в одиночку долгие зимы.

На склоне лет пришел было в дом покой. Проворовался настоятель церкви Прасковьи-Пятницы в Славянском конце отец Олфима. Ремесленный люд и купцы растаскали его двор по бревнышку, а самого завязали в мешок и оставили на колокольне. И на вече назвали новым настоятелем Якова — он и в грамоте искусен, и на руку почище.

Яков облачил тучное тело в рясу и принял сан. Прихожане сначала над ним похохатывали. Потом терпели. Кому придется по нраву, если на проповедях у него пересмешки вместо благолепия и торжественности. А исповедовать взялся он так, будто дознание вел: все Расскажи — что, почему и как.

И лопнуло терпение у прихожан, когда однажды во время крестин приковылял в церковь молодой медведь в красной рубахе, сел перед Яковым у царских врат и стал отчаянно вычесывать за ухом. Медведя Яков купил у прохожего скомороха прошлым летом.

Крику и визгу было в церкви! Успел отец Яков затащить Мишку в алтарь и удрать с ним в окно.

Медведь убежал, а Якова изловили. Слегка намяли бока, искупали в луже и прогнали с миром. Остался он при сане и без прихода. Затосковал.

— Чуешь? — спросил он Малушу. — Плесенью в доме пахнет.

И втянул воздух широкими ноздрями.

— Окстись, все двери настезь.

— А я говорю — пахнет.

— Пахнет, пахнет, — согласилась супруга. — Что в путь готовить? И куда?

— Не спеши, — отстранил ее Яков, маленькую, сутулую, печальную.

И на мохнатом белогривом Пегашке уехал к Гостинному полю. Ветры нюхать.

За Крутым порогом на стремнине Волхова стоят в два ряда крутобокие корабли с выгнутыми носами и осевшей кормой. Скалятся сверху на воду безглазые звериные пасти на длинных шеях. Все, как в песне поется:

Нос-корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.

На берегу — костры, толчея, разноязыкое веселье.

Яков расправил плечи и запрокинул голову.

Неподвижен и чист воздух. Прозрачны зеленоватые струи Волхова, и небо вдали цвета прозрачной зелени.

Яков идет по сырому песку от ладьи к ладье, втягивает воздух широкими ноздрями, морщится или с наслаждением чмокает, прикрыв глаза.

К тонким запахам воды, сырых камней и дыма при- мешались неуловимые ароматы имбири и корицы, нездешних плодов и пряностей. Пахнет застоялыми трюмами, мокрой солью и задремавшими в мачтах дальними ветрами. Просторен мир и непонятен.

Осел на один бок облезлый кораблик на мелководье. Струи лижут зеленую морскую накипь на днище. Воткнулись в песок весла, и на щегле свисают оборванные снасти и тряпки паруса. На бруске борта спит человек с бритой головой, свесив за борт босую ногу.

Яков щелкнул по борту камешком. Крикнул бритому:

— Откуда?

Тот поднял голову, сплюнул и не то обругал, не то ответил.

Хорошо Якову.

Человека гонит в дорогу мечта. Или беда. Или леший его знает что — ноги должны ходить, а глаза видеть.

• ВОЛЬНЫЙ ГОРОД

Велик и славен город на Ильмень-озере. На торжище под Горой — даже слепой прозреет и растеряет глаза в тысяче-голосой толчее, где меняют венгерских иноходцев на греческий бархат, где немчин сыплет арабское серебро за многопудовую болгарскую медь, где целуются и дерутся, и пестрят перед взором лохмотья и золото. Горы товаров. Серебристые соболи и бобры, не имеющие цены на Востоке и Западе, клыки моржа, чистые, как слоновый бивень, воск, янтарь, кожи, злобные северные кречеты, нежные осетры — вот оно, богатство Новгорода.

Велики владенья Новгорода — от Балтийских берегов до Каменного пояса его чети и поселения. Чудь белоглазая и Карела, Емь и Самоядь, что живет у моря и боится воды, Великая Пермь, что не умеет делать железа, и загадочная Югра — все данники Новгорода.

Но только слабый принесет дань своею волей, да еще и поклонится.

О богатствах строптивой Югры рассказывают легенды. Но легче в Грецию сходить, чем добраться до Каменного пояса. И никому не ведомо, чем будет потчевать Югра — лаской или стрелами.

Шесть годов назад хаживала к ним новгородская дружина. Обожглась. Кому довелось вернуться, про такие страхи рассказывали, что не каждый теперь снова идти отважится.

Тогда же ушел вслед войску изгнанный из Новгорода дядька Якова — Помоздя, прозванный Молчуном.

Больше одного слова за день от него никто не слыхивал.

Коли осерчает, мазнет кулаком обидчика по скуле, сплюнет и уйдет, пока тот на земле барахтается. Побитый только утрется, но шум поднимать не станет. Потому что ходила за Помоздей слава человека справедливого, зазря не ударит.

Однажды на торжище уложил он купца, менявшего гнилые кожи. И кожи его изорвал. Купец еле оправился, занкаться стал. И призвал Помоздю на суд за обиду и за то, что подстрекал он якобы чернь на грабеж и смуту.

Такого навета Помоздя стерпеть не мог. Перед долгоплыми боярами и посадником еще раз ударил наветчика, да так, что из того торгашеская душонка вытекла прочь.

И ушел из города с тремя такими же несловоохотливыми сынами куда глаза глядят, куда ноги несут.

Вернувшийся из Югры дружинник сказывал Якову, будто бы видывал сынов Помоздиных за Великим Волоком, в междуречьи Печоры и Вычегды. Батю они схоронили и поставили в том месте избенку.

Тогда же выменял у дружинника Яков выцарапанный на бересте чертеж путей через Пермь Великую на Каменный пояс. Клялся дружинник, будто другого такого чертежу нету, что по нему еще век назад Гурята Рогович хаживал на Печору «через леса, пропасти и снега».

Был год 1193-й. Снаряжал новгородский воевода Ядрей дружину. В дальние земли, на Югру.

Сговорился Яков с лузатым воеводой, что сам поведет его разбойное войско.

Давал воевода Якову коней и все, что надобно для войска в двести топоров, за это требовал три десятины добычи.

Яков помолодел. Скинул рясу и вдел в ухо золотую серьгу-полумесяц, с которой гуливал в атаманах в давние годы.

Осень. Кулаются в канавах потяжелевшие гусята. На Кожевенной улице колышется парок над колодцем долбленного из сосен водопровода и воняет кислыми кожами.

Едет на своем медведе верхом захмелевший Яков, без

шапки, с золотой серьгой в ухе. У медведя бубенцы на шее, красная рубаха снизу иссечена в ленты.

За Яковом с посвистом и приплясом бегут ребятишки и зеваки.

— Эй, люди честные, силачи записные, кому охота о мишкины бока руки почесать?

Выехал было из низких ворот мужичок на лошади. Конь захрипел, попятился и понес седока во весь опор через огороды.

У ворот жметса детинушка в косую сажень ростом. Он с котомкой, в лаптях и порванной до пояса полинялой рубахе.

Яков подвел к нему зверя и вдруг испуганно крикнул:

— Боярин!

Мишка присел и закланялся, жалостливо постанывая.

Детина почесал волосатую грудь и отошел.

— Не уважают мишеньку, — погладил Яков зверя. — Обидели мишеньку.

Медведь облизнулся розовым языком, скопил маленький глаз и пошел на детину, позвякивая бубенцами. Детина попятился.

— Отгони зверя. Зашибу ненароком.

Ударил мишку ладонью в нос. Тот отскочил, взревел и двинулся на обидчика.

Улюлюкали и хохотали молодцы и зеваки, приплясывая от потехи. Детину и зверя прижали к забору. Тот сдвинул медведю лапы и крикнул:

— Уберите, зашибу!

И вдруг выломил из забора слегу. Перехватил его руку Яков, крикнул мишке:

— Умри!

Медведь снопом повалился ему под ноги. Детина шумно сопел, серые глаза были злыми.

— Зовут как?

— Омеля. Почто зверем травишь?

— Пойдешь ко мне в дружину?

Детина подумал. Поднял с тропки оброненную кем-то берестяную грамотку. Прочел по слогам: «Недоумок писал, совсем дурак, кто читал». Отбросил в сердцах. Мрачно ответил, поглядывая на золотую серьгу:

— Не пойду. Пусти.

— Беглый? — прищурился Яков.

Детина вздрогнул, ссутулился и замахнулся:

— Иди ты...

У него были воспаленные затуманенные глаза голодного человека.

Любопытные уже запрудили улицу, задние тянули шеи и напирали на спины, не зная в чем дело.

К Якову протолкался Савка, дворовый человек боярина Вяхиря.

— Атаман, — снял он шапчонку. — Меня на звере испробуй.

Был Савка невысок ростом, но кряжист и крепок, как старый дубовый пень. У него были длинные не по росту руки, одной левой мог он подкову согнуть.

Был Савка зол на весь белый свет. За свои злосчастия.

Промышлял он прежде ремеслишком: вил тонкую скань, нанизывая на нее мелкие бусины и стекляшки, сбывал невзыскательным деревенским молодухам.

Но был в городе мор и голод. Пришел с ладожской стороны волхв и звал зорить боярские дворы.

Гуляли пожары, на улицах оставались несхороненные тела. И никто не хотел смотреть на дешевые Савкины безделушки.

Тогда и разорился Савка вконец и проданся Вяхирю взакуп. А на боярский двор только ступи — вмиг окажешься в холопах. И не выйдешь из кабалы.

Утром призвал к себе Вяхирь Савку и сказал, чтобы шел на Югру с атаманом Яшкой.

— Вперед вместе, а назад один. Уразумел?

— Уразумел, — ответил Савка, и кровь отхлынула от лица.

— Путь примечай, потом меня с войском поведешь. В атаманы выйдешь.

Нетороплив боярин Вяхирь. Хватка у него медленная и мертвая. Не бросится он в неведомую даль сломя голову. Он подождет, подготовится и нагрянет с крепкой дружиной в гости к золотому безносому богу. А пока...

Посулил боярин Савке почет и волю. И добавил, ласково улыбаясь:

— Пришли-ка на двор бабу с отроком. Пусть пока глину месят при холопской гончарне.

У Савки перехватило дыхание.

— Помилосердствуй, батюшка!

Прищуренный глаз боярина был желт и холоден.

— Пшел.

Есть ли что на свете страшнее неволи?

Десятый годочек сыну Тишате. Болезненный он, несмелый. Выпрашивает на бойне бычьи рога и режет из них что надумает. Искусно точит зверюшек тонкими ножичками. Чистенько. Днями вырезал гребень с дерущимися коньями — каждый волосок проточил на гривах.

Не потрогал Савка радости. Так хоть Тишате ее узнать бы.

Рви себе лицо, бейся о землю, кричи — ничто не поможет. Будут Тишата с матерью месить едучую глину босыми ногами на морозе, подливая в нее горячую воду. Сперва потрескается кожа на икрах, а потом засверлит кости нестерпимой болью.

Будь проклята кабала! Ногти в кровь издерет Савка, а выкарабкается. Должен вернуться он с ношей мехов и себребра. Поставит свои лабазы в меховом ряду, заведет торги, и будут перед ним черные люди шапки ломать, как ломают нынче перед Яковом.

К горлу подступила дурнота и мешала дышать. Будто ворочался в груди темный лохматый зверь.

Говорят, очищается человек, изведав несчастья в полную меру. Станет крепок и светел сердцем. Так ли? А если

беда ему не по силам? Согнет она и сломит. Душу наполнит желчью; а взгляд — отчаянием, как у затравленной собачонки.

Медведь тянул Якову лапу и звенел бубенцами, вымаливая сладостей, как последний попрошайка.

— Испробуй, — кивнул Савке Яков. — Повалишь зверя наземь — даю две куны серебром. Он одолеет — не взыщи: потешная порка.

— Ладно.

Бросил Савка наземь шапчонку, обошел зверя. Тот косил глазом и переступал за ним по кругу.

Савка нырнул ему под правую лапу и оказался сзади. И повис на ушах у зверя, упершись коленом в горбатую спину. Мишка взревел, запрокинул голову.

У Савки на шее надулись жилы. Всею силой рванул зверя на себя, мишка оступился, шмякнулся и перекатился через голову.

Толпа ревела. Взбешенный медведь наступал на Савку во весь свой рост с налитыми кровью глазами. Савка поднырнул ему к животу и вцепился в красную медвежью рубаху, провонявшую прелой шерстью. Медведь пытался схватить его короткими лапами и больно бил по плечам.

— Моя взяла, — хрипел Савка. — Моя взяла.

— Его победа! — кричали в толпе. — Плати куны!

Яков отогнал зверя и взял его за цепь. Бросил, не глядя, Савке серебро.

— Не надо, — сказал Савка. — Возьми в свою дружину, пригожусь.

Он стоял, прижав к груди шапку. Глаза были скрыты тенью.

• ПУТЬ

Двести молодцов, крепких и широкогрудых, отобрал Яков в разбойное войско. Был тут Савка — подневольный чело-

век, Омеля, сын колдуна Волоса — Зашиба, черный, будто Кошей, воеводские дружинники и вольные люди, богатенькие и беспортошные.

Долог путь. Спешили ушкуйники достигнуть до ледостава Устюга Великого, что стоит в устье Сухоны-реки на Двине.

Были дожди. Затяжные и холодные. Промокла земля, промокло небо, промокла и задубела одежда.

Потом дохнуло морозом, а тучи стали синими и тяжелыми. Мокрый снег слепил коням глаза. По утрам они резали ноги о молодой острый ледок, скользили и спотыкались.

Грузный Яков похудел и подтянулся. Стал сосредоточен и молчалив. Только иногда вдруг заболтает ногами на своем белогривом Пегашке, засвищет разбойничьим по-свистом и пустится вскачь по избитой дороге.

Остались позади Векшеньга и Тотьма — погосты новгородских доможирцев, собирающих дань с местных племен.

Яков ехал впереди, сунув шапку за пазуху. Был морозец и ветер. Запоздалые листья, желтые и пурпурные, летели на снег и под ноги коням. У щеки Якова покачивалась желтая серьга, похожая на жесткий осенний лист.

Савку злила эта серьга. Легко дается Якову жизнь. И он кичится этим. Савке бы это золото. Савка бы зажил.

Он не знал, как бы он зажил, но при одной мысли об этом сердце купалось в тепле.

Яков придержал коня и крикнул:

— Уговор таков: счастье найдем — всем по доле делить. На беду набредем — чур мне одному.

— И мою прихвати в придачу, беду-то, — мрачно откликнулся Омеля.

— Твою не возьму, — посерьезнев, ответил Яков.

— Почто?

— Прожорлива больно, не прокормить.

Захохотал и стал ловить листья в кулак.

Войско растянулось по лесной тропе, и шутку переда-

вали едущим сзади, она катилась дальше и дальше, с добавлениями, пока не взорвалась визгливым смехом последнего ратника.

Омеля сопел и смотрел на поникшие уши коня. Медлителен он умом и телом, и над ним посмеиваются все, кому не лень. Он покорно сносит обиды, разве что шлепнет пересмешника в сердцах по затылку.

Только одно задевает до боли.

Он был всегда голоден. Мальчишкой, когда дрался с братьями из-за пыльной сухой корки, найденной под сундуком. Отроком, когда княжий тиун, исхлестав отца плетью по лицу, увел со двора коровенку, и они мололи тогда зерно с лебедой и липовым цветом. Потом пас Омеля княжеских свиней и копал с ними сладкие корни медвежьего лука. Младший братишка был слеп, и Омеля приносил ему корни рогоза и медвежьего лука как лакомство.

Бежал Омеля от нужды в вольный Новгород. Но волен он не для тех, у кого вся казна — порты да лапти. Пробивался случайными работами, пока не упал на дворе гончара. Три дня не евши, нанялся колоть дрова. Исколол три поленницы и упал. На счастье, толстая повариха от доброго сердца стала потом подкармливать хозяйскими объедками.

Ему, Омеле, немного надо. Ему — работу и пожрать вдосталь. Ежели вернется из Югры с мешком серебра и мехами обвешенный, купит жареного на вертеле барана. И серьгу, как у Якова, в ухо повесит.

— О чем позадумался? — окликнул его Савка.

Омеля сладко потянулся и сказал о серьге.

Савка выругался про себя. Недоумок! Его головой орехи колоть.

Но Савка неспроста присматривался к Омеле. Если его распалить — осерчает и грозен будет во гневе. Не удержишь ничем.

И к другим присматривается Савка. Молчаливо, исподлобья.

Робеет Савка перед Яковом. Тот похож на одичавшего жеребчика, не знавшего хомута. Словно мир — веселая степь, где вволю корма и тепла.

— Ты на мальчишку похож, — сказал Якову Зашиба, сын колдуна Волоса, черный, будто кашей. — Говорят, к старости в детство впадают.

Яков расхохотался.

— Для мальчишки земля — сказка, и он ищет чудеса. Что же в этом плохого?

«Конечно, жеребчик, — подумал Савка. — В мальчишестве все жеребчики. А как оденут хомут и впрягут в телегу, так и глаза потускнеют, вылезут ребра и подогнутся коленки. Будешь смотреть под ноги и дремать на ходу. И Тишате моему та же участь».

Ночевали в маленькой деревеньке на три двора.

Яков с наслаждением вытянулся на печи, разморенный теплом. Задремал и проснулся оттого, что зудели спина и руки. На полу вповалку храпели ушкуйники. Яков зажег лучину. По закопченной стене ползли клопы. Они вылезали из щелей, проворно бежали на потолок и падали оттуда легкими капельками. Яков стал сшибать их щелчками и палить лучиной.

Потом изругался и вышел на крыльцо. Оно было скользким от инея. Столбы покосились, как покосилась и сама изба.

На завалинке сидели колдунов сын Зашиба, Омеля и еще несколько ушкуйников.

— Завсегда она сзади идет, — рассказывал Зашиба. — Почуешь вдруг, что в затылок дышит, обернулся — хватить! А се уж и нету, пусто в кулаке. Так она и ходит.

— Кто? — спросил Яков.

— Беда. Есть маленькие беды, а есть главная. Мне бы вот се встретить и хребет заломить.

— Ты хоть видел ее в глаза?

— Не-е. А вот скажи, рождается человек и есть у него руки и разум. И каждый своим велик и с другим не схож.

Только один родился сразу боярином, а другой лапотником.

— Так господь предрешил.

— А почто он так предрешил? Сказывают, прежде все боги жили вместе и ели из одной чашки. И наш Христос, и дедов Сварог, и заморский Аллах, и все, какие есть. Перессорились они, споря, кому первым быть, и ушли со своими племенами в разные концы земли. С той поры и затевают племена вражду меж собой, потому что их боги в ссоре.

— Голова у тебя всякой всячины набита, — рассердился Яков.

— Это верно, набита, — согласился Зашиба.

Не то волнует Якова, не божьи споры. Манит его мутная лунная даль, будто откроется за нею такое, о чем всю жизнь тосковал. А тоска эта хуже бессонницы.

Говорят, человек поймет, что есть родина, когда потеряет ее. Говорят, прозреет он и поймет, что есть жизнь, в последний ее миг. Что ищут на земле люди? Что ищет он, Яков, сын кривого Прокши?

— Явился однажды господь перед умирающим с голоду, — снова стал рассказывать Зашиба, — сказал: — Что ты хочешь? Проси — и я тебе дам.

— Дай хлеба, — сказал умирающий с голоду.

— Только хлеба? — удивился господь бог. — Проси лучше золота. На золото ты купишь еды сколько хочешь.

— Дай золота, — сказал умирающий с голоду.

— Только золота? — спросил господь. — Я могу дать тебе власть, и все богатства твоих подданных будут твоими.

— Дай власть, — взмолился умирающий с голоду.

— Ты просишь только власти? — усмехнулся господь. — Все можно взять силой, кроме любви. А любовь дороже всех сокровищ.

— Дай мне любовь, — запросил умирающий с голоду.

— Я могу тебе дать любовь, — сказал господь. — Но разве только в одной любви счастье?

— Дай мне счастье! — закричал умирающий.

И умер с голоду.
Зашиба вздохнул:

— Вот так.

Яков взял Зашибу за плечо и заглянул в лицо.

— Правду говорят, что ты сын колдуна?

— Правду, — серьезно ответил Зашиба. — А про правду и кривду тоже есть такой сказ...

— Хватит, — остановил его Яков. — И вкусным отравиться можно. Если без меры потчуют.

— Не-е, — замотал головой Омеля. — От переедания еще никто не умирал.

А утром, когда собирались в путь, Омеля вдруг захотал:

— Ему, недоумку, кроме хлеба, и не надо ничего. А он, вишь ты, счастья захотел.

Пока добрались до Устюга Великого, маленького городишки, из-за которого шли раздоры у новгородцев с суздальским князем, пала зима.

Переснарядились по-зимнему. И снова студный ветер сушит щеки, а рубаха мокра от пота.

Падает медленный снег на черные огнища на местах ночевок, падает на широкий лыжный след, уходящий вверх по Вычегде. Кружится над истоптанным болотом, где волки рвут брошенную ушкуйниками голову сохатого и хватают залитый кровью снег; над землянкой охотника-пармека, где причитают женщины, потому что чужие люди на лыжах унесли с собой весь запас рыбы и мяса.

Парма... Тайга... Есть ли ей конец на земле? Тишина и снег, расписанный следами зверюшек и птиц. Чудится, что где-то в ее глубине, за дремлющими елями откроется вдруг хрустальное царство мороза и лешего.

В верховьях Вычегды, близ волоков к Печоре и Каме, стоит почерневший домишко с изгородью. Видимо, это и есть Помоздинский погост. Яков еле сдержал себя, чтобы не побежать к нему во весь дух.

Избенка была пуста, с заиндевелыми внутри стенами и

запахом гнили. Столешницу выгрызли крысы, в углах бахромы тенет и копоты.

А вокруг — ни следочка.

Ушли от избы подальше, стали рубить шалаши и ноды. Нарочно весело и шумно, чтоб забыть запустенье и холод покинутого жилья.

Хлещет тишину топорный перестук. Мягко падают, прощуршав, снежные шапки с еловых лап, и долго не оседает колючая белая пыль. Мелко вздрагивают ветви. И вдруг тяжелое дерево, словно выпрямившись от боли, замрет и рухнет со свистом, ломая мерзлые сучья.

Яков думает о Помозде и его сыновьях. Вернулся к избенке, постоял, сняв шапку, и поклонился ей, перекрестившись. Земля — мачеха. Куда ни беги — везде мачеха.

Вернулся к ушкуйникам притихший, будто враз осунулся и потемнел лицом. Омеля спросил:

— Ведь мы того охотника косоглазого, что повстречали, ограбили. Все, как есть, унесли. Сгинут теперь его ребятишки. И он.

Омеля знал, что такое голод. Яков зло ответил:

— Ну, сгинут, тебе что за дело? Мы с тобой путь прокладываем господину Великому Новгороду. Понял?

Савка врубался топором в толстую пихту. Рубил с остервенением, ухая при ударах. За ворот набился снег и таял, стекая струйками по спине.

Кто-то подошел сзади. Савка оглянулся — Яков. Тихо, будто в шутку, сказал:

— Тяжела у тебя рука, Савка. Не доведись под нее попасть ненароком.

У Савки прошел по спине озноб. Стиснул зубы и отвернулся. Неужели чувствует Яков недоброе?

Ночь шла белесая и теплая. Дым от костров стелился низко, как полоса тумана, и щипал глаза.

— Правду говорят, что в Югре люди рогаты и с песьми головами? И будто через дыру в скале торги ведут? — спросил Омеля.

— Дурной ты, — выругался Яков. — Лучше спи, авось морозец совсем спадет.

— Почто?

— Храпу твоего не выносит: тает, как пар.

У костра прыснули. Яков не смеялся. Омеля потер лоб, не зная, обижаться или нет. Сказал:

— Напоперек спать не буду.

Ратники повалились со смеху.

Омеля постоял, плюнул и отошел.

Ночью Савка подполз к нему. Омеля лежал на пихтовой хвое, забросив руки за голову.

Белесая тьма колыхалась меж елей, выползала из-под хвои. Лес стал гуще и плотней придвинулся к костру. В вершине березки запутались звездочки и беспомощно подмигивали. Из темноты доносились шорохи. Казалось, кто-то осторожно бродит вокруг.

«Фу-бу! Фу-бу!» — по-страшному ухнуло в тайге.

Омеля вздрогнул, прислушался.

— Леший.

— Он, — шепнул Савка. — Заведет нас Яков в самые его лапы.

— Не должен, — недоверчиво протянул Омеля. Помолчал и добавил:

— Ну и жутко. Будто мы воры — в чужом терему хоронимся.

«Фу-бу! Фу-бу!» — снова повторилось в тайге.

— Шубу просит. Спросить у Якова, да бросить ему шубу, лешему-то.

— Придумает! — вздохнул Савка. — И так косится на тебя Яков. Говорит: лопаешь за четверых, а в работе не тароват. Посмешки-то не зазря устраивает.

Савка увидел, как сузились глаза Омели, как заходили желваки на скулах.

— Не тароват, — ворчал Омеля, — да я, да я... — Он сжал кулаки и потряс ими.

«Фу-бу! Фу-бу!» — совсем близко проухал голос.

Омеля поднялся — большой и грозный, постоял и взялся за топор.

— Я им покажу — не тароват. Самого лешего за шиворот приволоку, — вдруг выпалил он. — Все увидят! Эй, леший! На тебе шубу!

Тяжелыми шагами двинулся Омеля в белесую тьму.

С рассветом веселилось все войско. Виданное ли дело, с топором на филина идти?

— Он тебя в зад не клюнул? — приставал Яков к Омеле. Тот молчал и зло ворошил палкой в костре.

«Заело», — подумал Савка и ухмыльнулся.

Потеряли ратники счет дням и неделям. Истомились, устали. Распухли помороженные лица. Кончились сухари. Яков подбадривал:

— А у Югры соболей да серебра — хоть плотину крой. Глаза разбегаются.

Вел Яков людей по приметам на берестяном чертеже и старался держаться ближе к вершинам оврагов.

Однажды, чем-то встревоженный, отошел от стоянки. Кто-то лохматый метнулся к нему из-за ствола и облапил сзади. И рухнул, подмяв под себя. Огромный бурый медведь-шатун с рассеченной головой лежал на Якове, а над ним стоял Савка. Помог он Якову выбраться из-под туши.

— Не шмякнул он тебя, атаман?

— Зашиб малость. Не забуду руки твоей, Савка, — пикнуть зверю не дал. Век не забуду.

Сбежались ратники. Савка отошел и принялся свежевать зверя.

Яков тряхнул головой и подмигнул Омеле:

— Хочешь, мы тебя над Югрой князем посадим?

— Ни к чему, — огрызнулся Омеля.

— И правда, ни к чему. Проешь все царство за один прием.

Омеля покраснел, губы его скривились.

— Не тароват, говоришь! Едой попрекаешь? — Он двинулся вдруг на Якова.

Тот улыбался.

Омеля мрачно огляделся вокруг.

— Уйду.

Первый раз увидели воины этого добродушного детину в такой ярости. И с чего? С шутки рассвирепел.

«Самое время не дать ему остыть, — смекнул Савка, — самое время».

На стоянке, будто ненароком, он бросил ему:

— Замыслил что-то атаман. Ласков стал. Неспроста.

Омеля молчал. Савка не знал, с чего начать разговор.

Вздыхнул, потеревил бороду.

— Я бы на твоём месте не простил обиды, — снова начал он. — Яков думает, что мы без него пропадем. Да не пропадем! Дорога теперь известная.

Омеля обхватил колени и сидел не двигаясь.

— А что Яков супротив тебя? — пел Савка. — А ничто. А тайга — она все укроет.

Омеля удивленно покосился на Савку, поморгал светлыми ресницами.

— Ты о чем это?

— Тайга, говорю, все укроет.

— Укроет...

Омеля насунил, потер лоб грязной рукавицей. Спокойно спросил:

— Ты вроде бы про смертоубийство?

Савка похолодел. Он увидел, как поджались у Омели губы. Непонятно устроена у него голова: вычудит такое, чего не ждешь.

— Какое смертоубийство? — заюлил Савка. — Перекрестись, Омеля. Я говорю, тайга — она страшная, все пропасть можем. Придумаешь — смертоубийство! — И задом, задом попятился от Омели. Тот провожал его тяжелым, подозрительным взглядом.

«Пошто он мне про обиды толкует? — соображал Омеля. — Со своей корыстью толкует? Тайга — она все укроет... Не добро у него на уме...»

Трое ушкуйников ушли по следу лосиного стада и не вернулись. Ждали их день — и двинулись дальше.

Пал мороз, обжигавший горло и легкие. Воздух шуршал при дыхании.

Под снегом и льдом была топь. На широких сугробах-кочках стояли чахлые промерзшие сосенки. По сосенке на каждой кочке.

Молодой ратник, протаптывавший путь, вдруг взмахнул руками и провалился под снег. Он барахтался в черной жиже, она дымилась белым густым паром и расползалась, съедая снег. Ушкуйники отступали.

Ратнику бросили вывороченную сосенку. Он не мог ухватиться за нее побелевшими пальцами, вцепился зубами. Глаза у него были желтыми и безумными.

Он окунался в топь без крика. Вода подернулась льдом, а под ним колыхались белые пузыри.

Теплые ключи!

Ушкуйники уходили от этого места торопливо, не чувствуя усталости. Пока не пала ночь.

А с нею пришел страх, от которого немели плечи и мутился разум.

На кочках горели маленькие костерки, и люди жались друг к другу — только бы не уснуть, только бы не уснуть.

Савку знобило. Он сжался в комок, чтобы сохранить тепло. Завел непутевый атаман. Никому не выйти из этой пустыни, нет ей конца. Так пусть сперва сам хлебнет черной водицы. Сейчас людям только шепни, взбудоражь их — разорвут Якова. Но Савка медлил.

Слипались веки.

Виделось ему, будто в сенокосный зной, разомлев от работы и жара, прилег он под копной у дороги. А сынок Тишата поднес к его губам жбан с ледяным квасом. У Тишаты облупленный от загара нос и широкие, как у матери, белые зубы. Он смеется, квас пахнет сухими цветами хмеля. Савка силится улыбнуться и не может. Лень и дремота растекаются по телу.

Как в маленькой ямке сжались маленькие люди, а над ними опрокинулось огромное звездное небо и тишина. Ужас и трепет проникали в сердце от этой огромности мира и беспредельного холодного безмолвия.

Яков запел молитву.

Он был похож на колдуна, на призрак — у сиротливого костерка, с возведенными к небу руками.

Ушкуйники, охваченные глубоким чувством торжественности и одиночества, глухо повторяли его слова. Они стояли на кочках у маленьких кострищ, закутанные до носов. Это была странная молитва — христианскому богу и водяному, взявшим в жертву белозубого ратника, звездам и смерти, безмолвию и далеким новгородским людишкам, спавшим в тепле.

Она была больше похожа на тоскливый стон, на немую песню.

Яков сорвал голос. И тогда запел Зашиба, сын колдуна Волоса.

Во долинушке — злой пустыне —
Не лебедушка криком кричит —
Беспортошные люди — ушкуйники —
Из полоха-неволи идут.
Ты укрой меня, злая пустыня,
Чтобы враг меня не настиг,
Он мне вырежет печень и сердце —
Встрепенется оно на ноже.

Яков хрипло приказал собираться в путь.

Они будут идти и день и ночь, пока не пройдут эту пустыню.

Иначе — смерть.

Беспредельным и синим было небо в холодных огоньках звезд. И густая краснота углей на кочках казалась холодной.

Войско уходило в темноту, в холод.

Через два дня, когда ушкуйники вышли в чистый сосновый бор, Яков позволил большой отдых вконец измотанным людям.

• ЛЕШИЙ

Якову приснилось, будто пузатая, в его рост жаба вылезла из-под корня и уставилась на него тусклыми, как влажные камни, глазами. У нее были вывороченные губы и темный горб. Она коснулась его щеки теплой шершавой лапой. Яков стряхнул ее и открыл глаза.

Громадная губастая морда, склонилась над ним и шумно втягивала воздух. Широкий, как лопата, рот качнулся на фоне темного неба.

Яков на миг онемел. Вдруг стало жарко, а под лопатками побежал озноб.

Морда вскинулась вверх, и тень громадного зверя метнулась во тьму. И будто еще тень — человека — исчезла за нею. Они убегали, ломаясь сквозь заросли, тяжело подминая снег.

Яков вырвал из изголовья топор и вцепился в рукоять до боли в пальцах. Ему показалось, что стоявший над ним зверь был невероятно огромным.

Тускло шаяла нодря, постреливая искрами в снег.

Тишина отдавалась в ушах тонким звоном. И вдруг застонал кто-то, заухал и смолк, прислушиваясь. Осторожно пошел вокруг лагеря: хруст-хруст. И снова тонкий и резкий свист метнулся из ночи. Казалось, что свистят со всех сторон.

Ушкуйники сбились группами и не смели дышать. Были напряжены, как и тетивы их луков. Вот он, настоящий леший.

Всю ночь хохотал и свистел леший. То продирался сквозь чащобу, то осторожно крался в мерцающем мраке. Кричал:

— Уходите! Уходите!

С рассветом он ушел.

Ушел торопливо, будто убегал. А может быть, и притаился.

Разговаривали шепотом.

Проснулся Омея и не мог понять, чем встревожены люди. Настоящего лешего он проспал. Но ушкуйникам было не до смеха.

В тайгу уводили глубокие следы сохатого, а рядом шла свежая широкая лыжня. Словно охотник прошел за лосем.

— Вдвоем был с лешачихой, — сказал Савка.

— А может, он сразу два облика может принять — звериный и человеческий, — шепотом ответил высокий ушкуйник, заросший бородой до глаз.

— Руки, говорят, у него длинные, до пяток, и лохматые.

Ушкуйники роптали.

— Закружит.

— Здешний он, не наш.

— Из-за Омели осерчал, что с топором на него ходил.

— Ясное дело. Ежели крови лизнет — отступится.

Омея, прижатый к тонкой осинке, непонимающе моргал. Лица ушкуйников были красны, они напирали, не поднимая глаз, будто хотели боднуть.

— Чаво вы, — хохотнул Омея. — Я ж ничаво...

— Еще и ржет!

Савка стоял позади Омели. На него напирал и подталкивал дядька с заросшим до глаз лицом. Наплыл на глаза красный туман, только клочок белого меха, торчащий из прорванной на плече Омелиной шубы, видел Савка. Еще миг — и Савка вцепится в этот клочок. Или в шею. Не сознавая, что делает.

— Братцы, смотрите, кого я поймал?

Яков держал за уши зайца. Тот трепыхался и вращал глазами. Яков бросил зайца в толпу, зверек подпрыгнул чуть не до носа Омели, выскочил из-под чьих-то ног и метнулся под ель.

Омея вдруг остался один у осинки. Ушкуйники прятали глаза, спешили убраться.

— Я вам покажу самосуд, — со сдержанной злостью произнес Яков. — Слышите? Кто трусит — не держу. —

И захохотал. — Рожа у тебя, Омеля, как у того зайчонка. Пойдем-ка мы теперь с тобой вместе к лешему в гости — авось, горячих щей подаст.

Приказал Яков достать по два сухаря из тощих котомок и оставить на поваленном кедре.

Двинулись по следам лешего. Лыжня шла по вершинам овражков, лосиный след иногда отходил. Зверь оставливался у молодых осин и объедал побеги. Станный леший. Не слышал Яков, чтобы лесной хозяин грыз основные ветки и молодые побеги сосны.

Тайга молчала. Снег был искристым и голубоватым.

Вдруг вышли на утопанную лыжню.

— Наша лыжня, — сказал Яков.

Было видно и кострище, где они ночевали.

— Закружил, проклятый.

На лыжне стоял рыжебородый человек с голубыми глазами. Он несмело двинулся навстречу и протянул руки. У него вздрагивали губы:

— Братцы, русичи!

Он обнял Омелю и заплакал, уткнувшись в его грудь. Омеля попятился. Яков спросил:

— Кто ты?

Рыжебородый смотрел на него сияющими глазами и шептал:

— Свои, родные мужики...

— Далеко до Югры?

В глазах рыжего метнулся испуг.

— Уходите, — мрачно потупился он. — Зачем грабить нищих.

Есть на Вятке два поселения — Хлынов и Никулицын. Их срубили беглые из Суздальской Руси мужики. Из Хлынова и ушел рыжий Ждан с женой искать обетованную землю. С верховьев Камы спустились они до быстрой студенной реки, где начинались горы. Занедужила женка и

померла. На высоком камне, откуда всюду видать, выдолбил Ждан могилу и поставил желтый смолистый крест. И сам тут остался.

Однажды старый югорский охотник Вах увидел на березе медведя. Достал тяжелую стрелу, но вдруг медведь заругался и затряс рыжей бородой. Перед ним на суку шевелился, как живой гриб, рой диких пчел.

Рыжий потряс над ними мокрым веником и стряхнул в мешок.

Спрыгнул и заплясал под березой. У него было перекошенное распухшее лицо и совсем заплыл один глаз. По рубахе ползали быстрые пчелы.

— Эй, — позвал он Ваха. — Чего рот разинул?

Вах несмело подошел. Намотав на руку шапку, стал сбивать пчел.

Потом они хлебали у костра уху, смеялись и хлопали друг друга по спине.

Рыжий умел делать железо и ткать из крапивы полотно, ведал, каким потом надо полить каменистую землю, чтобы стала рыхлой и родила рожь. Он умел приучать диких пчел и вырубать богов из мягкой липы.

Он поставил избу с крытым двором на лысой рёлке и выменял у Ваха двух собак на топор. Вах прищелкивал языком и не мог нахвалиться дружбой с рыжим чужаком.

Шаманка Тайша, старуха с лицом сороки, сказала:

— Куда пришел один — придут и другие.

Старый Вах замахал на нее руками:

— Он сделал ручным лосенка и хочет пахать на нем землю, когда тот вырастет. Он научит нас делать железо и хлеб. Пусть он будет нашим другом.

Князек племени сказал:

— Пусть жжет сигнальный костер, если увидит пришельцев. И платит десятую часть от меда, хлеба и добычи.

Рыжий Ждан выходил на скалу, сидел на камне возле креста, разговаривал с могилой, смотрел туда, где засыпает солнце. Он ждал своих. Пять весен и зим.

Много ли человеку надо? Клочок поля и баньку, чтобы пронарить уставшие кости, студёный ключ под горой и уверенность, что ты сам себе хозяин. А ещё — живую душу рядом, ибо при одиночестве не узнаешь свободы.

Югорские охотники пугливы, как дети, и подозрительны, как старухи. Поклоняются женщинам, не в силах постигнуть тайну рождения ребенка, почитают серебро, луну и медведя и приносят жертвы рубленным из ядра идолам. Как дети.

Однажды увидел рыжий Ждан далекие костры и людей. Это было новгородское войско. Ждан не зажег сигнальный костер. Ждан ухал лешим вокруг лагеря. А потом вышел навстречу.

— Земля здесь не мерена, — сказал он сгрудившимся ушкуйникам. — Вместе обживать станем. Югра, если к ней по-соседски, не тронет. На первый случай избенка есть у меня, баня.

Новгородцы слушали молча, у каждого есть она — мужицкая тяга к вольной земле.

А семьи как? А дома?

— Правда, что серебро югра лопатами гребет? — спросил Савка.

— Про то не ведаю, — нахмурился Ждан.

— Для чего ты все это сказываешь? — прищурился Яков. — Чтоб смуту в людях посеять? Кто тебя подослал?

— Никто не слал. Сам зову — оставайтесь добром, здесь воля.

— Ишь, — усмехнулся Яков. — Леший. Ведь это ты нас пугал? Ночью. Ты закружил, чтоб с дороги сбить?

— И верно, — насторожился Зашиба. — Вона сотоварищ его за елушником.

Над молодыми елочками покачивала рогами лосиная голова.

Ушкуйники много дней не ели мяса.

— Лоська, беги!

Три стрелы впились в шею сохатого. Он захрапел, вски-

нувшись на дыбы. В шею вонзилось копые и еще несколько стрел. Кровь хлестнула в несколько широких струй. Сохатый упал на передние ноги и вывдротил рогом пенёк, бросился вперед, где только что стояли люди. Ждан шел ему навстречу, бормоча:

— Лосенька, лосенька.

Сохатый смял его и отбросил копытом. Он топтал сумки и лыжи, бил рогами в ели, на которых спасались новгородцы, метался и хрипел, поливая снег широкими полосами крови. Наконец, встал на колени, зашатался и опрокинулся.

· ЗОЛОТАЯ СЕРЬГА

Яков решил подняться на вершину ближайшей горы, осмотреться. С ним увязался Савка.

На лысой плоской вершине снег был плотен, как наст. Он навис козырьком над пропастью. Савка глянул вниз и и отшатнулся — далеко внизу, как темная травка, щетинился лес. Сорвись — и разобьешься не сразу. Яков стоял близко от обрыва, придерживаясь за куст кедрового стланика.

Гудел ветер — здесь всегда гудит ветер. Внизу плыли лохматые, как дым, облачки. Они цеплялись за вершины кедров, и казалось, что гора дымится. Солнце было очень ярким — слепило до боли в глазах, а проплывшая тучка — неестественно синей.

— Вон югорские городища, — показал Яков.

Голубоватые горбы гор сливались с небом. Внизу, как дорога меж скал и леса, виляла река. Далеко на север, где черный лес становился синим, были видны дымки.

Яков улыбался.

— Земли сколько.

Он снял лохматую собачью шапку, поставив ветру

лицо. Вырвал серьгу из уха, медленно размахнулся и бросил ее, как камешек, в солнце. Она сверкнула над пропастью, и Савка подался за ней. У него тряслись коленки.

— Ого-го! — хрипло кричал Яков и хохотал.

— Не пойму тебя, атаман. Чудишь... — сказал Савка.

— Тоскливо, если не чудить.

Савка смотрел на спину Якова и чувствовал, как надуваются на шее жилы. Он ненавидел Якова люто и страшно. Баловень. Савка ползет к богатству, обдирает ногти. А тот швыряет золотом и хохочет. Толкнуть сейчас... Да, самое время исполнить боярский наказ.

Потными и тяжелыми стали руки.

— Вольно здесь, — сказал Яков.

— Вольно, — беззвучно шепнули посиневшие Савкины губы.

Он вытянул руку и толкнул в широкую спину. Дрогнула рука, не силен был толчок.

Яков, качнувшись, шагнул вперед и упал на спину, вдавив локти в снег. Ноги висели над краем снежного карниза.

— Держись!

Скачками бежал к обрыву Омеля. Карниз хрустнул и разошелся трещиной. Яков сильнее вдавливал в него локти.

Савка отступал, не помня себя. Видел, как упал Омеля, схватив Якова за ворот. Карниз рухнул, и Яков повис над пропастью.

Савка бежал с горы, проваливаясь, падая, продираясь сквозь буреломы и заросли. Бежал, не зная куда и зачем. Только бы дальше от своих, от Омели. Он потерял шапку, разбил в кровь лицо.

Опамятовался он у реки. Стал жадно хватать пригоршнями снег и есть. Потом упал в снег и застонал. Громко и отчаянно, как раненый зверь.

На том берегу тоже кто-то громко простонал.

Савка замер.

На другом берегу была серая, изъеденная трещинами скала.

Тихо.

— Наваждение! — ругнулся Савка.

«Ждение, дение, ение»... — повторилось на том берегу.

Савка торопливо и крадучись стал отходить от колдовского места. Он уходил к югорскому городищу.

· В ЮГОРСКОМ ГОРОДИЩЕ

Крытый берестой дом югорского князька с двумя крохотными оконцами стоял отдельно от других, на широкой площадке, окруженной рвом.

На Савку бросились лохматые лайки, но сопровождавшие его югорские охотники отогнали палками злобных псов. У дома стояла старуха с круглыми глазами, закутанная в меха, — шаманка Тайша. Она обошла Савку кругом, пристально осматривая, и приказала войти.

В доме полутемно. На земляном полу выложен очаг из серых камней. В нем тлеют уголья, из котла над очагом идет вкусный мясной парок. У Савки дрогнули ноздри, и он проглотил слюну.

У стены устлана рысьими шкурками невысокая лежанка. С нее поднялся маленький старый князек с редкой бородкой и черными, как спелая смородина, глазами. Разрисованная красными узорами куртка, пошитая мехом внутрь, подхвачена серебряным пояском. На груди у князька ожерелья из серебряных монет.

Савка поклонился князьку, коснувшись пальцами земли.

Шаманка Тайша присела на корточки у очага и смотрела на уголья.

У князька затряслись губы. Он что-то спросил Савку на непонятном языке и, подумав, повторил, неуверенно выговаривая каждый слог:

— Кто ты?

— Прежде спроси — зачем пришел, — дерзко ответил Савка.

— Зачем пришел? — спросил князек.

— Как друг, — ответил Савка. — Идет к тебе войско новгородское, за данью.

Князек обхватил голову и заметался:

— Ай-ай, беда идет.

Монеты у него на груди мягко звякали.

Савка струсил.

Уходили последние надежды. Он торопливо выпалил:

— Невелико войско-то. Полторы сотни топоров осталось. Да и притомились люди — их теперь голыми руками взять можно. — Он вытянул свои ручищи с узловатыми цепкими пальцами.

Князек остановился, что-то соображая. Недоверчиво глянул на Савку. Тот загреб руками воздух, сжал кулак и придернул им:

— В мешок заманить и стянуть.

Князек покачал головой.

Шаманка резко вскочила и уставилась на Савку круглым черным глазом.

Он оробел, голова вжалась в плечи.

— Наши люди доверчивы, ежели с ними ласково...

Князек опустил на лежанку и долго смотрел так, медленно покачиваясь. Шаманка ткнула Савку пальцем в грудь и захохотала:

— Не бей первых оленей — они приведут стадо.

У нее были редкие желтые зубы и темное, похожее на сморщенный гриб, лицо.

Югры держали совет. Самые старые и достойные охотники пришли к очагу князька.

— Вах привел Рыжего, — сказала Тайша. — Рыжий привел чужаков. Пусть ответит Вах.

Вах пожевал губами.

У него были ясные глаза ребенка:

— У сохатого не бывает клыков. У Рыжего не было хитрости.

— Он не зажег сигнальный костер, — прищурился князек.

Вах не ответил.

— Рысь не дерется с медведем, — сказал самый старый охотник. У него слезились глаза и тряслась голова. — Пусть возьмут свое и уходят.

— Они ограбят святилища! — закричала шаманка.

— Это так, — сказали старики.

А самый старый из них сказал:

— Крот не знает солнца, а гуси летят и видят всю землю. Страх не учит быть сильным. Дайте пришельцам что они просят, но пусть расскажут они, почему народы за стеною леса сильнее нас.

— Ты хочешь пустить волка к оленям? Они перебьют нас поодиночке и сожгут городища, — зло насупился князек.

— Это так, — сказали старики.

А самый старый из них ответил:

— Не так. Пока мы будем жить, как медведи в берлоге, к нам будут ходить охотники с рогатинами. Много веков назад югры были единым народом и кочевали в степи, как вольные кони. Они никому не платили дани. Но пастбища скудеют, и человек мечтает о лучшем. Югры поклонялись солнцу и пошли вслед за солнцем в страну, куда уходит оно ночевать. Они продирались через леса и болота, а солнце все дальше и дальше уходило от них. За то, что они дерзнули его догнать, леса разделили народ на малые племена. Мы деремся друг с другом из-за лучших земель и боимся чужого глаза. Все скопленные богатства кладем к ногам золотой женщины. А другие народы ставят большие города, меняют друг у друга товары. Они, как юноши, растут и мужают. А мы дряхлеем и старимся. Пусть идут с пришельцами в их земли наши и учатся быть молодыми.

— К старости люди становятся детьми, — фыркнула

шаманка Тайша. — Ты хочешь нарушить заветы богов и предков? Они жестоко отомстят нам за дерзость. Все будет так, как хотят они!

И старуха трижды ткнула пальцем на небо и горы.

...Новгородцев удивила странная тишина в городище. Они взломали ворота.

Тепла была зола в очагах, лабазы были распахнуты и пусты. Возле домов валялся нехитрый скарб. Югры ушли.

Ушкуйники метались из дома в дом — пожить здесь было нечем. Кто-то ободрал со стены рысью шкуру, кто-то нашел связку мороженой рыбы, бронзовые подвески и пояс. Из-за поношенной меховой малицы завязалась драка.

Из-за частокола испуганно выглядывало оранжевое солнце. По багровому снегу и стенам легли резкие тени.

Яков с недоумением осматривал низкие, похожие на длинные землянки, дома. В каждом, наверное, человек по сорок живут. И это хваленая Югра, о богатствах которой складывают легенды? Куда же они пользуют серебро и меха, ежели даже поселения их похожи на бедные новгородские деревни?

Рыжего Ждана положили у очага, раздув огонь. Над ним хлопотал Зашиба. Ждан кричал от боли и дрожал. У него было разбито плечо и смяты ребра.

— Что замышляет югра? — спросил Яков.

Ждан отвернулся. Яков подсел к нему.

Час назад Рыжий рассказывал ему о братьях Помоздных. Ждан их не видел и не знает. Только слышал, будто ушли они за Каменный пояс — сказывают югры, что есть там счастливая земля, где люди не знают вражды.

— Зачем вы пришли сюда с бедой? — заговорил Ждан, пытаясь приподняться. У него клокотало в горле. — С бедой и колчанами, полными стрел? Незнаемый народ — все равно как не человеки, нет к нему жалости. А ты приглядишься к нему, узнай, пойми. Югру обступают леса и горы, из болот выходит гнус, с Полнощного моря и летом налетают

вьюги. Здесь всего вдоволь — зверя, рыбы и птицы. У Югры не хватает сил раздвигать лес, нет умения делать землю кормилицей, добывать железо и медь...

В слюдяном оконце метнулся алый отсвет — кто-то с досады запалил дом.

У Якова раздулись ноздри — разгулялась вольница! Он вдруг понял, что уже не в силах ее унять, не в силах сдерживать больше людей. Он почувствовал усталость. Все стало безразличным. И югорские соболя, и дом — все на свете. Словно пришел он не туда, куда так стремился.

— Останови стрелу на полете, — усмехнулся он Ждану. И выбежал из дому.

Пламя расплзлось по углу дома, шипело, облизывая снег на низкой крыше.

Яков приказал выступать. Отозвал в сторону Зашибу.

— Коли со мной что случится — на тебе все заботы. Сохрани людей. Обратный путь будет еще тяжелее.

— С чего приуныл, атаман?

— Так. Повитуха мне нагадала когда-то греть костями мерзлые камни чужой земли.

Яков был мрачен, подавлен.

Дым пожарища стелился низко по зубьям частокола, скрывая оранжевое солнце.

Второе городище тоже нашли покинутым. Заночевали, к полудню подошли к третьему.

Оно стояло на крутом холме в изгибе реки.

Дважды пытались взять городище приступом, но круты были склоны, высок частокол. Югры защищались отчаянно, их тяжелые медвежьи стрелы с медными наконечниками пробивали щиты из толстой кожи и дерева. Новгородцы отошли, потеряв полтора десятка ратников. Похоронили их в мерзлой земле, насыпав высокий снежный курган.

Яков, еле сдерживая ярость, повелел обложить городище, чтобы взять югру измором и голодом. Часть людей отослал зорить мелкие охотничьи становища, чтоб добыть мя-

са и рыбы. На случай долгой осады стали готовить землянки и крытые шкурами шалаши.

Минула неделя, другая. Ночами над частоколом колыхались факелы — югры были готовы и к ночному штурму. Тоска и уныние поселились среди новгородцев. Гасли надежды на возы серебра и мехов, неодолимым казался теперь и путь к дому.

Рыжий Ждан чуть оправился, мог уже ползать, волоча по снегу омертвевшие, неживые ноги. Яков выпрашивал его о здешнем народе, перебирая бронзовые югорские украшения и бляшки. Затейливой искусной работы были эти бляшки, изображавшие зверей и человеков. Вот степной орел, терзающий медведя. Вот женщина с младенцем во чреве — она стоит на бобре, над нею распластала крылья птица, а по бокам двое юношей с лосиными головами.

— Югры читают по этим бляшкам свои предания, как мы по книгам. Они верят, что у человека четыре души. Одна после смерти живет под землей, другая становится духом леса, третья обращается в птицу, — объяснил рыжий Ждан. — Но самая главная — четвертая, сонная, или вешая, душа. Она покидает нас во сне и витает в краю предков или в этом мире. Если она заблудится, человек уже не проснется.

Сердился Ждан, если Яков подшучивал над югорской верой.

— Всяк народ по жизни избирает себе богов. Югры зря зверя не тронут, потому что каждый зверь священен. Медведь, к примеру, был сыном верховного бога Нуми-Торума и жил на небе. Но выпросился он у отца на землю. Пятки у него голые и стали мерзнуть зимой. Отец дал ему огонь. Однажды грелся медведь у костра, а люди увидели огонь и решили его похитить. Они убили медведя и унесли с собой огонь. С тех пор медведи на зиму в берлогу ложатся, чтобы пятки не отморозить. Когда югры сейчас убивают медведя, они устраивают празднество, винятся перед его мертвой головой и поют священные песни. А перед этим вырежут

у головы язык и уберут глаза, чтобы дух медведя не мог их видеть и не мог пожаловаться богу-отцу...

Сказывал Ждан и о золотой югорской бабе. У женщины этой во чреве ребенок, а во чреве ребенка еще дитя. И означает это вечность жизни и рождения. Путь к идолу знают только старейшины и шаманы, не дано ее видеть простому человеку, а тем более иноземцу.

— Я найду золотого идола, — сказал Яков.

Ждан только грустно усмехнулся.

Шла пятая неделя. Прибыли послы от югорского князька. Старый охотник Вах передал Якову серебряное блюдо с монетами и украшениями, связки собольих шкур.

— Югра много думал и решил покориться, — Вах смотрел себе под ноги, словно чем-то обижен. — Югра готовит дань, Русь подождет.

Яков и обрадовался и встревожился — не готовит ли князек какой хитрости? В городище начинается голод, но и его воинам не сладко, варят березовую кашу, держатся из последних сил. Случись битва — им не выдержать.

— Хочу видеть Рыжего, — мрачно сказал старый Вах.

Ждан лежал у костра, закутанный в тулуп. От отвел глаза, когда подошел к нему Вах.

— Ай, у сохатого оказалось сердце хитрой росомахи! И старый Вах поверил росомахе! Ай!

Послы ушли.

Новгородцы оживились, гадая о югорских сокровищах, о близком пути к далекому дому.

А в городище вечерами перед домом князька полыхал костер и металась вокруг него в диком танце шаманка Тайша.

Сначала она долго курила, сидя на корточках у костра, набив трубку кусками сушеного мухомора. У нее белели щеки, а взгляд становился мутным. И она вдруг начинала скакать и выгибаться. На ней была маска с рогами гор-

ного козла. Ленты на ее бубне и поясе метались и вспыхивали в отсветах костра.

Савку усаживали рядом с князьком среди старых югров. У него затекали ноги во время игрищ.

У шаманки был грубый, мужичий голос. Савка не понимал слов. Что-то зловещее было в ее каркающих выкриках.

Э-э, Пор! Ты не видел кровь жертвы,
Ты пил ее.
Я говорю тебе.
Пробудись и слушай.
Эта земля принадлежит нам,
Ее пришли грабить.
Иди за тем,
Кто пришел сюда красть.
Сломай ему шею.
Пусть пойдет кровь у него изо рта.
Пусть пойдет кровь у него из носа.
Сломай ему хребет.
Убей!
Убей!
Убей!

— Убей! Убей! Убей! — повторяли воины и тыкали копьями в снег.

Савка страшился подумать о том, что должно случиться.

Разве он виновен, что так запутала его жизнь? Люди запутали. Только один человек понял бы — сынишка Тишата. Если не погиб он еще от хворобы, сверлящей кости.

...Тревожно прислушивались новгородцы к игрищу и песням за частоколом. Слишком долго князек собирает дань. Охватывало отчаянье. Снова прибыли послы, теперь только двое и без даров. Старого Ваха с ними не было.

— Дань приготовлена, — сказали послы, — князек приглашает лучших людей в гости. Просит не брать с собой оружия — на пиру оно не понадобится.

Яков и еще десять воинов ушли с послами в городище. Рыжего Ждана везли на лыжах, как на санках. Он сжал зубы, чтобы не стонать.

У дома князя полукругом у костра на жестких лосиных шкурах сидели князек и старейшины. Новгородцам показали место напротив. И только они присели, югры кинулись на них и скрутили руки.

Шаманка Тайша подолгу смотрела в глаза каждому и хохотала.

— Зачем ты пришел? — подступил к Якову князек. Он сутулился, будто хотел Якова боднуть.

— За данью.

— Почему мы должны отдать тебе наше добро?

— Не мне — Новгороду. Не своею волей мы пришли. Мы — его люди. И за каждый волосок, что упадет с нашей головы, ты ответишь ему.

— Русь, Югра — равные братья. Югра не платит дань! — закричал князек.

Яков ничего не ответил. Только показал на Ждана.

— Его не троньте. Он не виноват перед вами ни в чем.

— Что он говорит? — спросил Ждана князек.

Ждан промолчал.

— Он говорит, что не Рыжий их привел, — сказал Вах. — Это правда, Рыжий?

Ждан не ответил.

В стан новгородцев снова прибыл посол. Один. Он сказал, что мужи новгородские пируют со старейшими и приказали еще тридцати воинам идти в город за данью. Оружие брать не велено.

Новгородцы шли сквозь тесный молчаливый строй югров. Впереди шагал Омеля. Шагал широко, уперев руки в бока. Остальные едва за ним поспевали.

Вдруг югры расступились. Омеля почувствовал удар в плечо, удивленно покосился — из плеча торчала стрела. Он вырвал ее. Увидел, как рядом упал воин, словно подвернув ногу. Второй, третий...

Омеля, взревев зверем, выхватил кол и взмахнул им над головой. Югры отпрянули, побежали. Он гнался за ни-

ми с поднятым колом. И вдруг встал. Он увидел Савку. Они встретились взглядами.

Омеля не сразу сообразил, что это Савка. Откуда он здесь?

Савка юркнул за дом, за спины югров.

— К войску! — крикнул кто-то из новгородцев.

— К войску! — заорал Омеля.

Размахивая колом, он кинулся к воротам и с маху высадил их плечом.

Вдгонку ушкуйникам взметнулись стрелы.

В стан новгородцев добежал Зашиба Волос. Он перекрестился и упал на снег. На брови у него запеклась кровь.

— Измена, — прошептал он и вдруг завопил тонко и отчаянно: — Спасайтесь!

Омеля очнулся ночью. Ему привиделось, что он в жаркой бане и в полушубке в ней сидеть нестерпимо. Он стал сбрасывать полушубок и очнулся от боли.

Перемигивались низкие звезды. Омеля не мог понять, где он. Вспомнил Савку. И подумал: «Замерзаю».

На глаза наваливалась дремота, и не хотелось шевелиться. Свинцовая тяжесть была в затылке, ныли нога и бок. Он с трудом поднялся, побрел к городищу.

Ему казалось, что идет он очень долго. Где-то лаяли собаки, шумели люди. Омеля поднял голову. На взгорье маячила зубчатая стена частокола.

...Югры торжествовали победу.

К костру перед домом князька привели белого коня и подвесили ремнями на четырех столбах. Стали тыкать его ножами и пили хлеставшую фонтанами теплую кровь. Конь отчаянно бился и стонал почти по-человечьи. Подали и Савке глубокую чашу. Он с омерзением отстранил чашу и вдруг увидел, что она серебряная, с чеканной фигурой птицы. Он взял чашу и выпил кровь.

— Ты друг, — хлопал его по плечу князек. — Что жelaешь, бери. Югра дружбу платит.

Савка показал на чашу.

Князек покачал головой.

— Шкурки бери. Светлый металл — нет. Светлый металл — Торума, смотрящего за людьми.

Он показал на небо.

Савка подумал: «У них вроде нашего: есть в церкви казна, да не твоя. Поцелуешь позолоту на иконе — и облизнешься».

Князек велел привести Якова и Ждана. Их и еще девять лучших мужей новгородских держали в плену в тесной камере.

Князек не хотел больше крови. Он отпустит новгородцев. Они должны рассказать в своей земле, что югры сильны и не будут платить дань.

Руки Якова были перекручены узкими острыми ремнями. Вокруг щетинились югорские копыя.

— Войско ушло. И ты иди, — сказал князек Якову. — И этот пусть уходит, — указал он на Ждана.

— Мне некуда идти, — ответил Рыжий. Он еле стоял, держась за плечо Якова. Яков взглянул исподлобья на князька и увидел рядом с ним Савку. Тот был в югорской одежде с монетами на груди. Яков рванулся, в грудь ему уперлись копыя. Савка попятился.

— Кровь наша на тебе, Савка, — тихо сказал Яков.

— Это друг, — обнял Савку князек.

— Не отпускай Якова, — в отчаянии зашептал ему Савка. — Он соберет новое войско и вернется.

Князек отмахнулся: воевать — доля черных людей, а именитые мужи должны уважать друг друга. Пусть уходит Яков.

— Я сделал для тебя добро, — задергал Савка князька за рукав. — Теперь ты сделай для меня. Убей Якова.

Шаманка Тайша сощурилась и захохотала.

— Последнюю волю исполни — покажи золотого бога, — попросил Яков.

Князек подумал и кивнул.

Яков, сын кривого Прокши, был убит. В дальней пещере у ног золотой бабы с монетами вместо глаз. Остальные девять пленников и Рыжий были отпущены.

Савка заторопился в дорогу. Князек его не удерживал.

Прошел в городище слух: какой-то огромный русский бродит ночью вокруг жилищ, губит людей и собак, не дает проходу никому. И будто ростом он выше кедра, а глаза у него, как два костра. Югры накрепко закрывались на ночь и даже собак держали в домах. Кое-кто нашептывал, что от Савки пришла такая напасть.

Но князек не хотел слушать наветы. Савка принес ему победу, он проводит Савку с почестью. По его наказу несли ему югры меха: куньи, соболиные, рысьи, беличьи. Валили и валили к ногам Савки. Тот жадно хватал их, шкурки мягко скользили меж пальцев — темные, пятнистые, дымчатые.

Ночью он не спал. В доме темно. В углу кто-то шелестел и двигался. Савка в ужасе прижался к стене.

— Кто здесь, кто?

— Предатель, — прошептал кто-то из угла.

— Прочь! — завопил Савка.

Распахнул дверь и отскочил к стене. К нему полз на четвереньках окровавленный человек. Лунный свет упал ему на лицо, и Савка узнал рыжего Ждана. Савка метнул в него нож и помчался по дороге. Ему казалось, что Рыжий гонится за ним.

Савка выбежал за ворота и отпрянул назад. Перед ним стоял Омеля. Стало тихо-тихо. Омеля вдруг начал расти, расплываться. Ледяная рука схватила Савкино сердце и сжимала сильнее и сильнее. Он отчаянно закричал и рухнул. Омеля не склонился над Савкиным телом. Он плюнул и пошел прочь.

Было тихо. Темнела зубчатая стена частокола...

Спутаны на земле дороги. Протоптали их люди. Пути племен и народов ищи по могильникам, именам рек и погостов. И по легендам. Мертвые первыми обживают новые земли. За ними идут живые.

...А великий город на Волхове жил широко и крикливо, изредка вспоминая ушедших в далекие земли ратников. «Не было от них вести всю зиму, ни о живых, ни о мертвых, и печалился князь, и владыка, и весь Новгород». Так записал потом, рассказывая о походе, новгородский летописец.

Весна пришла сухая и жаркая, даже ночи не приносили прохлады. И в такую ночь приснился Малуше голос Якова. Он был далек и невнятен, не поняла она слов. Будто сказал он что-то про золотого чужеземного бога и сгинул в черной пропасти.

Пробудилась она — кровавый свет трепетал в распахнутых оконцах. В доме с криком бегали челядинцы — пожар! «В лето 1194 года зажегся пожар в Новгороде, загорелся Савкин двор на Ярышовой улице, и был пожар зол, сгорело церковей десять и много домов добрых. На другой день загорелись Чегловы улки, сгорело домов десять. И потом более случилось, на той же неделе в пятницу, в торг, загорелось от Хревковой улицы до ручья на Неревском конце и сгорело семь церковей и велико домов. И оттуда встало зло: по всякому дню загоралось неведомо как в шести местах и более, не смели люди жить в домах и по полю жили... И тогда пришел остаток живых из Югры...» — рассказывает летописец.

Восемьдесят ратников остались живы тогда у югорского городища. Многие из них погибли по пути к дому. Изможденные и опухшие, добрались они до Новгорода в те дни, когда великий город постигла великая беда. И не было с ними ни серебра, ни других югорских сокровищ.

Были призваны ратники на посадников двор. Затеяли там ссору меж собою, обвиняя друг друга, схватились за ножи и мечи. «И убили Сбышку Волосовца, и Ногочевидца Завиду и Моислава Поповича сами путники. А другие кунами откупились».

Так окончился трагический этот поход.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ РОМАШОВ · ЛЕСНЫЕ ВСАДНИКИ

1. Кузнец Шавершол 7
2. Племя лесных всадников 10
3. Горе победителей 15
4. Последнее слово вождя 21
5. К Большому шаману 26
6. Раб 32
7. Хозяин Синей пещеры 36
8. Незнакомые братья 41
9. Смерть Арагеца 51
10. Голубая Кама 56
11. Лес и люди 61
12. Большой костер племени 69
Эпилог 75

· КОНДРАТИЙ РУС

- Вор 79
Другодеревенцы 81
Меч Орлая 90
Колдунья 97
Цена головы 103
Младший брат старого Сюзя 110
Волчье решето 114
Матвей, князь Великопермский 123
Голод 134
Гнездо Кондратия Руса 142
Зеленая рожь 153

АЛЕКСЕЙ ДОМНИН · ПОХОД НА ЮГРУ.

- Сокровища царей Востока 157
Задремавшие ветры 161
Вольный город 164
Путь 170
Леший 182
Золотая серьга 187
В югорском городище 189

Андрей Павлович РОМАШОВ

· **ЛЕСНЫЕ ВСАДНИКИ**
· **КОНДРАТИЙ РУС**

Алексей Михайлович ДОМНИН

· **ПОХОД НА ЮГРУ**

Повести

Редактор **Н. Гашева**
Художник **А. Дановский**

Художественный редактор **М. Тарасова**
Технический редактор **Т. Дольская**
Корректор **И. Пархомовская**

Сдано в набор 11/IX 1972 г. Подписано в печать 1/XII 1972 г. Формат 70×108¹/₃₂. Типогр. бум. № 2. Бум. л. 3,1875; печ. л. 6,375; усл. печ. л. 8,925; уч.-изд. л. 9,323. ЛБ02474. Тираж 30 000 экз. Цена 38 коп. Пермское книжное издательство. 614 000 Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательства, полиграфии и книжной торговли. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1402.